

Памяти героев посвящается...

Инициативу одного из крупнейших современных писателей Сергея Козлова по изданию этой книги, вобравшей в себя произведения писателей Тюменского края, Югры и Ямала, посвящённых теме подвига человека, поддержали и Совет по книгоизданию Тюменской области, и Общество Русской культуры, и Тюменское отделение Союза писателей России. Финансовое бремя по изданию взяла на себя целая группа депутатов Тюменской областной Думы.

По мнению составителей: «Этот сборник – особый дар подрастающему поколению...»

В Год защитника Отечества, объявленный президентом, и в Год героев, объявленный губернатором Тюменской области, эта книга посвящена тем, кто в разные времена вставал на защиту нашей Родины: Героям Великой Отечественной, Героям тыла и всем защитникам России...».

Книга постепенно распространяется по библиотекам всей Тюменской области, и помогают этому процессу не только депутаты, участвовавшие в издании, но и сами авторы, чьи произведения вошли в сборник, помогая найти ответ на очень важные вопросы для современного читателя – так что же такое подвиг и что значит – бескорыстное служение Родине и любовь к ней.

Юбилейный год Великой Победы естественным образом стал причиной множества юбилейных мероприятий, в том числе и издательских проектов. Однако, далеко не все из них можно отнести к разряду настоящих событий. Таких, каким стал «Фронтовой сборник».

Здравствуй, уважаемый читатель!

От редактора

Каждое утро, прогуливаясь по своему любимому маршруту – пешеходной дорожке по улице Садовой, благодаря выросшим деревьям превратившейся в замечательную аллею, отмечаю, как неохотно нынешняя осень отступает перед законами природы и предписаниями календаря. Октябрь перевалил за середину, отзвенел колоколами крестный ход и День Покрова, а дни всё так же светлы, чисты и сухи. Словно осень разучилась плакать или у неё попросту нет повода для дождливого слёзоразлива.

Умиротворение или затишье?

Каждый определяет для себя сам, как это было вчера... сотни лет назад или наоборот будет. И эта неизбежность не удручает. Напротив, осознание

себя частью вселенской справедливости, делает жизнь и проще, и насыщеннее одновременно.

И приходит понимание бесценности человеческой жизни, и познание красоты творческого начала. Впрочем... Уже повторяюсь.

Лирическое настроение этой осени подспудно отразилось и на формировании этого выпуска «Глагола», где-то подчинившись воле случая, где-то провидчеству снов, и неизменно сознание шло об руку с пониманием, что любое слово должно быть честным и искренним, даже, то, которое сказано другими, но редакторской волей размещённое на страницы очередного выпуска.

Только честность, только искренность. Во имя вашего доверия...

Татьяна Юргенсон

45-летию города Мегиона

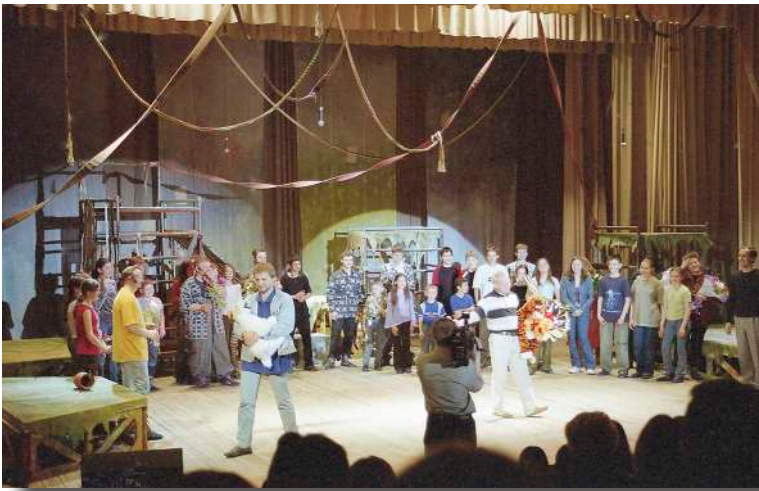

Фото Татьяны Юргенсон

Материал «Что обрели и потеряли...»
читайте на стр. 6-9

СОДЕРЖАНИЕ

45-летию города Мегиона

Татьяна Юргенсон

Что обрели и потеряли...

Стр. 6

Тихие шаги истории

Людмила Евгеньевна

Ковалёва

Толькинский красный чум в фотографиях из архива Г. Н. Оносовой.

Стр. 10

45-летию города Мегиона

Альбина Васильевна Заграничник

Теперь это тоже история...

Стр. 14

Исследования литературоведа

Виктория Львовна Сязи

Танец в поэзии А. Иштимировой-Посоховой.

Стр. 17

ПОЭЗИЯ

Алла Иштимирова-Посохова

Я была птицей...

Стр. 21

Слово писателя

Владимир Костин

Эпоха великой засухи.

Стр. 24

ПРОЗА

Владимир Александрович Квашинин

Река.

Стр. 30

Тихие шаги истории

Анжелика Давыдова

Сургут. Взгляд в прошлое.

Стр. 32

К 80-летию Победы

Николай Мельников

«Освобождён от работы».

Стр. 37

Культурные коды

Татьяна Гоголева

Интервью с Афанасьевой Клавдией Васильевной о роли и будущем Медвежьего праздника у манси.

Стр. 39

Из словаря Даля

Пословицы, поговорки, загадки и приметы.

Стр. 43

ПОЭЗИЯ

Группа поэтов «Север» об осени.

Стр. 44

Туристские истории

Татьяна Юргенсон

Живая вода.

Стр. 47

Духовными дорогами

Людмила Михайловна Порошина

Извара – место Силы, Тишины и Гармонии...

Стр. 48

Туристские истории
Юлия Сержант
Выходные в походе – это восторг!
Стр. 52

Крупным планом
Сергей Козлов
Долг Андрея Маркиянова.
Стр. 54

ПРОЗА
Елена Архипова-Поддубная
Последний тёплый день.
Стр. 56

Природа и мы
Г. Кукиричкин, В. Тюрин
Флора урочища Барсовой Горы.
Стр. 57

Укрытое временем
Григорий Ведмидь
Четыре поселенческих комплекса археологического микрорайона Барсовой Горы.
Стр. 58

ПРОЗА
Елена Капитанова
Пряник в рукаве.
Стр. 70

По страницам «Ленинского знамени»
Павел Миронов
Сирень-черёмуха.
Стр. 75

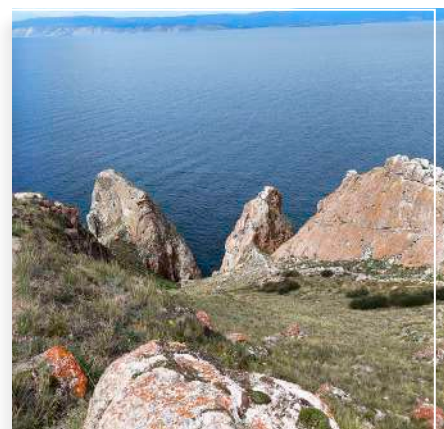
Национальная ценность
Сергей Козлов
Беречь язык и душу.
Стр. 76
Ольга Рыжикова
Что останется главным...
Стр. 77

Маленькая проза
Владимир Волковец
Счастливое негодование.
Стр. 79

Взгляд профессионала
Ольга Павловна Мазепина
Фортепианные пьесы
К. М. Лакина: краткие
методические
рекомендации для
исполнителей.
Стр. 81

Туристские истории
Светлана Мечкова
Байкал.
Стр. 87

Фоторепортаж
Татьяна Юргенсон
Встречи группы поэтов «Север» в Мегионе.
Стр. 96

Из жизни художников
Фатима Хазырова
Подставить лицо солнцу!
Стр. 97

Фоторазворот
Татьяна Юргенсон. Стр. 2-3
Фатима Хазырова. Стр. 98-99

Татьяна Юргенсон,
член СПР, редактор
культурно-просветительской
газеты «Глаголъ»

Что обрели и потеряли...

Как и обещали в Мегионском Камерном музыкальном театре, новый сезон открыли премьерой постановки оперы П. И. Чайковского. Спектакль назван «Дочь короля Рене», потому что в классический вариант «Иоланты» добавлено несколько больше, чем в оригинале музыкального произведения, поэтических строф автора лирической драмы Г. Герца. Красивейшее произведение, которое многие музыкальные критики называют одной из ярчайших вершин творчества великого русского композитора, в исполнении артистов Мегионского театра не потеряло ни изначальной глубины, ни притягательности. И это событие можно по праву назвать не просто достижением, а Победой.

Высокий уровень, достигнутый Театром, побуждает любителей именно этого коллектива надеяться на новые серьёзные постановки и фантастические впечатления от них. И я тоже отношусь к их числу. Но, как всякая победа, в какой бы области она ни была достигнута, имеет под собой не только длительный тяжёлый труд, но и широчайший спектр вовлечённых в него людей, событий и... возможностей – достигнутых и упущенных.

Первым поразившим меня впечатлением тридцать два года назад, когда приехала в Мегион, оказалось наличие в нём трёх (!) школ искусств и художественной школы. Активная и открытая для всех жителей города жизнь в этих учреждениях (и это в самые сложные времена 90-х!) бурлила, как лава в вулкане. При этом у каждой школы была совершенно особая, собственная аура и «свое лицо». Было безумно интересно

не только наблюдать за кипящей в них жизнью, но и чувствовать некую сопричастность к ней. Да, в основном, в качестве журналиста, зрителя, но иногда и участника, что насыщало особой творческой энергией. Это «купание» в энергетическом источнике, питающем ауру всего города, длилось почти двадцать лет. Причём своей перенасыщенной энергией Мегион щедро делился со всеми.

Стоит только вспомнить те почины, с которыми мегионские деятели культуры выходили на окружной уровень, поддерживая статус Мегиона, как «города первых». Первый и единственный в округе Художественный коллектив «Вдохновение», первый и единственный в округе и не только «Региональный историко-культурный и экологический центр», выросший из маленького уголка школьного музея, первые окружные фестивали детского художественного творчества «Северная фантазия», объединившие юных художников округа и создавшие основу коллекции музея детского творчества «Северные звёздочки», а также первые окружные выставки профессиональных и самодеятельных художников округа. После нескольких лет проведения этих мероприятий в Мегионе было принято решение о их включении в окружную программу культурной жизни с ежегодным определением нового места для события. Однако, принятые изменения не пошли на пользу – буквально через два-три года эти фестивали-конкурсы и коллективные выставки просто заглохли.

А Мегион продолжал фонтанировать идеями. И то по одному поводу, то по другому можно было услышать от гостей города и жителей других территорий, восклицавших со значительной долей зависти «Как вам повезло!» или «Какие молодцы в Мегионе!»... Восклицания были заслуженные.

Так в школе искусств «Камертон», созданной в рамках общеобразовательной школы № 4, к первому десятилетнему юбилею было поставлено уже три полноценных детских мюзикла – «Пеппи Длинныйчулок», «Похищение века, или новые приключения Маши и Вити» и «Тысяча и один год, или Новогодние приключения Джина». Дружба с профессиональным режиссёром, заслуженным артистом России Эдуардом Аркадьевичем Тереховым (г. Самара) вовлекла в непредсказуемо яркую атмосферу театральной жизни не только камертоновцев. Спектакли с успехом прошли и на школьной сцене, и на городской. Да и в рамках Окружного театрального фестиваля «Пеппи Длинныйчулок» получил Гран-при, а также стал лауреатом российского конкурса.

Четвёртой, самой мощной, на мой взгляд, работой камертоновцев в этой области стал мюзикл «Маугли», написанный молодым тогда самарским композитором Василием Тонковидовым на либретто самого Эдуарда Терехова специально (!!!) для артистов этой школы. Как такового театрального отделения в «Камертоне» не было, хотя мечта о нём жила с самого первого дня открытия школы. И в постановке были задействованы почти все учащиеся средних и старших классов музыкального отделения школы искусств (не путать с возрастом в общеобразовательной школе), педагоги «Камертона», а также некоторые педагоги из обычной СОШ № 4, включая её директора.

Премьера на сцене ДК «Прометей» и сегодня, спустя больше двадцати лет, отзывается в памяти потрясающим чувством сопереживания происходившему на сцене. А ещё, я больше чем уверена, что все участники того спектакля вспоминают о нём как об одной из вершин собственного роста.

Помимо театральных успехов в «Камертоне» огромное место занимало и хоровое искусство. В него были вовлечены так же все учащиеся музыкального отделения и педагоги-музыканты. Младший, средний, старший, сводный хоры, вокальный ансамбль педагогов «Ноктюрн». Активная концертная деятельность этих коллективов, которые откликались на любое приглашение участвовать в общегородских мероприятиях и праздниках, часто несли на себе основную нагрузку концертных программ. А уж отчётные концерты, проводимые на сцене ДК «Прометей»

собирали полный аншлаг. И казалось, что у такой-то школы впереди великолепное будущее и бескрайние перспективы...

Однако прошлый учебный год для «Камертона», как самостоятельной школы искусств оказался последним. Нет, педагогов и детей, занимающихся там сегодня, не бросили на произвол судьбы. «Камертон» стал структурным подразделением школы искусств имени А. Кузьмина, как несколько лет назад произошло со школой искусств № 2, которая жила своей безумно интересной и насыщенной жизнью в посёлке Высокий. И тут неизбежно встаёт вопрос – а чего больше в таком решении, принятом городом – выгоды или потери?

Не собираюсь обсуждать экономическую сторону сложившейся ситуации, потому что считаю, что с культурой, как и с армией надо помнить, что если не содержать свою армию, придётся кормить чужую, или если не поддерживать свою культуру можно потерять самих себя и запросто оказаться рабом чужого, не приемлемого менталитета. Существование прямой связи между состоянием Культуры и здоровьем общества множественно доказано и философами, и писателями, и исследователями, и самой Историей человеческой цивилизации.

И поэтому повторяюсь с вопросом – так что же получил в конечном итоге Мегион, сведя в одно учреждение три школы искусств?

Да, сегодня учатся дети тех, кто родился в постперестроечное время, как раз в те лихие девяностые. И эта демографическая яма ещё не выравнена всеми мерами государственной поддержки. А потому объективно для школ – в них сейчас меньше учеников, чем бывало в иные годы. А ещё процесс цифровизации общества просто перепрограммирует сознание, особенно молодое и только начинающее развиваться. И вот итоги этого процесса, который тоже, вроде бы объективный, ужасают. Катастрофически убогие знания целого поколения новых студентов вузов, тотальная безграмотность, возвращенная системой ЕГЭ, о чём с болью уже даже не говорят, а кричат на филологических факультетах наших университетов, повальная концентрация внимания в сфере потребления и только в ней...

И в русле этих, всеобщих государственных проблем, оказывается так легко просто поддаться успокоительному – «не мы такие, жизнь такая» и с облегчением отстраниться от насто-

ящей работы над сохранением нашего русского общества, что требует уже невероятных усилий.

Повальное отсутствие интереса детей ко всему, что как-то заставляет двигаться вперёд, внутренне развиваться, отмечают педагоги и общеобразовательных школ, и школ искусств. И эти наблюдения не где-то там, абстрактные, а наши, мегионские. Молодёжи, растущей в сегодняшних и информационных, и эстетических реалиях вроде бы хорошо, а вот взрослым страшно. Как поколение, которому всё «не интересно», «скучно» будет отвечать за будущее своей страны, своей земли? И ведь, следуя объективности, не молодёжь в этом виновата. На неё неизбежно (!), таков закон времени, ляжет ответственность за будущее, но вот ошибки и просчёты в этом будущем будут – нашими!

Не буду повторять аксиому о ценности и значимости эстетического и духовного развития любой личности. Возвращаясь к теме мегионских школ искусств, хочу только акцентировать внимание на огромном творческом потенциале, который был сосредоточен в этих учреждениях, да и во всех остальных учреждениях культуры города. А видимым проявлением этой мощи были многочисленные яркие культурные события, выходящие за рамки стандартной профессиональной деятельности.

Так школа искусств № 2 п. Высокий в своё время была инициатором и организатором весьма масштабного конкурса по академическому вокалу среди учащихся ДШИ и вокальных студий. В них принимали участие дети со всего восточного региона округа. На фоне активно распространяющихся онлайн конкурсов, когда соревнуются не живые исполнители, а их записи, непосредственное прослушивание друг друга со сцены и оценки жюри, присутствовавшего в этом же зале за один день конкурса дали информации для размышления над собственным профессиональным ростом не меньше, чем год спокойной работы в классе. Ученикам-то точно!

Вообще первое десятилетие нулевых в этом плане для Мегиона было весьма оптимистичным. В каждой из трёх школ были свои замечательные педагоги-вокалисты, работающие по разным методикам. Но все они неизбежно равнялись на уровень, задаваемый художественным коллективом «Вдохновение». Исполнение последним «Всенощной» Бортнянского, «Stabat Mater» Перголези, многочисленных филармонических

программ, раскрывающих сокровища мировой и русской классической музыки, музыкальных спектаклей, задавая высочайшую планку в исполнительском искусстве, доказывало всем ещё и то, что для настоящего искусства не существует преград в виде удалённости от возможностей крупных городов или столиц. Главное – верить в себя и не останавливаться на достигнутом.

Помимо сольного пения в эти же годы, опять же благодаря школам искусств, было относительно неплохо развито хоровое пение. Почему относительно? Потому что из этой традиции, существовавшей ещё в последние годы советской действительности, выпали и общеобразовательные школы, и коллективы предприятий. В школах, загружаемых всё новыми требованиями и предметами, давно уже не стало хватать времени на обычные уроки пения.

Поэтому хоры школ искусств оказались единственными хранителями этой старейшей русской традиции в Мегионе. И организованные школой искусств имени А. Кузьмина открытые городские конкурсы хорового искусства позволяли не только отследить развитие этого направления, но и дарили надежду, что хоровые традиции будут сохранены. Увы, после трёх конкурсов они прекратились. Исчезли возможности для проведения? Пропал интерес участников? Или всё-таки изменились сиюминутные приоритеты у управляющей на тот момент всеми культурными процессами стороны?

По большому счёту Мегион сделал несколько своих добавлений в яме под уничтожение народной культурной традиции. Мизерные, практически незаметные не общем фоне разрушения всеобщей культуры, но они есть. И кто знает, а вдруг как раз эти крохи и окажутся последними на пути полного саморазрушения нации?

Утрирую? Ну, может, только чуть-чуть.

Были и ещё инициативы, которые вылились в масштабные городские культурные события. Например, замечательный фестиваль творчества педагогов школ искусств всего восточного региона округа «Со-дружество», такой своеобразный смотр профессионального уровня тех, кто воспитывает и учит детей основам музыкального искусства.

Много ярких впечатлений оставил и фестиваль «Казачий круг», собравший исполнителей народных песен – больших и маленьких, взрослых и детей, опять же с огромной территории

Нефтеюганского, Сургутского и Нижневартовского районов – самой густонаселённой части Югры.

Также фактически разовым оказался городской конкурс хореографии, хотя в каждой из трёх школ искусств были хореографические отделения, да и в городском Дворце искусств сегодня, кажется, есть свои хореографические коллективы. А ещё пятнадцать лет назад отчётный концерт только хореографического отделения ШИ № 2 собирал столько зрителей в ДК «Сибирь», что им приходилось плотным рядом стоять и вдоль всех стен. А самих учащихся, занятых в выступлении, было задействовано не меньше сотни. Школа принимала всех желающих ребятишек посёлка и добросовестно их учила, и воспитывала...

Сегодня же, под предлогом необходимости капитального ремонта здания, ШИ № 2 переселена в здание общеобразовательной школы, в которой подспудно появились чувства не хозяев, а приживалок. На это состояние усиленно наслаиваются вышеназванные процессы уменьшения числа детей и снижения всяческого позитивного, развивающего интереса у подрастающего поколения, и потворства этим настроениям со стороны родителей и просто взрослых. Потому что так легче, потому что комфортнее жить в режиме внутреннего энергосбережения.

В этих условиях присоединение високовской школы к школе искусств имени А. Кузьмина кажется оправданным и правильным, только вот здесь очень чётко прорисован ещё один шаг на свёртывании поддержки Культуры в Мегионе. Этот процесс видимым стал уже давно. Стоит только вспомнить о сокращении филиалов библиотек в городе, что привело к нарушению требования шаговой доступности к ним. Это процесс укрупнения, то есть объединения в единое учреждение Дворца искусств и домов культуры «Прометей» и «Сибирь». Да, управлять учреждениями через одного руководителя проще, но ведь и ошибки и недочёты такого руководства автоматически распространяются на все подконтрольные, и уничтожается момент возможного выбора жителями. И сегодня уже на полном серьёзе в управленческой структуре поднимается вопрос о закрытии дома культуры «Сибирь» на Высоком... за ненадобностью. И мне просто интересно, а у кого из жителей этого отдалённого пока ещё микрорайона города спрашивали про

надобность? Ведь уже и о самом посёлке промелькивают слухи о возможной передаче его в состав района.

Не миновала Мегион и жажда переименования. Ладно ещё улицы переименовываются в честь действительно заслуженных и важных для города людей – геологов и нефтяников-первопроходцев. Но вот зачем замечательное название бывшего Дома культуры геологов «Прометей» переназвали «Калейдоскопом»? Под старым названием это здание несло на себе отпечаток истории самого города, так как не одно десятилетие именно здесь проходили все важнейшие события, объединяющие и культурную, и социально-политическую жизнь в городе. Старшее поколение ещё по привычке может в разговоре сказать или попросить таксиста довезти до «Прометей». Но сегодняшняя молодёжь смотрит с непониманием – а это где? Точно так же реагируют и большинство таксистов, потому как почти все иногородние, и история Мегиона им неведома.

Я умышленно не называю никаких мегионских имён, хотя необходимо напомнить, что за каждым всплеском, маленькой или большой победой стоят конкретные личности точно так же, как и за каждым промахом, проигрышем и шагом разрушения.

Историю делают не массы, а конкретные люди, которые готовы или не готовы взять на себя ответственность за все последствия своих действий, своей позиции. И каждому из нас в разное время по разному поводу доводится бывать в той или иной роли. Только вот если конечная цель нашего внутреннего развития находится в созвучии с созиданием прекрасного, то и окружающими мы будем восприниматься как созидатели. В противном же случае получается что-то страшное.

При внешнем достаточно благополучном образе нашего небольшого города, вдумчивая и неравнодушная душа заметит признаки стагнации и склонности к саморазрушению, при котором теряется «собственное лицо», сереет аура, и проявляется покорность внешнему давлению. Это состояние особо зримо на фоне выпуклых и ярких одиночных побед.

А так хочется, чтобы лозунг на въезде в город «Город первых» отражал его истинную сущность...

Людмила Евгеньевна Ковалёва,
кандидат культурологии,
директор муниципального бюджетного учреждения
«Нижневартовский краеведческий музей имени
Тимофея Дмитриевича Шуваева».

Толькинский красный чум в фотографиях из архива Г. Н. Оносовой

Красный чум – кочевое комплексное учреждение культуры в районах Крайнего Севера. Красные чумы создавались в 1930-х годах для ликвидации отсталости коренного населения в области грамотности, медицинского и санитарного просвещения, культуры. По мнению Л. В. Алексеевой, зарождение такой формы работы с коренным населением было характерно вначале для Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа [1, с.147], откуда получило своё дальнейшее распространение.

Один из первых документов, регулировавших деятельность красных чумов, «Временное положение о «Красном чуме» от 1930 г., так определяет цели и задачи этого своеобразного учреждения: «Красный Чум» является культурным и политическим центром основных туземных масс тундры. Организуется в самой глубине тундры по пути постоянного передвижения основных кочевий тундры». В качестве задач устанавливалось следующее: «...а) поднятие культурного уровня туземца и в первую очередь ликвидация его неграмотности; б) оказание первой помощи тузонаселению (женщине) и коренное переустройство по линии оздоровления санитарно-бытовой обстановки чума туземца; в) пропаганда и непосредственное инициативное участие (Красный Чум организатор) в деле перестройки северного хозяйства по пути его коллективизации; г) поднятие политической сознательности и активности туземного кочевья в деле осуществления мероприятий Соввласти; д) повышение производственных знаний туземца области его трудовой деятельности: е) решительная борьба за раскрепощение туземки и

уничтожение кулака тундры как класса, а также изгнание из тундры шамана...» [3].

В последние годы число научных публикаций, раскрывающих те или иные аспекты деятельности красных чумов на Советском Севере значительно выросло. В этой связи необходимо упомянуть в первую очередь работы Л. В. Алексеевой, М. М. Ишбаева, М. В. Кашамаковой и других. В монографии Л. В. Алексеевой «Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920–1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты» подробно рассматриваются исторические аспекты организации и деятельности красных чумов на Тобольском Севере, описывается деятельность отдельных красных чумов Остяко-Вогульского и Ямало-Ненецкого национальных округов, в том числе – Толькинского красного чума. [1, с.158]

Толька – самое удалённое северное поселение Ларьякского района в первой половине XX века, которое находилось в бассейне рек Толька и Пур, где Ларьякский район смыкался с Туруханским краем и Ямальским округом. До конца 1950-х гг. поселение Толька относилось к Ларьякскому району, позднее было передано в административное подчинение Ямало-Ненецкого округа.

Подробно деятельность Толькинского красного чума рассматривается в монографии М. М. Ишбаева «Выход в свет: становление культурно-просветительной работы в Ларьякском районе. Часть. 2». Согласно его точке зрения, Толькинский красный чум был организован в 1932 г., а не в 1933, как утверждалось в более ранних публикациях [5, с. 228]. Упоминания о начальном периоде Толькинского красного чума

Оносова Галина, врач Красного чума,
пос. Толька. 1934. НКМ

встречаются в воспоминаниях И. В. Борщова, известного советского и хозяйственного деятеля в Ларьякском районе в 1930-е годы.

Значительную ценность, с нашей точки зрения, представляют материалы Галины Николаевны Оносовой, работавшей врачом Толькинского красного чума в 1933–1934 гг., переданные в фонд Нижневартковского краеведческого музея Т. Д. Шуваевым. Толькинская коллекция Г. Н. Оносовой – это рукописные воспоминания на 40 листах из школьных тетрадей, записанные в 1973 г. и восемь любительских фотографий, снятых в 1933–1934 гг. на Тольке.

Об этих снимках и пойдёт речь в настоящей статье. Физическое состояние самих фотографий не очень хорошее: у некоторых есть утраты углов, сгибы, трещины, на оборотной стороне – следы клея с остатками приклеенной бумаги, потемневший бумажный слой, пятна и т.д. Качество изображения также невысокое: оно практически на всех снимках высветленное, неконтрастное, кое-где встречаются затемнения в углах кадра. Ряд портретных снимков, среди которых и портрет самой Г. Н. Оносовой, напечатаны с применением самодельных бумажных рамок, кое-где рамки при печати сдвинулись, открывая изображение в части кадра, прежде скрытой рамкой. Всё это позволяет предположить, что, вероятно, фотограф не обладал большим опытом в фото-съемке и фотопечати.

Снимки сопровождаются подписями на оборотной стороне, выполненными рукой Г. Н. Оносовой. Два из восьми снимков были сделаны в зимнее время, шесть – в летний период.

Аналогичные снимки, отражающие первые годы работы Толькинского красного чума, в опубликованных источниках встречаются крайне редко, это, безусловно, повышает ценность нижневартовской коллекции с точки зрения краеведения.

Как отмечает М. М. Ишбаев, в первые два года своего существования красный чум на Тольке действительно располагался в двух чумах, пока в 1934 г. не было построено деревянное здание [5, с. 228]. Это же подтверждает Г. Н. Оносова, вспоминая о том, что вновь прибывшие на Тольку работники чума некоторое время жили в настоящем чуме, а затем переселились в палатку (7, л. 37 об). В книге «Не чужая боль: страницы истории становления и развития здравоохранения Нижневартковского района...» приводится фотография с видом Толькинского чума в 1933 г., напоминающего времянку с печной трубой – вероятно, это и есть та самая палатка, которую упоминает Г. Н. Оносова. [6, с.75]

Деревянное здание Красного чума было построено по чертежам десятника Даниила Петровича Роговского из Ларьяка, который руководил строительством на Тольке. «...Здесь под одной крышей размещались сельский совет, школа и жильё для учителя, переводчика, заведующего. В составе Красного чума были ещё несколько отдельно стоящих строений: радиостанция, пекарня, медпункт и магазин» [5, с. 228]

На одном из снимков нижневартовской коллекции (НвКМ-10408/1) запечатлён момент строительства деревянного здания: четыре человека в зимней одежде со строительными инструментами, стоящие рядом с оструганными брёвнами. В центре снимка – мужчина с топором, левая нога которого упирается в лежащее на снегу бревно, слева от него смутно виден силуэт второго рабочего, стоящего анфас. У правого края кадра виден силуэт третьего рабочего, слева от него – рабочий, стоящий на высоких козлах с уложенными на них брёвнами. В руках у рабочего – вертикальная пила для распилки бревна. На заднем плане видны невысокие одиночные деревья, вокруг лежит глубокий снег. На оборотной стороне снимка расположена надпись: «Толькинский красный чум.

На строительстве помещения (школа, медпункт общежитие)».

Другой снимок (НВФ-1007/3) представляет групповой портрет работников красного чума, расположившихся в три ряда у бревенчатой стены. Портретируемые запечатлены в зимней одежде. В первом ряду снизу изображены три человека: справа и слева полулежат двое мужчин азиатского типа, в центре – молодая женщина со щенком в руках – учитель красного чума Александрова. Во втором ряду – трое мужчин, крайний справа – киномеханик Кузнецов Лазарь и женщина. В третьем ряду первый слева – высокий мужчина с бородой и усами – заведующий красным чумом Леонид Миронович Райшев, одетый в тёмно-серую куртку, серую косоворотку. Вторым слева – мужчина с густыми волосами, окладистой чёрной бородой и усами, одетый в серую телогрейку, с щенком в руках – командир оперативного отряда Сабанин. Третий слева – радист Толькинского туземного совета Кошкарarov Иван в шлеме, в чёрной куртке и тельняшке.

Присутствие на снимке командира оперативного отряда объясняется трагическими событиями, произошедшими осенью 1933 года на территории Тольки: так называемый толькинский мятеж, ряд нападений на советские учреждения банды Фёдора Прасина. «...В сентябре был сожжён кочевой туземный совет, приостановлена его работа. Во время пожара сгорели и запасы продуктов. Ханты, опасаясь бандита Фёдора Прасина, перестали помогать школе мясом, рыбой. Среди учащихся и работников чума начался голод, дети из школы стали убегать, часть детей забрали родители. Работники чума вынуждены были ходить на охоту и питаться добытой дичью, а ночами дежурили и охраняли территорию резиденции. В один из дней отправился на охоту и не вернулся учитель, комсомолец Василий Бормотов. Его разыскивали несколько дней, но обнаружить не удалось, и судьба его до сих пор не известна. [5, с. 234]

В декабре 1933 г. для умирения мятежа из Ларьяка на Тольку был направлен небольшой отряд сотрудников ОГПУ и милиции, в состав которого входил уполномоченный ОГПУ Андрей Ефимович Волков, старший уполномоченный районной милиции Николай Александрович Перевалов [4], но подавить мятеж не удалось. В январе 1934 г. в перестрелке с бандитами погиб Н. А. Перевалов, группа вернулась в Ларьяк. [2, с. 9]

По воспоминаниям И. В. Борщёва, в марте 1934 г. на Тольку для борьбы с бандитами был послан вооружённый отряд из Остяко-Вогульска (Ханты-Мансийска) под началом ответственного секретаря окрисполкома Сабанина, которого Борщёв характеризует словами: «молодой энергичный человек». [2, с. 9] В Ларьяке к отряду присоединилась небольшая группа ларьякских активистов под началом А. Е. Волкова. Вернулся отряд обратно после подавления мятежа в конце марта этого же года [там же]. Сопостав-

Строительство нового деревянного здания
Толькинского Красного чума. пос. Толька. 1934 г. НКМ

ляя сведения из первоисточника с имеющимися снимками, можно с уверенностью утверждать, что групповой «зимний» портрет из коллекции сделан в марте 1934 г., поскольку на снимке запечатлён командир отряда Сабанин.

По словам Г. Н. Оносовой, красный чум под руководством Л. М. Райшева проработал тринадцать месяцев. В состав его входили: заведующий Райшев Л. М.; переводчик Натускин Кузьма – ханты из Ларьяка; учительница Александрова Людмила (так в подписи в фотографии) из Ларьякской школы (в монографии М. М. Ишбаева указана Александрова К. Н. [5, с. 235]); киномеханик Кузнецов Лазарь из Самарово, врач Оносова Г. Н.; уборщица-санитарка Сигильетова Наталья – ханты из Ларьяка; пастухи Кунин Любушка и Кунин Тимофей, ханты с Тольки. «... Вместе с нами трудились работники туземного (Толькинского) Совета – Александров Евгений из Ларьяка и Тугаскин Иван с Нижней Оби, радист Кошкарarov Иван из Ларьяка».

Портреты отдельных работников красного чума запечатлены на шести снимках, сделанных в летний период. Так на фотографии №НВКМ-

10408/7 крупным планом на фоне стены из свежеструганных брёвен изображена сама Галина Николаевна Оносова, одетая в светлую рубашу, в светлом, с мелким рисунком, платке, плотно закрывающем голову, лоб и шею. На обратной стороне шариковой ручкой написано: «1933–1934. Толькинский красный чум». Ниже читается: «Это я – в период «гноса». На отдельной фотографии (НвКМ-10408/6) снят комсомолец Евгений Александров, секретарь Толькинского туземного Совета. Три парных портрета запечатлели радиста Толькинского тузсовета Кошкарёва Ивана (слева) и киномеханика красного чума Кузнецова Лазаря (№НвКМ-10408/4); пастуха оленного стада красного чума, толькинских ханты Кунина Любушку (так в подписи к снимку) и

краеведческого музея в коллекции документов Г. Н. Оносовой.

Возвращаясь к серии толькинских фотоснимков, следует отметить, что пять летних портретов были сделаны в одном месте – на фоне бревенчатой стены, вероятно, здания красного чума и, судя по всему, – в один день. Портрет ханты Григория Кунина, заместителя председателя Толькинского туземного совета, снят на фоне лесных деревьев.

Таким образом, на фотографиях указанной серии запечатлены семь работников красного чума (отсутствует Тимофей Кунин), а также четыре работника Толькинского туземного совета, упоминаемые в мемуарах Г. Н. Оносовой, а также в других источниках. Это достаточно редкие снимки, они являются важными свидетельствами становления системы народного просвещения и здравоохранения в национальных поселениях Ларьякского района и впервые вводятся в научный оборот.

С 2023 г. цифровые изображения коллекции стали доступными широкому кругу пользователей на сайте Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации.

Примечания:

1. Алексеева, Л. В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920–1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты: монография. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 2003.
2. Борщев, И. В. Воспоминания Борщева Ивана Васильевича. Ч. I. – Нижневартовск: Изд-во «Приобье», 1997.
3. Временное положение о Красном Чуме. [1930 г.] КУ ГАЮ.Ф. 23. Оп.1. Д.46. Л.117.
4. Зайцев, В. Они были первыми / В. Зайцев // Ленинское знамя. 1975. 7 нояб.
5. Ишбаев, М. М. Выход в свет: становление культурно-просветительной работы в Ларьякском районе: монография. Ч.2. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015.
6. Не чужая боль: страницы истории становления и развития здравоохранения Нижневартовского района. Краткие вехи / авт.-сост. Л. Прио. – Нижневартовск: ООО «ВЕСТИМЕД», 2012. С.75

Работники Толькинского Красного чума Тугаскин Иван [слева] и Натускин Кузьма. пос. Толька. 1934 г. НКМ

санитарку Сигильетову Наталью, ханты с Ваха (фотографии №НвКМ-10408/2); председателя Толькинского тузсовета Тугаскина Ивана, ханты с нижней Оби, и переводчика Натускина Кузьму (фото №НвКМ-10408/5).

Последний снимок заслуживает особого внимания. О личности и судьбе охтеурского ханты Кузьмы Егоровича Натускина, учителя в Охтеурской, Колек-Ёганской и Большеларьякской школах, в 1933–1934 г. – переводчика в Толькинском красном чуме, в 1939–1941? – студента Ленинградского института народов Севера, рано умершем от болезни молодом художнике, подробно рассказывается в вышеупомянутой монографии М. М. Ишбаева [5, с. 210–226]. Исследователь практически полностью восстановил короткий жизненный путь талантливого молодого человека, но его фотографий ему найти не удалось. Портрет Кузьмы Натускина обнаруживается в фонде Нижневартовского

Альбина Васильевна Заграничник,
Почётный житель города Мегиона

Теперь это тоже история...

приняли решение о создании в системе Мегионнефтегаза ведомственного медицинского учреждения – Лечебно-диагностического центра «Здоровье». Основная задача – обеспечение качественной медицинской помощи доступной работникам «Мегионнефтегаза» и его структурным подразделениям с общей численностью около 20 тыс. человек работающих.

В августе 1990 года я была приглашена на должность начальника – главного врача вновь организованного структурного подразделения и сразу началась поэтапная реконструкция здания, которая продолжалась и при генеральных директорах С. В. Алафинове и В. М. Игнатко. Но работа ЛДЦ «Здоровье» началась с 01.01.1992 года сначала на двух первых этажах 4-х этажного бывшего административного здания Мегионнефтегаза. Средний возраст коллектива был тогда 24 года, молодые врачи М. П. Ивашкив, Я. Л. Вахер, Т. В. Ивлева, Р. Ф. Галиев, медицинские сёстры Т. Н. Соколовская, Юкчубаева, Н. Пузырёва, Смирнова и другие, которые в дальнейшем стали отличными специалистами своего дела. А опытные врачи, грамотные и ответственные, как Ф. С. Хафизова, Л. Л. Турянская, А. Я. Вершинин, В. Н. Игнатенко, О. П. Аверьянова, А. А. Зелинский, Н. А. Тарасова, А. И. Шумкова, Р. К. Зуева, А. В. Шмырин, Т. В. Шмырина, Т. В. Митрофанова, Л. Д. Ершова, Т. П. Рольнова составили основу коллектива. Главной медицинской сестрой была назначена Л. И. Выдренкова – опытная медицинская сестра.

На презентации Центра 29 декабря 1991 года присутствовали руководители административных территорий г. Мегиона, Нижневартовского района, главные врачи этих территорий, наш генеральный директор А. М. Кузьмин, начальники структурных подразделений и предприятий города, главные специалисты «Мегионнефтегаза». По так называемому бартеру в Чехословакии было закуплено медицинское оборудование, ме-

В 1971 году после окончания Свердловского государственного медицинского института меня направили после распределения на работу врачом в городскую санэпидстанцию г. Нефтеюганска ХМАО.

После 13 лет работы в этом городе в 1984 году меня назначили на должность главного государственного врача г. Мегиона, затем я проработала главным врачом медсанчасти НГДУ «Мегионнефть» – это медицинское учреждение имело государственный статус. Материально-техническая база городской больницы была тогда, мягко говоря, недостаточной и нуждалась остро в обновлении.

Я благодарна И. И. Рынковому, А. В. Фомину, руководителям предприятий за безвозмездную помощь в проведении косметических ремонтов в отдельных отделениях, пополнении запасов мягкого и твёрдого инвентаря и мебели для нужд больницы. А при поддержке Председателя исполкома Ю. С. Ярошенко руководитель НГДУ А. В. Фомин предоставил для размещения 3-х отделений больницы один подъезд вновь выстроенного жилого 9-ти этажного дома.

В 1990 году после преобразования НГДУ «Мегионнефть» в ПО «Мегионнефтегаз» руководители А. В. Фомин и А. М. Кузьмин совместно с партийной и профсоюзной организациями

дицинский инвентарь, мебель, инструментарий, лекарства и другое.

В те годы город воспрянул, несмотря на сложное экономическое положение в стране, семьи нефтяников и горожане получали необходимые для жизни продукты, одежду, мебель, даже автомобили и другое. Особое отношение со стороны руководства было в пользу первопроходцев и ветеранов при распределении этих «благ».

В период подготовки к открытию Центра мы, медики, вместе со специалистами собирали мебель и оборудование, разносили по кабинетам медицинскую аппаратуру, изучали инструкции, мыли полы, красили стены, в общем включились в работу, необходимую для ввода в эксплуатацию Центра. Тут возникли сложности с определением статуса лечебного учреждения, ведь в то время практически все они носили статус государственного. Руководство медицинского управления ХМАО не приветствовали создание ведомственного медучреждения, мотивы этого до сего времени мне непонятны. Тогда я проинформировала А. К. Кузьмина об этом, и он, с присущей ему решительностью сказал: – «Буду звонить Богомякову», – это был первый секретарь обкома партии, – «если не поможет, поедем с Вами в Москву к Черномырдину, всё равно добьёмся своего». Но в Москву ехать не пришлось, всё решилось после звонка Богомякову. Приехала комиссия во главе с заведующим облздраотдела Тюменской области, которая дала отличную оценку готовности к полноценной работе нашего Центра и были поставлены задачи и цель – быть лучшими в округе и области.

На торжественном мероприятии, посвящённом 5-тилетию организации ЛДЦ «Здоровье» мы поведали присутствующим в шуточной форме «тайну рождения ребёнка, которого нарекли именем «Здоровье». Как оказалось, отца новорождённого зовут Мегионнефтегаз, а мать – Славнефть. Родители состояли в браке, но проживали отдельно, оба материально обеспечены, но финансово зависели друг от друга. Всю заботу о воспитании, материальном обеспечении взял на себя отец. Даже во времена финансовой неразберихи в стране он не передал своё чадо в чужие руки, поэтому их отношения сложились особенно тёплыми и доверительными. Во многом ребёнок «Здоровье» похож на своих родителей. В отца Мегионнефтегаз – неиссякаемой энергией и трудолюбием, стремлением во всём быть пер-

вым, коммуникабельностью, добрым отношением к людям, В мать – Славнефть похож интернациональностью, деловитостью и творческим подходом в решении поставленных задач.

За всё доброе коллектив ЛДЦ «Здоровье» платит родителям, особенно Мегионнефтегазу честным и добрым отношением к труду и заботой о здоровье коллектива нефтяников уже 27 лет. У нас даже было свое символическое знамя белого цвета с изображением на нём символа чаши и змеи, сердца. Белый цвет символизирует чистоту помыслов медицинского работника и финансового благополучия благодаря нефтяникам, к которым коллектив ЛДЦ относится с большим уважением. Змея – символ мудрости и дальновидности, с ней мы обращаемся учтиво. А алое сердце свидетельствует о том, что медики готовы отдавать его ежедневно своим пациентам. Продолжая тему организации и «взросления» Центра, хочется особо отметить заслуги А. В. Фомина, главного инженера, затем генерального директора А. М. Кузьмина, благодаря именно их неимоверным усилиям и состоялся сам факт рождения ЛДЦ «Здоровье». Заслуживают большой благодарности бывшие генералы С. В. Алафинов, В. М. Игнатко, М. Я. Занкиев, на долю которых выпали детский и подростковый периоды Центра. В годы работы М. Я. Занкиева был очень неблагоприятный период в стране, сложности были и у нефтяников, задерживали выплату заработной платы, было и недовольство людей. Постоянно в кабинете генерального директора обсуждались вопросы по распределению средств на первоочередные нужды для производства. До сих пор помню слова Марата Якубовича «сначала лекарства для ЛДЦ, а потом всё остальное». Благодаря их неусыпному вниманию и заботе наше медицинское учреждение становилось высокопрофессиональным и европейским по духу в хорошем смысле этого слова.

С 1991 года по 2001 наши нефтяники укрепляли свое здоровье в курортном городе Карловы Вары, государства Чехия, летая charterными рейсами ежемесячно по 60-90 человек. Высококвалифицированную медицинскую помощь получили сотни работников с 1992 года в клиниках Германии и Израиля, а некоторым были просто спасены жизни. Три случая до сих пор у меня вызывают сильное волнение. Это транспортировка специальным бортом санавиации Германии, оснащённым реанимационным оборудованием с

бригадой врачей парализованной молодой пациентки в клинику тропических инфекций (заболела от купленного на рынке экзотического попугая), в России нет подобной клиники. И ещё два других сложнейших случая. Первый – срочная госпитализация пациента с черепно-мозговой тяжелейшей травмой, несовместимой с жизнью в специализированную клинику Израиля; второй – транспортировка специальным самолетом государства Израиль с комплектом реанимационного оборудования и стерильной камерой пострадавшего с обширными ожогами в результате чрезвычайного происшествия на одном из месторождений Мегионнефтегаза. Все три пациента вернулись в Мегион практически здоровыми. Организацией транспортировки и лечения двух пациентов занимался Игорь Пятигорский – генеральный директор Ramat Avivmedical center, сотрудничество Мегионнефтегаза и этого Центра продолжается до сего времени, что очень полезно обеим сторонам.

Ведущие врачи – специалисты государства Израиль на протяжении 26 лет приезжают в Мегион, они консультируют больных, дают рекомендации, информируют о новых и современных достижениях медицины, читают лекции, обмениваются опытом работы. Многие врачи ЛДЦ побывали в Израиле в рамках сотрудничества по повышению квалификации, за что мы очень благодарны коллегам. Приятно, что специалисты – врачи Израиля и Германии отмечают достаточно высокий уровень знаний наших врачей, а оснащение Центра медицинской аппаратурой и оборудованием считаю не хуже, чем в европейских клиниках. Находясь на пенсии с сентября 2014 года, я часто вспоминаю своих коллег по совместной работе, в моём сердце сохраняются воспоминания о пройденном пути, своим новым знакомым я рассказываю о коллективе, успехах, значимости ОАО «Мегионнефтегаза», так как горжусь принадлежностью к нему на протяжении 23 лет, ведь это были самые лучшие годы в моей трудовой жизни.

В период обретения самостоятельности в жизни коллектива ЛДЦ принимали участие, оказывали всяческую помощь все без исключения руководители Мегионнефтегаза. Почему-то казалось, что лёгких времён не наступит, так оно и было: задачи ставились, выполнять их независимо от трудностей было надо. При этом, вопросам медицины каждый из них уделял присталь-

ное внимание, за что я всем им очень благодарна, в том числе Ю. В. Шульеву, который руководил акционерным обществом около 10 лет. В период его руководства постоянно обновлялась медицинская аппаратура, приобреталось оборудование экспертного класса лучших зарубежных фирм, активно шла учёба врачей в институтах усовершенствования и центрах по повышению квалификации. Из года в год город Мегион становится лучше, благоустроеннее, и здесь прошли мои лучшие годы. Когда приехала сюда в 1984 году, меня привлекала самая красивая на то время улица Ленина. Почти каждый день вечером я ходила по ней на почту за письмами до востребования. Был в то время в Мегионе всего один пятиэтажный дом в районе геологов. А сейчас!

Благодаря градообразующему предприятию нефтяников город очень преобразился в те годы. Но всё самое главное богатство Мегиона – люди. Большинство из них самоотверженно трудятся, они живут работой и заботами города. Это не высокопарные слова, а реальность.

Оглядываясь на пройденный 43-летний жизненный и трудовой путь на Тюменском Севере, хочу выразить благодарность своим коллегам – медикам, жителям г. Мегиона, работникам Мегионнефтегаза за то, что именно благодаря всем вам я трижды избиралась депутатом городской Думы г. Мегиона, мне было присвоено звание «Почётный гражданин г. Мегиона», я заслуженный работник здравоохранения ХМАО-Югры, ветеран труда Мегионнефтегаза, имею ведомственные поощрения и награды. История свидетельствует, что коллектив ОАО «Славнефть – Мегионнефтегаз» во все времена был сплочённой командой, с честью выдерживал все испытания и в конечном итоге работал на результат, а именно на благо людей Ханты-Мансийского автономного округа и нашего государства.

2018 г.

Исследования литературоведа

Виктория Львовна Сязи, родилась в 1987 году в п. Тарко-Сале, Пуровского района, Ямало-Ненецкого автономного округа. В 2011 году с отличием окончила Югорский государственный университет. В обско-угорском институте прикладных исследований работает с 2015 года. В 2017 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Художественная концепция любви в прозе Е. Д. Айпина: национальное своеобразие, система образов». В настоящее время Сязи В. Л. руководит работой научно-исследовательского отдела обско-угорских литератур. Тема исследования – образная система хантыйской литературы.

Танец в поэзии А. Иштимировой-Посоховой

В XXI веке наметился процесс активного развития хантыйской литературы. Художественную словесность народа ханты в настоящее время формируют писатели и поэты, пишущие как на хантыйском, так и на русском языках. Это В. Е. Енов, Е. Д. Каксина, Д. С. Кельчин, Г. П. Лаптева, З. В. Лонгтортова, Л. П. Лонгтортов, Н. А. Мешалкина, В. В. Молданова, Т. А. Молданов, Ю. Н. Накова, Д. И. Озелова-Чугаевская, Е. Е. Серасхова, Р. К. Слепенкова, Л. Я. Шульгина. Ярким представителем современного этапа развития литературного процесса ханты является А. Р. Иштимирова-Посохова, которая в 2019 г. дебютировала со стихотворением «Загляну в свою ладонь», поэтический текст был переведён на 16 финно-угорских языков. В 2021 г. она издала сборник произведений «В языках огня», в который включено 37 стихотворений; каждый поэтический текст сопровождают переводы на 2 уральских языка.

Иштимирова-Посохова Алла Романовна – поэт, актриса, краевед. Автор проектов, направленных на сохранение культуры и языков коренных народов Югры. Стихи опубликованы в антологии «Литературное наследие обских угров» (2016), коллективных сборниках «Нужны мне крылья, да и ещё дорога...» (2016), «Матрёшки» (2018), в региональных периодических печатных изданиях «Новости Югры», «Вестник

Ассамблеи», а также на марийском, мокшанском, эрзянском языках в журналах «Ончыко» (г. Йошкар-Ола, 2019) «Якстерь тыштенья» (г. Саранск, 2019), «Сятко» (г. Саранск, 2020). В 2021 г. опубликована подборка стихотворений в литературно-публицистическом журнале современной поэзии русского зарубежья «Эмигрантская лира» (Бельгия)¹ [с. 102].

Произведения А. Р. Иштимировой-Посоховой отличаются от поэзии предшествующего поколения хантыйских авторов (М. К. Вагатовой, В. С. Волдина, Р. П. Ругина, Е. Е. Серасховой, М. И. Шульгина и др.) высокой эмоциональностью и большей открытостью, экспрессией. Присутствуют в её поэзии и ирония, самоирония, иногда сарказм. Поэтические тексты А. Иштимирова-Посохова создаёт на русском языке, на хантыйский язык стихотворения переводят её друзья, коллеги.

При анализе поэтического сборника «В языках огня» выявлено 6 поэтических текстов, в которых присутствует концепт танец. В каждом тексте его воплощение и семантика различны.

Лирическая героиня доверяет окружающему её миру, она чувствует любовь и принятие этого мира. Пространство восприятия лирической героини способно расширяться до планетарного

¹ Все цитирования делаются по книге: Иштимирова-Посохова А. Р. В языках огня. Нижний Тагил: ОЛС, 2021. 104 с.

масштаба: «Время... / Я танцую во Времени. / Чувствую: любят меня / Деревья мои. / Дом мой. / Планета. / Вселенная...» [с. 24]. Способность героини ощущать себя частью Вселенной подчёркивает широту мировосприятия автора.

Танец в поэзии А. Р. Иштимировой-Посоховой может быть физическим, воображаемым, духовным. Радость бытия и получение ребёнком подарка от бабушки воплощается в пляске окружающего мира, что вторит настроению героя: «Сшила бабушка для внука / Рубашоночку из ситца! / Рубашонку цвета неба – / <...> По дорогам тем из песен / Ходит внук и сам поёт / Скачут птицы и деревья, / В пляс пустился весь народ! / Обь играет, Обь искрится, / Лихо пляшет вся тайга!.. [с. 16]. Чувство радости настолько велико, что передаётся окружающему пространству и подхватывается движением танца.

В другом поэтическом тексте танец реализует желание героини вырваться из тисков городской среды, из шаблонности движения и мышления: «Тынс-тынс-тынс...» / Справа поток машин, / слева тысячи окон. / И впереди, / и позади – бесконечный город. <...> Что хочется / бёдрами: / туда-сюда, туда-сюда, / головою / вперёд-назад, вперёд-назад, / руки вниз, вверх, в стороны, / покружиться – / чтоб до беспамятства» [с. 32]. Значимым является происхождение звука, в данном тексте он не природного начала, а искусственный, созданный человеком. «В ушах бесконечная музыка: тынс-тынс-тынс! Наверно, слышит вся улица так громко она звучит!» [с. 32]. В строках прослеживаются границы воплощения пространства: лево-право, вперёд-назад, указывающие на замкнутость, зажатость, скованность восприятия жизни. Воображаемые движения героини в такт музыке активные, резкие, импульсивные. Здесь вновь прослеживается присутствие противоположных по направлению движений – вперёд-назад, вверх-вниз. Через антитезу автор воплощает бинарные признаки пространства, являющиеся крайними точками движений, персонаж словно камлет в экстазе. Героиня словно хочет вырваться из окутавшей её паутины, при помощи резких активных движений. Она как будто не может найти опоры и успокоенности. Но, она останавливает свой порыв-желание: «Эх, безумно хочу я / тан-це-вать! / жаль, сумка в руках тяжёлая – / не выкинуть, не отдать». Героиня откладывает выплеск эмоций, желание быть самой собой: «Ничего! / Я в

следующий раз, (когда / снова – поток машин, / снова тысячи окон, / и впереди, / и позади – / бесконечный город, в ушах бесконечная музыка: / тынс-тынс-тынс) – обязательно буду бёдрами: / туда-сюда, туда-сюда, / головою / вперёд-назад, вперёд-назад, / руки вниз, вверх, в стороны...» [с. 34]. Хаотичные, резкие движение лирической героини подобны отсутствию жизненной опоры, поиску.

Поэт описывает танец-желание: «И плевать на тысячи глаз, / что смотрят: / напротив, / из окон домов, машин, самолётов, инопланетных кораблей...» [с. 34]. И в этом фрагменте интересно то, как воспринимает окружающий городской социум героиня; в мечтах она его уже не боится, не стесняется. В середине стихотворения прослеживалось стеснение, была остановка желания быть собой, в мечтах героиня делает то, что позволяет ей быть настоящей. При этом меняются чувства и ощущения персонажа от парализованности движений тяжёлой сумкой к лёгкости, освобождению.

Строфика, поэтика стихотворения соответствуют хаотичному настроению лирической героини.

Лирическая героиня в состоянии желаемого танца именует себя «странным-престранным человеком», одновременно она пребывает в состоянии счастья: «Если и ты заметишь: / какой-то странный-престранный человек – бёдрами: туда-сюда, туда-сюда, головою / вперёд-назад, вперёд-назад, / руки вниз, вверх, в стороны – знай – / это Я!!! / Счастливая!» [с. 34]. Наличие трёх восклицательных знаков усиливает эффект эйфории лирической героини; местоимение «Я» с заглавной буквы в финале текста свидетельствует о трансформации ощущений персонажа, об обретении себя. Автор отделяет пробельной строкой прилагательное «счастливая» от всего текста стихотворения, подчёркивая значимость произошедшей перемены.

Танец в стихотворении «Вы когда-нибудь танцевали ...с деревом?» является своеобразным наставлением лирической героини будущим поколениям. Стоит обратить внимание на то, что устами персонажа поэт даёт читателю чёткую инструкцию действий: «Обнимите ствол, закройте глаза. / Прислушайтесь к музыке ветра. Макушка дерева / начнёт танцевать – её дыхание / ощутите вы тело <...> Танцуйте! / И если захочется вам / плакать, кричать, смеяться – /

продолжайте...» [с. 22]. А. Р. Иштимирова-Посохова предлагает прислушаться через дерево, ветер к дыханию земли, замедлиться. Героиня делится своим опытом: «Затем / почувствуете, как / земля / плывёт под ногами – / волнами / большими и маленькими. / Большими и маленькими... / Вы – в танце... / Вы в танце!» [с. 22]. Дерево становится в анализируемом тексте опорой, на которой держится мир лирической героини. Техника танца в стихотворении меняется в отличие от выше анализируемого произведения, она становится плавной, тягучей, спокойной, уравновешенной, напоминает танец-медитацию. Стоит подчеркнуть, что сама героиня в парном танце находится в статичном, ведомом состоянии. Лирическая героиня чувствует любовь деревьев, планеты, вселенной, обретает гармонию с миром.

Как и в предыдущем тексте, танец выступает способом становления собой, однако там автор воплощает физическую потребность в лёгкости, а в стихотворении «Вы когда-нибудь танцевали ... с деревом?» реализуется духовная потребность вернуться к воспоминаниям, где прошли детство – «То танцуем мы Детство: / снова / мама меня – младенца – убаюкивает. Словом. Дыханием...» [с. 24], юность «То годы Юности вспомним – / как нёс на руках меня тот, / с кем была готова / делить воду, воздух, огонь...» [с. 24]; вспомнить значимые сны – «Иногда танцую, вижу опять / все свои сны, что когда-то снились» [с. 24]. В приведённом тексте дерево выступает медиатором между средним миром, верхним и нижним. Не случайно у обских угров отдельные виды деревьев почитаются. Через прикосновение к дереву героиня словно устанавливает контакт с другим миром, от которого находится далеко, и нет возможности вернуться. Примечательной особенностью текста является то, что лирическая героиня в воспоминаниях прошлого возвращается не одна, а с деревом, на это указывают глаголы во множественном числе: танцуем, вспомним. Художник слова трепетно и нежно относится к деревьям, это прослеживается через их номинацию – «друзья древоствольные», а встречи с ними она именует «свидания эти – разные. / Неповторимые» [с. 24].

Автор резюмирует свой жизненный опыт следующими строками: «Время... / Я танцую во Времени» [с. 24], риторическим вопросом: «А вы / хоть раз танцевали... / С деревом?» [с. 24]; поэт подталкивает читателя к размышлениям.

В стихотворении «Семь берёз – семь поколений» деревья – основа мира лирической героини. В начале поэтического текста присутствуют строки, посвящённые прадеду: «Берёзкам, / посаженным прадедом / Тарасом Костиным / по случаю рождения детей». Берёзы ассоциируют членов одного рода, танец олицетворяет жизнь каждого члена одной семьи, жизненный круговорот: «Семь берёз – семь поколений / Всё кружатся в танце вечном! / С вами тоже я кружусь! / Семь берёз – танцует время!» [с. 13]. Жизнь каждого поколения автор сравнивает с эпохой и одновременно – с мгновением. Приём антитезы, применяемый поэтессой в анализируемых строках, символизирует осмысляемую относительность времени для каждого периода жизни. Героиня ощущает себя в танце берёз, через совместное движение она чувствует причастность к истории своей семьи; в строках прослеживается прочная связь поколений: «Семь берёз! А я – восьмая: / Ухожу, но возвращаюсь – / Я без вас, мои берёзки, / Не пою, не улыбаюсь» [с. 13]. Без связи с родом героиня теряет вкус к жизни.

Лирическая героиня себя ассоциирует с числом восемь, оно здесь имеет символический смысл – бесконечность. Ощущения присутствия героини в прошлых и будущих поколениях рода, свидетельствует о воплощении в тексте мифологических представлений этноса о перевоплощении душ (реинкарнации). Завершают поэтический текст пророческие строки, передающие позитивный настрой на светлое будущее, на приумножение и благополучие рода: «Семь берёз! Я знаю точно: / Бесконечной будет роща! / Семь берёз – танцует время: / Семь эпох, как семь мгновений» [с. 12]. В начале стихотворения движение танца сопровождало семь берёз, а в финале произведения в танце движется время. Категория времени имеет важное значение в поэтическом тексте, она является центральным ядром, вокруг которого происходит движение судеб людей. Автор вводит в текст временные характеристики: в танце вечном, бесконечной будет роща. Текст состоит из трёх катренов, однако в нём присутствует 7 восклицательных предложений. Число семь имеет сакральное значение в мировоззрении народов ханты и манси, ловнёва – «это всё, что звучит в человеке». Тем самым героиня в анализируемом тексте предлагает жизнеутверждающую формулу для людей одной семьи.

Танец в стихотворении «Если напротив меня» становится средством приспособления к сложным обстоятельствам жизни, переживанию стрессовой ситуации, которые в стихотворении имеют метафорический образ большого чёрного зверя: «Если напротив меня / Большой Чёрный зверь / Встанет, / И – ни укрыться, / Ни провалиться / Сквозь землю – / Противнику глядя в глаза – / В танце, / Подобном повадкам / Этого зверя» [с. 70]. Героиня увеличивает динамику движения в танце, это придаёт ей уверенности в правильности своих действий: «Противнику глядя в глаза – / В песне / Подобной рычанию / Этого зверя – восстану. / Медленно, / Медленно, / Быстро / Быстрее, / Ловко, / Плавнее, / Резче, / Смелее – танцюю» [с. 70]. Здесь вновь прослеживается присутствие образа времени, в котором движется героиня.

В стихотворении «Казалось, кроме этой звенящей мелодии» мотив танца воплощается через звукопись. В анализируемом поэтическом тексте звук имеет природное происхождение, как и в других произведениях: «Казалось, / кроме этой звенящей мелодии, / напоминающей одновременно / журчание тысячи ручьёв, / щебет тысячи птиц, / шум тысячи кедров – / других мелодий на земле нет» [с. 80]. Сила звуков природы впечатляет: звук исходит от ручьёв, птиц, кедров. И именно в этой мелодии рождается танец: «Я танцевала. / Женщины танцевали. / Я радовалась. / Все радовались» [с. 80]. Движение рождает положительное чувство, лирическое «я» трансформируется в «мы».

Мелодия начинает своё звучание от стихии воды, соединяется с воздухом, а затем достигает высоты кедров. Здесь прослеживается вертикальное движение звука. Мелодия, состоящая из полифонии звуков, превращается в звон. И этот звук сопровождает героиню в течение жизни: «Казалось, / радостнее места на земле нет. / Звон усиливался. / Я выросла, / а он продолжал звенеть. / Дети росли, / а он продолжал звенеть / Так и жила» [с. 80]. Героиня словно констатирует события жизни и наличие звона, который присутствует, но ничего не меняет. Слова «так и жила» подчёркивают неудовлетворённость персонажа подобным обстоятельством, словно она хочет чего-то большего, разрешения ситуации, динамики данного звука. Однажды звук природный замолкает, в тот момент героиня начинает чувствовать боль физическую, которая имеет

воплощение звуковое, а именно: «Пока однажды не заболели ноги – / ноют и ноют. / Пока однажды не заболели руки – / ноют и ноют» [с. 82]. Отсутствие звука вызывает душевное мучение героини, и только вновь вслушавшись в звуки окружающего природного мира, она начинает танцевать, то есть жить. Таким образом, мотив танца становится в художественной картине мира поэтессы синонимом жизни. Это обобщение основано на анализе формы стихотворения; финальный стих «Пока не начала танцевать» отделён от основного текста пробельной строкой. Звук приобретает в стихотворении ведущую роль.

Звукопись является значимым явлением в поэзии А. Р. Иштимировой-Посоховой. Мелодия / звук неразделимо связаны с танцем в восприятии лирической героини. Часто звук имеет природное происхождение, в одном лишь тексте он был искусственный, созданный человеком. Природные звуки в произведениях поэта усиливают динамику танца, также звук способен быть самостоятельным средством восприятия мира.

Подводя итог, отметим, то танец – это сложный мировоззренческий концепт в творчестве хантыйского поэта А. Р. Иштимировой-Посоховой. Синонимами концепта танец в художественном пространстве автора выступают жизнь, счастье, свобода, свидания. Танец в поэзии автора являет собой способ выражать себя, трансформироваться, общения с миром. Танец дает возможность адаптироваться к сложным жизненным обстоятельствам, освободиться от стереотипного мышления, обрести себя, окунуться в светлые воспоминания прошлого, почувствовать любовь, принятие вселенной, обрести опору. Лирическая героиня танцует, наблюдает со стороны движение, происходящее в пространстве, во времени. Сопровождает танец звучание окружающего мира. Символ дерева дополняет концепт танец.

Различные интерпретации концепта «танец» воплощены в творчестве А. Р. Иштимировой-Посоховой, что позволяет говорить о многообразии бытования явлений окружающего мира в поэтическом мирозерцании поэта.

ПОЭЗИЯ

Алла Иштимирова-Посохова.

Родилась 8 августа 1980 года. Работает и живёт в Ханты-Мансийске.

Член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей РФ, автор проектов, направленных на сохранение и популяризацию культуры обских угров, победитель всероссийских и международных литературных конкурсов.

Автор сборников «Загляну в свою ладонь» с переводом на 16 финно-угорских языков (2019), «В языках огня» на 22 уральских языках (2021), «Я – Луна. Я – Солнце» (2024).

Я была птицей...

Живу в столице югорского края.
Каких только тут людей не встречала!
Кем-то из них от души любовалась:
Художник хантыйский Геннадий Райшев,
Юван Шесталов, мансийский писатель –
Огромнейший мир на кусочке бумаги!
Если бы каждый из нас понимал,
Что нужно стараться оставить свой вклад!
Если бы каждый из нас понимал,
Какая мощь в наших корнях!

Может, и я известною стану.
Ту ли, не ту жизнь проживаю?
Сколько живу, всё кажется – бездарь:
Ни то не умею делать, ни это.
Если хоть день как Райшев прожить –
В душе луна зародится.
Если хоть день как Шесталов прожить –
Солнце в душе родится.

А детство моё прошло в Полновате –
В селе на Оби, среди хантов и манси.
Я их порой немного боялась –
Бабушек стареньких в ситцевых платях:
Наденут платки – не видно лица,
Сами себе – не поют, а бунчат.
Это потом уже полюбила

Хантыйские танцы, песни, мотивы.
Это потом уже полюбила
Головоломки мансийские, игры.

Скоро сама я бабушкой стану.
Ту ли, не ту жизнь проживаю?
Сколько живу – всё кажется мало:
Больше и больше учиться мне надо.
Если бы петть, как предки, умела –
Звучала б тогда голосами Вселенной.
А танцевать бы, как предки, умела –
Космосом стало бы моё тело.

Круговорот мыслей
Ни на секунду не прекращается.
Утром-днём-ночью-вечером
Об одном, о другом, о третьем. И –
Кажется, ощущаю:
Вот она – бесконечность.

Когда-то случится –
Ноги мои ходить перестанут, а
Мысли-мыслишки-мыслищи
Как ни в чём не бывало – нитью
Будут тянуться, я знаю,
В мир параллельный. Рифмой.

Громом греми –
смирнее, знай, не стану.
В жилах моих –
войны древних шаманов.
В сердце моём –
ныне живущих споры.
Под теменем – боль
ещё не рождённых.
Громом греми – что гром мне?
Если я вся – из молний.

К своей абсолютной вершине
Иду сквозь ощущение:
Мера дороги – Жизни.
Каждый отрезок – короче.
А в рюкзаке – Опыт.
Каждый отрезок – больше.
Бегу. Шагаю. Ползу.
Сколько ещё? Знать бы.
Но знаю точно: однажды
Груз мой меня раздавит.
Это – вершина. А дальше?
Можно идти обратно.
Где мера дороги – Вечность,
А в рюкзаке – Память.

Семь умов.
Семь миров.
Путешествие из мира в мир.
Я была камнем,
Затем песком,
Водой,
Рыбой,
Птицей –
Ты снился.
Ты снишься.
Стоишь.
Смотришь пристально.
Ни вдоха, ни выдоха. Только
Эти глаза, а в них –
Всё, что было – до,
И что – после:
Камень – песок –

Вода – рыба – птица,
Камень – песок... –
Бесконечная вереница
Мыслей,
Жизней,
Умов,
Миров,
Снов.
Зачем? Зачем ты мне снишься,
Златогривый конь?
Кем послан ты?
Как тебя величают?
Что несёшь во взгляде своём?
Не понимаю.
Не понимаю.
Или ты – это вовсе не сон?
А я – в следующей жизни?

КЕДР

Помню, в конце улицы нашей деревни
Стоял огромный кедр.
Ровно посередине дороги стоял.
Словно с лохматой шевелюрой
Великан.
Охранял:
Одним глазом смотрел на дома вдоль дороги,
А другим – на кладбище, что располагалось
у реки.

Когда я носилась с мальчишками,
Играя с ними в войнушки – часто, отстав от
них,

Прибегала к этому дереву
(Ребята знали, в случае чего, где искать меня), и
Сидела под широкими низкосвисающими
ветками –

Ждала,
Высматривая, когда появятся мальчики.
Смотреть в другую сторону было страшно –
Всё-таки кладбище.

Как-то, помню, в деревню приехала, а дерева
нет.

Спилено.
Кому оно мешало?
С тех пор ощущение преграды
Между миром мёртвых и миром живых
Как будто не стало.
Миры соединились.

Всё перемешалось.
И я стала видеть тех –
Других.

Они, другие, как мы, ходят по деревне
за молоком, за хлебом...
Их дети тоже играют в войнушки.
И одна девочка садится на пенёк, что посреди
улицы,
И ждёт.
Смотрит в сторону речки, направо.
Налево смотреть боится – там страшно.
Там мир злых людей.

Если напротив меня
Большой чёрный зверь
Встанет,
И – ни укрыться,
Ни провалиться
Сквозь землю –
Противнику глядя в глаза –
В танце,
Подобном повадкам
Этого зверя;
Противнику глядя в глаза –
В песне,
Подобной рычанию
Этого зверя – восстану.
Медленно,
Медленно,
Быстро,
Быстрее,
Резче,
Плавнее,
Ловко,
Смелее – танцую.
Тихо,
Тихо,
Громче,
Мощнее,
Звонко,
Глухо,
Медленно,
Быстро – пою я.
И снова, и снова.

Пока не исчезну:
В воздухе – раз! –
И сгину.
Пусть удивится
Страшный соперник:
Где его жертва?
Не видно.
И отчего – лапы его
Не бегают больше, не ходят?
И отчего – из пасти большой –
Ни рёва,
Ни рыка,
Ни воя?

МОЛЧАТЬ

Молчать.
Долго.
День или даже – неделю.
Месяцы или годы.
А может, получится – вечность.
Пока не забудется говор,
Однажды навязанный кем-то –
Не матерью и не дедом.
Пока не утихнут речи,
Что льются огромным потоком
Бездумья, бездушья. И если
Молчанье моё убивает кого-то –
Простите – сама я
Во власти клинической смерти.

Молчать.
Чтобы
Слушать себя, своё сердце,
Дерево, море, горы.
И если получится – землю.
В глубинах её, в самых недрах
Живое покоится Слово.
Услышать бы Слово предка!
Да просто хотя бы – голос.
И стать на мгновение смертью.
И стать на мгновение землёю.
А утром проснуться – собой. Наконец-то –
Лишь песни о главном.

То песни устами младенца.

Владимир Костин,
г. Томск

Эпоха великой засухи

Эссе

С огромным удовольствием, с юношеским волнением прочитал в шестом номере (2016 г.) «Сибирских огней» интервью с Михаилом Тарковским («Мастеровое слово»). Как художник, как сознательный, одухотворённый русский человек он идёт верной стезей, и я готов подписаться под каждым его словом.

Мир, в который он себя откомандировал и по законам которого судит, мне дорог и близок — я вырос на южном Енисее (слово эвенкийское), там, где великая река две тысячи лет называлась Хем (слово тюркское). Коренная сибирская речь и весь жизненный уклад, её породивший и питавший, — для меня родное, кровное, «язви меня».

Но уже сорок с лишним лет я с нарастающей печалью живу в Томске, большом областном городе. Томск — город университетский, где ещё совсем недавно общались на русском языке едва ли не лучше всех в провинциальной России.

Но, может быть, именно поэтому всё болезненнее, всё острее ощущаю разительное падение уровня языкового общения, собеседования между людьми — в нём не обогащаешься, испытываешь кислородное голодание. Могучее давление сегодняшней цивилизации усредняет всё подряд — и старый, заслуженный Томск склоняется перед ним, теряя ненадолго вспыхнувшую память, увековеченную в достойном его слове.

Достойное слово вытекает из достойной жизни, окормляя её.

Сегодня уважающий себя человек гораздо чаще находит полноценное общение в книгах, во встречах с умершими светочами былых времён. Познать себя и мир в речевых потоках нашей фелъетонной эпохи невозможно. Но в том-то и дело, что желающих понять и познать себя и окружающий мир становится всё меньше. Критически и, может быть, судьбоносно меньше. А ведь такое познание ведёт к ответственности, требует поступков. Ещё поколение назад голодная, нищая

Россия заговорила вся, «от Москвы до самых до окраин», и заговорила свободно, интересно, образно и — наивно, жадно осваивая запретные массивы истории и литературы. На последние деньги люди выписывали громкие и ёмкие столличные журналы, разбухавшие в миллионных тиражах. Ныне те журналы ссохлись, и читает их мало кто, и читать в них мало что. И это обнаружилось как раз на пике относительной нашей сытости. Очевидно, что мы были одушевлены надеждой на достойную жизнь, жизнь справедливую, «не по лжи». Очевидно, что жажда чтения и культура «умственного ристания» имели мощный инерционный посыл с советских времён. Вспомним ошеломительный взрыв «оттепели», вспомним, что гниению брежневской эпохи противостоял всенародный культ Пушкина.

Не в потере ли надежды, общенационального упования суть проблемы? Не в этом ли корень того, что народ раздробился, что чудовищное социальное неравенство, разлагающее ныне даже университеты, опустошило людей, принудило их при нынешнем запредельном темпе существования общаться сугубо прагматически или в русле дешёвого, сиюминутного гедонизма с помощью нескольких сотен слов? (Расхожее: ректор вуза — «читаю всякую дрянь в самолётах, нет на другое времени»; ребёнок не общается со сверстниками, «сидит в интернете» и половина его словаря — англицизмы из компьютерных игр; в полумиллионном городе единственный выпускник школы сдаёт литературу на нынешнюю корявую пятёрку; в вузах исчезают златоусты — им некогда и не для чего быть, и не из чего.)

Что же с нами происходит и кто в этом виноват?

Впрочем, позволю себе небольшое отступление.

И в повседневно-бытовой, и в культурной практике мы пользуемся словами «язык», «речь», «слово» как синонимами. О писателе говорят: «У него хороший (плохой) язык» или «У него богатый (бедный) словарь». Ахматова: «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово». Бунин: «Умейте же беречь хоть в меру сил, в дни злобы и страдания, наш дар бессмертный — речь». В поэтической традиции имеется в виду одно и то же: родной русский язык, он же речь, он же слово, есть высшая национальная ценность, хранитель и гарант единства и развития народа и даже заступник его, его сокровищница, духовная, эстетическая, историческая; символ его «неопалимости», именно бессмертия, его сплошная память. И не случайно сама эта тема звучит в грозowych, роковых исторических контекстах, когда надо «всем миром помолиться», когда встаёт вопрос о судьбе народа — «быть России или не быть».

Но в логике нашего разговора уместно вспомнить курс общего языкознания и Фердинанда де Соссюра, который давным-давно различил, разграничил лингвистику языка и лингвистику речи, синхронию и диахронию в бытии слова, его «всегдашнее» и «сегодняшнее».

С этих позиций мы рассуждаем сейчас не о русском языке, а о сегодняшней русской речи, то есть о том, хорошо ли живётся русскому языку в нашу злонравную эпоху, сыт ли он, обут, одет, не в чужих ли людях он живёт и не обижают ли его? Бывает по-всякому: и микроскопом забивают гвозди. Чеховский гимназист, играя с детьми, кладёт на кон рубль, а дети не согласны — ставь копеечку.

Язык же живёт в «в большом времени культуры» (Бахтин), постоянно сопротивляясь истории с её иронией. Материально он воплощён в фундаментальных словарях-лексиконах, обложённых грамматиками (морфология, синтаксис, орфография, стилистика, орфоэпия). Язык невероятно устойчив и всегда способен к возрождению и санации, как птица Феникс. Язык переживает всё и, развиваясь, всегда в конечном счёте берёт нужное и отбрасывает рано или поздно ненужное, наносное, балластное. Он сильнее нас, сильнее чьей-то злой воли. Он пережива-

ет эпохи расцвета и болеет, но пока существует хотя бы один том словаря и один-единственный его читатель — язык жив и может рассчитывать на самое блестящее будущее. Да, многие языки исчезли бесследно с истреблением или растворением носителей, многие, к счастью, остались достоянием хотя бы кучки учёных энтузиастов, но на наших глазах произошло, например, фантастическое, праздничное воскрешение иврита как общенационального языка, вернувшегося в повседневность на всех её этажах.

Язык, повторюсь, носитель всей совокупной памяти, опыта, ценностей народа. Каков язык, таков и народ, во всех его поколениях. Язык — духовная и материальная казна народа, его копилка. Иногда он превращается в клад, хорошо упрятанный, но клады ищут и находят.

Русский язык — из богатейших в мире, русская литература — из величайших в человечестве. Русский язык соответствует многочисленности и многообразию нашего народа, разнообразию наших ландшафтов, нашей безумной и мудрой истории, лабиринтам нашего исторического и психологического опыта, нашего менталитета (вот полезное слово от добрых французов!), нашей веры, и — особая статья — уникальной широте контактов с другими народами (в этом смысле подобного языка у человечества просто нет).

Полтора тысячелетия мы общались с тюрками и обогатились знаниями и словами, связанными с оружием, с коневодством и конницей, степным меню и гардеробом, топонимикой и т. д. Монгольская эпоха с её Ясой принесла в наш словарь массу терминов военных, политических и хозяйственных, а ямщик стал символом России. Принятие христианства подарило нам церковнославянизмы и грецизмы, прямые или в церковнославянских кальках, — и мы по-новому и основательно заговорили о Боге, о душе, о нравственности, о мироздании. Эпоха Петра открыла двери для немецкой и голландской военной, технической, административной, бытовой терминологии. Галломания XVIII—XIX вв. (при том что французский язык стал языком элиты и её высокомерной изоляции от народа) помогла нам на путях общественного, психологического и эстетического самосознания, научила нас различать тонкие, изысканные, нюансированные явления в себе и окружающем нас мире. Мы обрели вкус и отвращение к пошлости...

И всё это оказалось нужным, полезным, современным, нашим — как дрожжи для хлеба. Мы — евразийцы, «скифы мы», «нам внятно всё — и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». «Внятно» — потому что необходимо, потому что искалось как своё, отвечало внутренним потребностям растущего национального организма. И в этом собирании, в этом пчелином опылении русского языка другими — наша сила. Феноменально красива эта «всемирная отзывчивость» русских, нередко знающих (или теперь уже — знавших?) чужую историю и культуру лучше её непосредственных забывчивых носителей.

Язык — это храм, согревающий паству и ответно согретый, намоленный ею. Но, увы, храм, оставаясь храмом, бывает заброшен, а то и осквернён. Заимствования бывают полезны, как правило, осуществляясь на встречном движении, — и вредны, когда их втягивает в себя пустота, вакуум, когда «свято место пусто». Тогда лекарство превращается в яд, и вопрос тут не только в дозировке (вакуум готов втянуть всё), но и в том, что дрожжи встречаются не с живым тестом, а с гниющими отходами в отсутствие всякой гигиены. Пустая бензиновая бочка взрывается.

Речь — это язык, прописанный в конкретной эпохе, сюжет языка в ней. Она выражает ценности (или моду, свychаи и обычаи) данной эпохи, её потенциал, её темп и даже её акустику. То, что в ней есть, и то, чего в ней нет. Речь — первый и главный показатель благополучия или убожества нации, она свидетельствует об этом объективней и глубже любых цифр, графиков, властной демагогии и дифирамбов, ибо и самовосхваление не по делу бывает вопиюще убогим. И если люди, живущие здоровой жизнью и владеющие одушевлённой, богатой, гармоничной речью, сбиваются, как собеседники-соседи Михаила Тарковского на окраинах общества, страны (куда и не добирается цивилизация), значит, плохо дело, россияне, и «зови своих мёртвых, Россия!».

Русская речь в современной России производит удручающее впечатление. В массе своей россияне говорят и пишут так, как будто и не было великой русской классики, как будто они представители молодого, незрелого и бездомного народа, который, не очень-то веря в себя, не про-

зревая никакого для себя будущего, готов стать добычей любого хорошо одетого интервента-цивилизатора, предлагающего ему, как младшему брату, нехитрый, но по-своему надёжный опыт коммуникации (за которым прячутся ценностные императивы, рождённые на чужой почве и в чужих нравственных ориентирах). Потому что цивилизатор живёт хорошо, а россиянин — или плохо, или непонятно как.

Это речь людей, которые не читают глубокую литературу, словарь которых осыпался до бытового минимума, зато изобилует штампами и клише (интернет, кино, шоу-бизнес) — и открыт настежь для чужого, такого авторитетного слова.

То есть современная массовая русская речь отражает ту редкую ситуацию, когда заимствования системно неорганичны, навязаны искусственно и даже злодейски целенаправленно. Они противоречат душевному строю, историческому опыту уцелевших россиян и, как показала практика последней четверти века, не имеют никакого отношения к доброкачественному национальному созиданию, строительству новой реальности для себя, для своих детей. Русская речь отчётливо деградирует в интересах, так сказать, Дяди. Так говорящий человек нужен, любезен Дяде.

С одной стороны, за заимствованием обнаруживаются не полезные нам подсказки «как это понять и обозначить», но последовательные лукавые подмены смысла понятий, когда предлагаемое новое слово или термин, казалось бы, внешне соответствует нашему опыту, нашим моральным принципам. Тарковский приводит замечательные примеры таких подмен, в совокупности, по сути, прямо угрожающих нашей безопасности, нашей идентичности, потому что за этими словами поднимаются сомнительные инициативы — поддерживаемые в России на государственном уровне. И особенно это опасно в деле воспитания и образования, где под напором гг. Фурсенко и Ливанова невежественные и чёрствые педагоги последнего поколения (подмывавшие своих безвольных коллег, которым всё это омерзительно, но надо же как-то кормиться) сознательно трудятся по чужим лекалам, опошляя и стандартизируя юные умы и души. Детей умело, разумно делают духовно нищими и пассивными ещё до того, как они поймут, сколь ужасна духовная нищета. Чтобы не мучились.

И всё это впечатляюще последовательно, как прививки в детском возрасте.

А взрослому россиянину прививается, например, слово-термин «толерантность». Оно призвано заменить в гуманитарно-правовой нише русское слово «терпимость». Почему «толерантность» так часто и настойчиво звучит со всех общественных трибун? Оно «глубже», «современнее» своего русского синонима? Уверяют, что оно «удобнее», поскольку «общецивилизационное», что оно сближает нас с Западом, как общий пароль. Допустим, в этом может заключаться какой-то резон. Но почему же при внимательном изучении смысловых контекстов, в которых оно употребляется, хочется воскликнуть: ой ли? Куда подевался вертоград многоцветный гуманитарно-культурного значения?

Для нас, русских, терпимость связана и с пониманием, и с диалогом, и с сочувствием, и с интересом к «ненашему». И всегда имеет в виду отношение к чему-то, обусловленному конкретным коллективным культурным опытом, но и едиными для всех добрых людей заповедями Христа или Магомета. Толерантность (неслучайно в ходу у нас грубо-ироническое словечко «толераст») равнодушна ко всем этим смысловым рядам и этике, национальным традициям — и фактически имеет в виду безразлично какого отдельного человека, очень даже отдельного, и при этом нас не должна волновать никакая его выразительность. Сухо, юридично, люди одинаковы, из всех смертных грехов уцелело разве что убийство. Всё прочее связано с покусениями на права человека.

Мы — обитатели эпохи, в которой индивидуализм борется против индивидуальности.

С другой стороны, поражает, что 90 % заимствований замешаны на потребительской, всё расширяющейся во времени и пространстве деятельности человека. О бренды-тренды, о шопинг, о гаджеты! Вами измеряется наш современник, вами он и одушевлён! И впервые в истории человечества «минобрнауки» г. Ливанов провозглашает: «Наша цель — создание цивилизованного потребителя!». Не дом, не семья, не Отечество. Какое же неотвратимо злое и немое, тупое и скучное одиночество ждёт нас в этой ливановской утопии, где поклоняющийся мамоне зевающий человек будет убивать скуку бесконечными поисками утех для тела и поводов для обезьяньей спеси!

Потребитель — это человеческая особь, у которой булки изначально появляются в булоч-

ной. Ему не нужно знать про климат, землю, зерно и поэзию труженика, лелеющего хлеб. На его книжной полке (если она вообще у него есть) или среди его файлов немислима книга С. В. Максимова «Куль хлеба». Там место справочникам, каталогам товаров и цен, узкопрофессиональным пособиям.

Дьявол прячется в деталях. За моими окнами — невдалеке старый храм, а совсем близко, под балконом — зады школьного двора, спрятанные за деревьями и теплицей. Школа считается одной из лучших в городе. Осенью и весной здесь собираются десятки старшеклассников — на переменах, после уроков и вечерами. Курят, пьют пиво или что-то покрепче и активно, «клубно» общаются. Я их не разглядываю — я работаю за письменным столом и слушаю их в свои перемены. Слушаю два года, и внимательно: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». Мне не стыдно, потому что общаются они громко и часто просто орут, навязывая мне и прочим обитателям большого дома свои тайны, свои «отроческие забавы». На пятом этаже мне «внятно всё».

Я не ханжа. Я хорошо помню свои школьные годы. Моя школа вообще была лучшей в моём родном Абакане. Но мы тоже курили и матерились — чаще из конформизма и желания выказать свою зрелость. Мы тоже иногда выпивали и обсуждали девочек (в их отсутствие, конечно) и учителей, нередко беспощадно обзывая их последними словами. Эти дети не злее нас тогдашних. Охламонство в нас общее. Но в целом и главном они другие.

Я узнаю их по голосам. С десятков мальчишек и девчонок — точно. Но если бы их речи положили мне на стол в распечатанном виде, я не узнал бы в них ни одного, сработала бы только категория рода. Говорят одинаково и об одном и том же. Тематика узкая, как горная тропка. Мир вещей (товаров), хороших и плохих. Развлечения и «приколы». Личные их отношения во всей, увы, неприглядной обнажённости, наконец. Бессознательная, подаренная веком виртуальной свободы, эстрадность их громкоговорения и громкоматерения ужасает. Мы были куда стеснительнее, понимая так же бессознательно, что наше место в мире — маленькое, а голос — тоненький. А для них мира, где живут другие люди, и взрослые люди, словно бы и не существует. Они сами мир. Они, 15—16-летние подростки, никогда не говорят о старших, о родителях, о

городе, в котором живут. Даже учителей — и тех на моей памяти упомянули три раза и очень лаконично. Одного назвали козлом, другую душой, третью — хипстершей. Мы были равнодушны к учителям, любя и негодуя. Этим отрокам учителя «по барабану». Их герои — они сами, все сюжеты — в пределах возрастного коридора. История, политика — за его пределами. И особенно меня изумляет, что за два года моих «парламентских слушаний» я ни разу не внимал разговору о книге, любой книге, или о чём-нибудь добром, ярком поступке: вот Серёжка молодец, он... Нет. Тонус речей — хвастовство, агрессия, игровая или настоящая, и досада — вот, бл...

Девочки выпивают, курят и матерятся вместе с мальчиками. И в матерщине, пожалуй, будут помастеровитее и погромче — они такие непосредственные!

Вот оно, наше время, думаю я, вот они, грядущие цивилизованные потребители, вот долгожданная гендерная революция и идеалы «золотого миллиарда»!

Качество их речи, их интонации соответствуют тематике. В их словаре 500—600 слов, и говорят они безграмотно. Кажется, что это делается нарочно, ибо ну не может же такое быть. Речь — голая, лишённая даже простой бытовой образности, постная в контраст крикливости. Целые фразы, интонационные ходы разоблачают их клиповое сознание, выражающееся сплошь в их клиповой речи. Я отчетливо узнаю в их диалогах автоматические цитаты из популярных американских фильмов с их тупым, животным юмором — фильмов про подонков, аферистов, наркоманов, извращенцев и просто убийц. Злые сказки XXI века — их основная духовная пища.

Понятно, что не все и не лучшие наши дети ходят выпить, покурить и наматериться всласть на школьные зады. Но не оставляет мысль, что эти именно ребята устроятся в будущей цивилизованной жизни уютнее прочих. Да вот только самый отъявленный и растленный хулиган из моей школы сорокалетней давности разговаривал куда интереснее, самовитее и сочнее и не походил на другого хулигана. А эти дети — они потрясающе, до неразличимости похожи друг на друга, как питомцы инкубатора.

Если мир не изменится, их ждёт одинаковая судьба: будут правдами и неправдами добиваться материальных радостей, а на досуге, среди

стандартных развлечений, их дожидается уже вкушённый ими непобедимый масскульт, а для избранных спесивых — пост(пост)модерн.

Две стороны одной медали — масскульт и пост(пост)модерн равно разлагают человека и равно ему льстят, не поднимаясь выше его диафрагмы и возвышая в ранг деяния самое ничтожное шевеление в его просторном черепе и тесных чреслах. Масскульт уверяет своего клиента в том, что он такой же умный, как все, но, может быть, даже больше; а пост(пост)модерн — что он такое же дерьмо, как все, но, может быть... И так и так — удобно, утешительно, либерально.

Почему же оскудела русская речь? (И не только русская, и не мы в этом первые.) Потому что оскудела русская жизнь. (А вокруг неё жизнь всепланетная.)

А почему оскудела жизнь, всё более материально, пластически богатая, пышная? Но такая бессердечная, и человек в ней одинок и косноязычен как никогда.

Большие умы, начиная, может быть, с Шопенгауэра, с его размышлений о великой Скуке, предупреждали нас о грядущей угрозе развоплощения человека — до возможной потери им своих родовых свойств. Они видели свирепые моменты в тенденциях общественного развития, опасались издержек грядущей научно-технической и информационной революции, урбанистического усреднения и опошления человека. Всего того, что человек создаст сам, но что может быть больше его самого, придавит его и расплющит.

Гляжу на книжную полку: Шпенглер, Ортега-и-Гассет, Хайдеггер, Хейзинга («В тени завтрашнего дня»), Камю...

Осмелюсь хотя бы перечислить наиболее значимые составляющие нависшей над нами беды, не претендуя на полноту охвата темы и владение словом в последней инстанции.

Наверное, начать здесь уместно с переселения всей активной части человечества в города (одиночество в толпе). Человек стремительно отрывается от природы, природа для него становится вторичной, подчинённой стихией бытия (за это она отомстит). Современный человек уже и в России не знает толком ни флоры, ни фауны, тем более не разбирается в закономерностях и оттенках натуры — пропала для этого практическая личная нужда — а за ней ослабевает и потребность психологическая и поэтическая. НТР обступила человека вещами, критически обжала

его ими, и он оказался ими порабощён. Между людьми встали вещи. Речь худеет и бледнеет.

Информационная революция (при невиданном обесценивании слова в XX веке) мощно поддерживает глобализацию. Глобализация, она же унификация, с силовым центром в США, упрощая, усредняя и роботизируя человека, отрывает его, близорукого, от национальных и культурных корней, и мы в нашей «отсталой» России должны понимать, что происходит интервенция, не стеснённая, в пафосе превосходства, никакими запретами и средствами.

А темп жизни всё нарастает и нарастает: задроганный человек не успевает освоить и переварить вал современной информации, осознать, что в ней ему нужно, а что бесполезно, что хорошо, а что плохо. В этом информационно-избыточном мире торопящийся человек не успевает соотнести явления внутреннего и внешнего мира, он грубеет и мелеет, его душа выцветает. Ему некогда, он уже сам готов отказаться от национальной и родовой памяти, от братских эмоций и поступков. Идёт его депсихологизация, разрываются его связи со временем, с историей. Даже любовь для него теперь частное и табуированное событие. Он отказывается от серьёзных, ритмических контактов с культурой (они для него болезненны), отказывается от великого чтения. И творческих людей начинают заменять имитаторы, создатели квазикультурного фастфуда. Вот тут-то и расцветают, и пузырятся тоталитарные громады масскульта и пост(пост)модерна, поддерживаемые интернетом, огромные привилегии получает вульгарная пропаганда нового образа жизни и тех, кто его, очевидно, уже внедрил.

Впервые в истории цивилизация фронтально и враждебно противостоит культуре.

Цивилизация отказывается от высокой культуры и её героев, выводит её творцов и хранителей в маргиналы — и вполне по-большевистски проповедует свою единственность и неотменимость. Прошлого нет, потому что его нет. Пост(пост)модерн «перестёбывает» его с большим удовольствием — оно же забавное, наивное. И с откровенной мстительностью, так как человек пост(пост)модерна — существо мелкое, изоли-

рованное и завистливое, не верящее никому и ни во что, что не помещается в его карманы.

Новому, зыбкому человеку в новой системе координат обширный да ещё и требовательный к нему словарь не нужен, даже опасен. Ибо чем обширнее его словарь, тем меньше его поймут и примут. Нет, он останется обывателем — но ведь не простым, а мировым.

Россия и русские — на перепутье. Мы позже других соприкоснулись с глобализацией и успели критически оценить её издержки, её кривду. Но мы двоимся, и наша молодёжь не очарована своими родителями. В то же время мы за столетие бесконечно устали от бедности, прямого насилия и лживой всепроникающей несправедливости — и многих, многих молодых людей манит «американская мечта», и активны бойкие и циничные эмиссары глобализации-цивилизации. Им легко — у них нет Родины. Как и у многих представителей политической элиты России из самых высоких кресел. Новой старой элиты дождемся ли, дадут ли ей появиться? Вспоминается грустная острота великого поэта Георгия Иванова, который в Париже, в 30-х годах, в ответ на пламенные упования одного русского эмигранта-идеалиста на «культурную элиту» заметил: «Элита едет — когда-то будет!».

Пока ещё, при включённом обратном отсчёте, верится, робко и со вздохами, что Россия сделает выбор в пользу Культуры. Всё-таки половина из нас — люди памяти. Наши книги, наши герои с нами. Тем более что происходящее на Западе бесспорно и очевидно чревато глубоким кризисом и переоценкой избранной «дорожной карты».

Одно ясно — всё это произойдёт на наших глазах и коснётся каждого из нас как факт в биографии.

Всё проходит. Был бы человек — пройдёт и глобализация. Но какой ценой мы расплатимся за грядущее духовное возрождение человека, за желание и за личную потребность говорить на родном языке, вровень с нашим великим Словарём? Вот вопрос из вопросов.

2016 г.

Владимир Александрович Квашнин.
Родился 1 августа 1958 года в посёлке
Саранпауль Берёзовского района ХМАО.
Окончил Тобольский рыбопромышленный
техникум по специальности «ихтиолог-рыбовод»,
Тюменский государственный университет по
специальности «биолог-охотовед». Работал
охотоведом службы Госохотнадзора 27 лет,
занимался охраной диких животных
Приполярья от браконьеров.
Стихотворения и рассказы пишет с 1996 года.
Впервые поэзия Владимира Квашнина
напечатана в сборнике стихов самобытных
авторов творческого объединения «Золотистая
верба» в 2008 году, затем – в альманахе
«В мечтах, в стихах, как наяву» (2009).
Автор сборников стихов и рассказов «От сердца к
сердцу» (2014), «Синегорье» (2019),
«Коготь Манараги» (2019).
Член Союза писателей России.

РЕКА

Ранним июльским утром я стоял на родной
Саранпаульской пристани, смотрел на далёкий
речной поворот, в обрамлении изумрудных, как
бокалы, величавых береговых кедров, и в пер-
возданной тишине мне слышались Рубцовские
строки:

Здесь каждый славен – мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.

Это поэт сказал о дороге, но и река, я подумал,
это та же дорога, и, скорее всего, самая первая
из всех земных дорог. Её кедровые, яристые обо-
чины помнят и новгородского ушкуйника Ляпу
с сотоварищами, и мансийских князей древней
Югры, и коми-зырян, бежавших сюда от голода
через Урал-камень, и красных, и белых, и, конеч-
но же, моих родителей.

Река всей моей жизни – Ляпин. Мы же, мест-
ные, её называем просто – Ляпушка, речка, бегу-

щая к нам с каменных плеч Приполярного Урала.

Я смотрел на далёкие предгорья и вдруг остро
осознал – как всё же летит время. Эта самая при-
стань провожала на войну моего деда и десятки
односельчан в сорок первом году, здесь же род-
ные встречали победителей. Сколько слёз люд-
ского горя и радости разбавили здесь её светлые
струи... С годами пароходы и бударки менялись
на теплоходы и скоростные суда, менялись пра-
вители, изменился строй, а речка моей милой
малой родины, как рубцовская дорога, так же
несёт свои воды в вечность. Умирают люди и де-
ревья, умирают деревни и города, и, конечно же,
умирают реки. Я не знаю, или просто Ляпушку
Бог миловал, или может потому, что вдали от
всякой цивилизации, но она всё так же чиста и
прекрасна, как и тысячи лет назад.

А дед мой, Нестор Иванович, так с войны и не
вернулся. Односельчанин Семён, с кем он вместе
призывался, впоследствии рассказал бабушке,
что их эшелон под Москвой разбомбили немец-
кие самолёты, и после прямого попадания в ва-
гон мало что осталось. Бабушке пришлось извеще-
ние, что муж пропал без вести. Так всю жизнь и
жила одна, сына Шурку, моего отца, воспитыва-
ла и до самой смерти ждала с войны любимого.

Война... Великая Отечественная. Даже после победного сорок пятого года она перемалывала в своих жерновах десятки тысяч людей. Одни – тихо угасали с тяжёлыми ранениями в госпиталях, другие – израненные калеки без рук и ног на каталках постепенно стали пропадать с вокзалов и улиц городов. Они выполнили свой гражданский долг и были не нужны властям, уверенно ведущим народ к заре коммунизма. Всё так же подрывались на минах и снарядах дети и взрослые, стреляло трофейное оружие в руках бандитов всех мастей, война продолжала, да и продолжает собирать свои кровавые плоды...

Наверное, нет для родителя минуты светлее, чем увидеть сына, вернувшимся с войны, пусть даже калеккой, главное – живым! Вот и Марфа с Тимофеем, рассмотрев на подходящем к пристани пароходе знакомую фигуру сына Петра, не могли найти себе места. Вся сибирская деревня, от мала до велика сбегалась к пристани. Ведь приход парохода, это было целое событие в её размеренной жизни, где до райцентра Берёзово аж пятьсот километров.

Только один из двадцати вернулся домой с кровавых полей. А вот Петру Рочеву судьба явно подфартила – живой и здоровый ступил он на родную землю, с одним только «но» – в голове его осталась пуля от немецкого карабина «Маузер», которую хирурги почему-то не рискнули удалять. Вот с таким «довесочком» и вернулся он с фронта – на груди ордена и медали, а в головушке кусок металла, но вроде особо не беспокоит, так и забыл о нём.

Через год сосватали родители за Петра Аннушку Каневу из соседней деревеньки Щекурьи, и стали молодые жить-поживать в трудах и заботах в колхозе имени Сталина, как и все – рыбалка, охота, покосы, лошади, коровы. А послевоенная жизнь, худо-бедно, потихоньку всё же налаживалась. Всех не вернувшихся с войны, хотя и оплакали, а в душе всё едино ждали. А те, кто возвратился, работали и жили за троих, навёрстывая упущенное. Трудно в деревне без мужика, так что каждый из них на вес золота.

Что греха таить, погуливали фронтовики. А вот Пётр по натуре своей оказался однолюб. Краше Аннушки не было для него женщины на свете. И жили молодые душа в душу. Родные и соседи помогли срубить новый дом в центре деревни, а там и детки пошли. Сперва две дочки погодки, а через пять лет ещё и два сына, тоже

погодки. Так и жила семья Рочевых в любви и радости своими трудами и общими заботами.

Шли годы. В конце шестидесятых прошлого века, утром, всё тот же трудяга пароход «Пётр Шлеев» притащил огромную баржу с людьми и техникой. Приехали геологи искать хрустали да камни-самоцветы на Приполярный Урал, а с ними и завербованные по всей стране бичи. Кайлом махать, чтобы канаву в горной породе выдолбить, ума много не надо, а стоит этот труд приличных денег. Вот и собирался контингент по натуре своей авантюрный – выпить, подраться, да и украсть что при случае.

Из-за чего произошла стычка между ними и Петром, сейчас никто и не помнит, только пришёл он домой под вечер с разбитой головой – ударили его в драке сзади чем-то тяжёлым. Перебинтовали его домашние и ушли ночевать на сеновал, так как в избе душно, а завтра ни свет ни заря на покосы в Хартым идти. Петра же оставили дома на широкой лавке у печи.

Утром следующего дня зашла в их двор соседка Фёкла и онемела от страха – Пётр на крыльце сидит, топор в ногах валяется, и рубаха вся в крови. Выскочила она в калитку, да к председателю Илье Николаевичу, так, мол, и так, тот – участкового уполномоченного Котлова, мужиков, попавшихся под руку – и к Рочевым. Страшная картина предстала перед их глазами – всю спящую семью зарубил ночью Пётр. Почему? Неизвестно. Как ни бились следователи, так ответа от него и не услышали.

Даа... Вот ведь как. Через десятки лет долетела та пуля, и погубила не только его, а и всех близких ему людей. Больше Петра в деревне не видели. Так и сгинул где-то. То ли в психушке, то ли в лагерях, что недалеко по всему ивдельскому краю, как горох понатыканы... Будь они прокляты, эти войны, и нелюди, их начинающие.

Дороги... Речные, земные, жизненные, все они уводят в вечность. И нет разницы, какой ты идёшь, главное – как и с чем. Почему, порою, проезжая ими, так тянет остановиться, прижаться к вековой сосне или просто постоять, слушая шепот деревьев, что мы, порою, бессознательно и делаем. Наверное, действительно, в эти минуты наша душа перекликается с душами предков, в которые рано или поздно вплетется и наш голос. Главное, чтобы наши потомки не вырубili нас, не разорвали связующую нить поколений, иначе как мы сможем их защитить?

Анжелика Давыдова,
член Союза журналистов России,
краевед,
г. Сургут

СУРГУТ. Взгляд в прошлое

ЛИСИЦА СУРГУТСКАЯ

Поистине захватывающими были времена расширения границ Московского царства и становления городов в Сибири. Практически с момента присоединения русские достигли берегов Приморья и Чукотки, вышли к Тихому океану. Такое скорое продвижение на восток обусловлено одним из главных обстоятельств – походом за «мягкой рухлядью». Историки называют эпоху XVI–XVIII веков «пушной цивилизацией», а возникшие тогда города – «пушными».

Количество вывозимого из сурового северного края ценного меха изумляло весь тогдашний цивилизованный мир. Так, в 1594 г. правительство царя Фёдора Иоанновича отправило «во вспоможение» австрийским Габсбургам с тем, чтобы они продолжили войну с Турцией, 40 360 шкурок соболя, 20 760 кунных шкур, 3 000 чёрных бобров, 120 чёрных и чернобурых лисиц, 337 235 белок, 1 000 волчьих шкур и 75 оленьих кож. Европейские купцы определили совокупную стоимость этого воистину царского подарка в восемь бочек золота.

Одним из пушных городов считался и Сургут. Наш край был богат на другую «мягкую рухлядь» и тому есть свидетельства. Так, в 1692 г. Сургут посетило посольство, отправленное в Китай Петром Великим. Во главе посольства находились Избрант Идес и Адам Бранд. Послы особо отметили пушные богатства Сургутского края: «...в Сургутской области и вверх по Оби, до самого Нарыма, попадаются соболи..., а также наиболее крупные и красивые горностаи из всех, каких ловят в Сибири и России». При всём

разнообразии и «доброте» пушного зверья более всего сургутский край был изобилён и славен в старину своими лисицами, особенно одной разновидностью – чёрной лисицей. Ещё Идес и Бранд отметили, что в сургутском крае хороши «...в особенности чернобурые лисицы, которые в этих местах... красивее, чем где бы то ни было». Источники XVII–XVIII вв. указывают и на особую ценность чёрных лисиц. Наряду с белыми они были самыми редкими.

Заметно большее, по сравнению с другими районами Северного Зауралья, поголовье сургутской лисицы и её «доброта» ещё в XVII в. были закреплены на уровне геральдики. В самой ранней (1635 г.) «Росписи» печатям сибирских городов сургутский герб описывается следующим образом: «На сургутской – две лисицы, меж ими соболя, а около вырезано: «Печать государева земли Сибирские Сургутского города». Эта композиция в сургутском гербе оставалась неизменной и в последующих «Росписях» на протяжении всего XVII в. (1656, 1692, 1696 гг.). Более того, «аборигенная геральдика» также отразила выдающееся значение лисицы в «пушной экономике» земли сургутской. Так, родовой тамгой селяровских остяков было изображение лисицы. На современном гербе Сургута есть чёрная лиса – символ богатого исторического прошлого.

МЯГКИЙ СОБЛАЗН

Государство старалось заполучить всю ценную пушнину. Поэтому уже в конце XVI – начале XVII вв. регулярно появляются указы о сдаче ценного меха только в ясак. Сургутский

«СВИСТ» КАПКАНОВ И «ЧИЛИБУХА»

воевода С. М. Лобанов-Ростовский и голова В. Г. Колединский также получили подобный указ от правительства Годунова. Но подобные указы действие имели ничтожное. Сблaзн выгодно продать шкуру редкого зверя был слишком силен, и торговые люди стремились получить ценный мех обходным путём – напрямую у остяков. Так что государство постоянно проигрывало гонку за наиболее ценными сортами пушнины.

Помимо пришлых торговцев и местных перекупщиков за сибирской пушниной охотились бухарцы и ногайцы. Больше всего пушнины уплывало в сундуки сибирских чиновников. Ценного меха, особенно чёрной лисицы, в «государевом ясаке» год от года становилось меньше. Иной раз за несколько лет ни одной не поступало в ясачный сбор. Так, с 1758 по 1761 гг. Сургутский уезд не отправил в Сибирский приказ ни одной шкуры чёрной лисы. Но в 1899 г. в Сургутском уезде была очень крупная совершенно чёрная лиса, чью шкуру продали на Ирбитской ярмарке за пять тысяч рублей. А в 1909-м в нашем крае добыли совершенно белую лисицу. Шкура её, как чрезвычайно редкая, нашла своё уникальное место в Зоологическом музее Академии наук в Петербурге.

Граф Владимир Муравьёв. Лисица. 1906 г.

Добычей пушнины аборигены Сибири и Сургутского края, в частности, занимались задолго до начала русской колонизации. И уже в незапамятные времена пушнина имела для коренного населения товарное значение. Об этом свидетельствуют относительно частые находки в Приобье средневековой торевтики (посуда и украшения из драгметаллов) иранского, среднеазиатского, североевропейского, урало-венгерского, византийского и болгарского происхождения. Остаётся только догадываться, сколько соболей, бобров, куниц и другого ценного меха отдали, например, в своё время (около VIII в. н.э.) предки ханты с реки Северная Сосьва за серебряную фигуру слона настолько тяжёлую, что её могли поднять только четверо взрослых мужчин. Слона этого последним из русских видел В. Н. Чернецов во время своей экспедиции на Северную Сосьву в 1933-34 годах.

Лисицу начинали промысливать раньше всех остальных пушных зверей – со второй половины октября и до декабря. На них ставили сторожевые луки, а в марте промысливали капканами. Последние бывали некачественные, по-видимому, из-за низкосортного железа они на морозе «свистели». В них зверь не шёл. Чтобы не спугнуть лисицу, охотник при постановке капкана натирал свои руки и капкан ветками можжевельника. Бывало, травили лисиц ядом. В качестве такового использовали траву под названием «чилибуха», позднее – стрихнин, добавляя последние в «привады» из рыбы или оленьего мяса. Ещё лисицу гоняли верхом на лошадях или на оленях: «...в последнем случае собак сажают на нарту, дабы они не утомились, и спускают на лисицу в случае надобности, чтобы пересечь ей дорогу с чистого места в лес, или же, когда устанут олени, в конце концов собаки, догнав лисицу, дают её». Загонная охота на лисицу на лошади, как и сама лошадь, были переняты у русских.

РУЖЬЁ – ПРАОТЦУ, МЕХ – ГОСУДАРЮ

Уже в XVII в. под влиянием русских остяки в Сургутском уезде пытались держать лошадей. В челобитной на имя царя Петра Алексеевича от 1696 г. местные остяки сообщали, что помимо прочего они покупают у русских «животину». По меньшей мере с 30-х гг. XVIII в. сургутские

ханты ездили на лошадях на промысел зверя. В 20-х гг. XIX в. только в Селяировской волости ханты держали 60 голов лошадей.

С началом русской колонизации и насаждением ясачного административного режима добыча «мягкой рухляди» стала вестись абorigенами значительно интенсивнее. В том числе и потому, что русские принесли с собой куда более эффективные, чем абorigенные орудия охоты – огнестрельное оружие и железные капканы. (Надо полагать, более качественные. – Прим авт.) К XIX в. огнестрельное оружие для охотников-абorigенов стало привычным. Им пользовались практически все. Уже в середине XIX в. у ханты становится традицией класть в могилу охотника вместе с другими «необходимыми» покойнику вещами ружьё.

Пушнина большей частью шла в уплату ясака. Излишки употреблялись на изготовление одежды и для обмена. Причём именно на продажу абorigены склонны были приберегать самый ценный мех. Сургутский воевода А. А. Из-

майлов в 1644 г. отписывал государю: «...твоего государева ясаку и поминков не платили, (абorigены-С. Т.) а мяхкую добрую рухлядь втай... продавали...». Уже в начале XVII в. начал сказываться перепромысел ценного пушного зверя. Численность соболя и бобра была значительно подорвана. Так, в 1629 г. остяки Тобольского уезда в челобитной на имя государя Михаила Фёдоровича жаловались, что «...соболиные и бобровые промыслы выловились». Однако ни этого, ни других подобных сообщений совершенно не хотели замечать в Сибирском приказе.

Ещё одной причиной постоянного падения ясачного сбора стало отвлечение охотников ясакоплательщиков на «ямскую гоньбу». Практически до конца XVII в. сургутские абorigены обеспечивали транспортное сообщение по Средней Оби вплоть до Нарымского острога. Летом они тянули бичевой суда, а зимой вынуждены были предоставлять «государевым людям в подводы» олени и собачьи запряжки.

ШАПКА ДЛЯ ШАЙТАНА

Ханты и манси обменивали мех на самые нужные в их представлении вещи. Скорее всего, это были диковинки. Часто они почитались как изображения богов. Так, образом Мир-сусне-хума служили металлические тарелки или блюда с изображением всадника. Дело в том, что в представлениях абorigенов Мир-сусне-хум (за миром смотрящий человек), младший сын Торума, облетал землю на семикрылом коне, наблюдая, всё ли в порядке в мире людей. Обычно в качестве изображения Мир-сусне-хума использовались импортные вещи. Видимо, с этим связаны относительно частые находки на территории Нижнего Приобья серебряных и бронзовых блюд с изображением всадника, датируемых ещё IX в. н.э., болгарского и урало-венгерского происхождения.

Только в том случае, если драгоценный мех не шёл на «культовый обмен», его использовали на шапку, но только назначенную божеству. Г. Новицкий, сопровождавший митрополита Филофея Лещинского в его миссионерских экспедициях в Приобье в первой четверти XVIII в., описывает знаменитого в те времена на всю Конду и далеко за её пределами Нахрачинского «кумира» следующим образом: «Кумир же сей изсечен бе из древа, одян одеждою зеленою, злообразное лице белым железом обложено, на

На фото: Хант-промысловик, начало XX в.

голове его лисица черная положена...». Другой сподвижник Ф. Лещинского, находившийся в русском плену в Тобольске, шведский офицер И. Б. Мюллер сообщает о принесении драгоценной лисьей шкуры в жертву высоко почитавшемуся всеми остяками Приобья Белогорскому шайтану (Мастерков шайтан, Мастерко – вероятно всего русская огласовка от Мир-суснехум): «...это лишь неотделанный отруб дерева, не имеющий подобия телу, у которого только обрезана верхушка, чтобы имелось сходство с человеческой головой. Они затянули ствол красной материей, на которой пришили такое количество лоскутов, сколько его почитатели принесли ему, и увенчали его шапкой, подбитой мехом чёрно-бурой лисы огромной цены».

Горлатные шапки

ШУБА С ЦАРСКОГО ПЛЕЧА

Если аборигены Севера дарили шкурками чёрной лисицы своих богов, то на Руси фигурой, достойной подобного обрамления, являлся «божий помазанник» и приближённые к нему лица. По-видимому, именно из чёрной лисы в конце XVI – начале XVII в. шили царские шубы. Во вся-

ком случае, в указе от царя Фёдора Иоанновича пелымскому воеводе Б. Полеву шкура именно чёрной лисицы названа «шубной».

Государи московские любили наряжаться в шубы. Особенно охотно щеголяли в них перед иностранными послами и на пирах. Царские шубы обычно были крыты дорогими тканями со множеством украшений, но бывали случаи, когда, например, царь Михаил Фёдорович сиживал за парадным столом в нагольной шубе, то есть в шубе мехом наружу. Нетрудно догадаться, в каком именно нагольном меховом наряде щеголял помазанник божий. Члены царской семьи также украшались драгоценным лисьим мехом. В 1637 г. по царскому указу было велено: «...прислать на Казенной двор к диаку Гаврилу Облезову лисицу чорну в [...] рублей, а починивать тою лисицею государыне царевне и великой княжне Ирине Михайловне [щাপонка]». «Щапонка», вероятно, представляла собой род шубы особенного щёгольского покроя.

Другим меховым элементом русского зимнего костюма была шапка. Из дорогого редкого меха могли себе позволить шапку не многие, но даже если могли, то на определённый вид шапки не имели права ещё большее число русских людей. Такой шапкой была «горлатая», кою имели право носить только князья и бояре: «Горлатая шапка делалась из драгоценных мехов с суконным верхом, а иногда с меховым. По своей фигуре она... кверху была шире, книзу уже. Спереди делалась прореха, окаймлённая вдоль образцами или плащами с насечками. На одной стороне прорехи делались петли, густо обложенные жемчугом, изображавшим какую-нибудь фигуру, например в виде змейки, львиной головы и прочего, на другой стороне прикреплялись золотые пуговицы, и иногда с драгоценными камнями в середине». Именно в связи с горлатой шапкой, скорее всего, родилась пословица: «По Сеньке и шапка».

Чёрная лиса была желанным презентом и для иноземных правителей. Однако русские государи и государыни жаловали ценными мехами не только зарубежных властителей, но и своих подданных за различные заслуги. Почти нарицательным было для русской средневековой деловой письменности выражение: «Пожаловал шубу с царского плеча».

Подготовлено по неопубликованному источнику: Туров, С. В. Проведение историко-архивных исследований, воссоздание герба города Сургута (16-20 вв.) и составление свода

ВЕСНОВКА ГОД КОРМИТ

В прежние времена с приходом весны у сургутийцев появлялись занятия, которые можно было сделать только в это время года. Об этом есть интересные сведения в книгах Ивана Захарова и Александра Кузнецова, заглянем в них.

На «весновку» обычно заезжали недели за две, а то и за три до начала ледохода. Кто его знает, какая будет потайка: круто возьмёт тепло или отзимки ударят. В облюбованные места на лошадях увозили разные снасти, припасы, провиант, обласа. Всё это оставляли без присмотра – никто чужого не тронет, а сами возвращались домой. С наступлением тёплых дней уходили на промысел пешком или уезжали на лодках по берегам.

Уток стреляли из ружей, ловили перевесами, гусей поджидали на песках. Особенно несладко было, если несколько дней провести в холодной яме под брезентовой крышей. И не просто провести, а после каждого выстрела сбегать за добычей и вернуться в «скрадок», не оставив следов на песке: гусь птица умная, малейшая оплошность – не сядет, несмотря на приманку. И так несколько дней, до тех пор, пока косяки буряков и казаров не пролетят дальше на север. Зато труд всегда окупался с лихвой: по сотне гусей, по триста, по четыреста уток привозила артель, состоящая из трёх-четырёх человек.

С освобождением рек ото льда заканчивался весенний утиный промысел. В залитые водой поймы заходила с рек рыба. Промысловики ставили сети. Ловы были небольшие, всё-таки мужчины привозили с весновки в свои семьи не только уток, но и свежей рыбы. С дичью, рыбой, промысловыми снастями и прочим имуществом добирались домой на лодках, оставленных на угодье ещё с осени.

По возвращении мужчин домой в семьях начиналась трудоёмкая работа по разделке дичи. В неё включались все и даже приходили помогать родственники, соседи. Это станет понятным, если я скажу, что в удачную весновку одним перевесом отлавливали по тысяче, а в лучшем случае по тысяче пятьсот уток (чирков, острохвостов, свиязей, реже – плосконосов, селезней, лутков, гоглей, чернети). Дети разносили гостинцы: по две-три утки родным, знакомым, одиноким по-

жилым людям. После чего они тоже садились в семейный круг ощипывать уток.

Работа кипела целыми днями. Кто ощипывал, кто опаливал тушки на небольшом костерке, разведённом на шестке русской печи, кто потрошил их и соскребал нагар. Затем солили уток в деревянных кадках и помещали в погреба-ледники, куда в начале весны закладывали речной лёд. Мясо птицы сушили, заготавливали впрок. В дело шли и пух, и перо. Ими набивали перины, подушки. Отдохнуть в такой постели после трудов праведных – большое удовольствие!

БЕЗ ДРОВ – НИКУДА

Как только заканчивалась обработка и засолка уток, ежедневно семьи выходили в лес – за Сайму, в Кривую и Прямую Вершины, Первую и Вторую Кедровые – на заготовку дров. Дрова готовились в основном из сосны и берёзы, первые расходовались в тёплое время года, а вторые жгли зимой, особенно в морозы. Лес заготавливали свободно, каждый хозяин сам выбирал делянку, где выборочно спиливались деревья. Их разделявали на полуметровые чурки, затем раскладывали и складывали в поленицы, каждая была рассчитана на два-три зимних воза. Поленицы оставались в делянках всё лето, и дрова хорошо просыхали, а с установлением санного пути их вывозили на подворье. Каждая семья обычно заготавливала до тридцати кубометров топлива, а при ручном труде это сделать нелегко.

Весной заготавливали и строевой лес. Его шкурили и укладывали в штабели на просушку. Плавной лес сургутяне не любили, и в дело он шёл мало, разве что опять-таки в печку; промокшая древесина менее стойка, быстрее гниёт, а многие сургутские дома стояли по восемьдесят-сто лет. Немало местных жителей зарабатывали себе на хлеб заготовкой дров для пароходов, которые курсировали по Оби из Тобольска в Новосибирск, Омск. Нелёгкий труд неплохо оплачивался, и работы было много. Сотни тысяч кубометров древесины требовалось за зиму переработать на швырок, и к началу навигации на крутых берегах Оби уже белели бесконечные ряды полениц. Причаливал пароход – его команда, да и многие пассажиры загружали трюмы и нижнюю палубу сосновыми, берёзовыми, осиновыми поленьями.

Использованы фото из открытых источников

К 80-летию Победы

Николай Мельников,
горный инженер-нефтяник,
член Союза журналистов России,
г. Сургут

«Освобождён от работы»

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ				
№ записи	Дата			На основании чего высвободить (покупка, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число	
8	1941	10	16	Выведен из работы
9	1941	10	16	Начал вывоз нефти
10	1943	8	1	Переведен на работу в качестве инженера-геолога
11	1944	10	1	В должности старшего техника
12	1950	8	21	Переведен на должность инженера-геолога

Такая запись в трудовой книжке моего отца Петра Алексеевича Мельникова была сделана 16 октября 1941 года. Это меня очень удивило.

Отец говорил, что он всю жизнь работал в одной организации, за исключением первых трёх лет, когда после окончания Старо-Оскольского Геолого-Гидро-Геодезического Техникума по направлению трудился в военно-геологической организации «Спецгео» в Москве (в названии среднего специального учебного заведения сохранена норма его написания в 30-х годах XX столетия). Об этом эпизоде он не рассказывал ни разу. Моя рука сама собой потянулась к клавиатуре компьютера, и я, ни о чём не думая, набрал: Москва, 16.10.1941.

Мне повезло – в интернете нашлось много информации об этом периоде Великой Отечественной войны. И нашёлся ответ, почему отец не говорил, что происходило в Москве в это время.

«Потом, когда всё это осталось в прошлом и когда кто-нибудь в его присутствии с ядом и горечью заговаривал о 16 октября, Синцов упорно молчал: ему было невыносимо вспоминать Москву этого дня, как бывает невыносимо видеть дорогое тебе лицо, искажённое страхом».

Этот фрагмент из романа Константина Симо-

нова «Живые и мёртвые» – одно из редчайших упоминаний в общедоступной литературе «чёрного дня» в истории столицы 16 октября 1941-го. В Советском Союзе были написаны тысячи книг и исследований о героической обороне Москвы, но до недавнего времени все источники об этом событии были засекречены. При сталинском режиме любая неосторожная фраза могла быть основанием для тюремного заключения. Все это знали и молчали.

Что же происходило в эти дни?

Перед нами текст радиogramмы за подписью Иосифа Сталина: «Из-за не прихода окружённых войск к Москве Москву защищать нечем и нечем. Повторяю: нечем и нечем». 13 октября танки Гудериана пересекли границу Московской области. 15 октября Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление «Об эвакуации столицы СССР Москвы». Постановление

носило гриф «совершенно секретно» и «особой важности», но через считанные часы вся Москва знала об этом. Начались паника и мародёрство. 16 октября 1941 года встал общественный транспорт. Единственный раз за всю историю столицы не открылись двери метро.

В начале войны мой отец работал в Москве в Государственной конторе проектных и изыскательских работ «Центроспецстройпроект». Для того чтобы военнообязанный мог легально находиться в тылу, необходимо было получить бронь – документ, освобождающий от отправки на фронт. В первую очередь бронь давалась специалистам в стратегически важных для обороны отраслях промышленности и хозяйства и распространялась на некоторых представителей науки, культуры, искусства и спорта. Все геологи также подлежали обязательному бронированию.

О своей работе в 1941–1945 годах отец говорил очень мало. Во время войны он по роду своей деятельности бывал в частых командировках в Сибири и на Дальнем Востоке. Рассказывал о местном населении, которое использовало кожу рыб для изготовления одежды. Это было одним из обычаев нанайцев, нивхов, ульчей, орочей, населявших территорию бассейна реки Амур и острова Сахалин. Они шили одежду из выделанной кожи сома, ленка и лососёвых рыб. Любил слушать вальс «Амурские волны». Вспоминал, как рыбачил и пойманную рыбу отдавал заключённым, с которыми работал.

Приведу слова юбилейного приказа: «Главному специалисту отдела № 4 тов. Мельникову Петру Алексеевичу исполнилось 50 лет. 26 лет из этого времени Пётр Алексеевич проработал в нашей организации... За время своего изыскательского пути он выполнял самые различные инженерно-геологические и гидрогеологические изыскания во многих местах нашей Родины, в её тайге, лесах и пустынях...»

...Перебазирование производительных сил страны из опасных районов на восток явилось вынужденной, но крайне необходимой мерой, вызванной неблагоприятным ходом военных действий. Под угрозой вражеской оккупации оказалась значительная часть территории Советского Союза, где проживало около 40% населения страны, находилось 31 тысяча 850 промышленных предприятий, в том числе три тысячи нефтяных скважин.

...Постановлением Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей был создан Совет по эвакуации. Контроль за эвакуацией предприятий с 11 июля 1941 года осуществляла созданная по решению ГКО при Совете по эва-

куации специальная группа инспекторов во главе с Алексеем Николаевичем Косыгиным.

Между тем в отечественной историографии, как в советской, так и в современной российской (не говоря уже о зарубежной), настоящая тема до сих пор принадлежит к числу весьма слабо раскрытых в научном плане. В военно-исторической и экономической литературе до сих пор нет крупных исследований, специально посвящённых истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Одна из главных причин такого положения заключается в том, что до последних 10–15 лет (2006 год) многие важные документы, материалы, цифровые сведения, непосредственно связанные с этой проблематикой, были закрыты для исследователей.

Но вот что странно: спустя более 70 лет после Победы нет ни одного серьёзного труда, посвящённого беспрецедентному «броску на восток» гигантского экономического хозяйства. Милли-

оны документов в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) разложены по наркоматам, министерствам, ведомствам и отраслям. И нет исследователя, который составил бы целостную картину великого исхода.

Работа моего папы была связана с подготовкой и эвакуацией промышленных и гражданских объектов во время Великой Отечественной войны в Сибирь и на Дальний Восток, куда эвакуировали многие предприятия и заводы из западных районов Советского Союза. Я планирую в будущем найти информацию о деятельности «Центроспецстройпроекта» в период 1941–1945 гг. и определить конкретно, в каких районах СССР проводил изыскания мой отец.

После окончания самой долгой и страшной войны XX века гидрогеолог, изыскатель Пётр Алексеевич Мельников был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

(Фото П.А. Мельникова из семейного архива)

Татьяна Гоголева,
активный политический и общественный деятель,
председатель Ханты-Мансийского регионального
отделения общероссийского общественного движения
«Ассоциация финно-угорских народов РФ», член
Консультативного комитета финно-угорских народов.
Почётный гражданин Березовского района ХМАО-Югры.

Интервью с Афанасьевой Клавдией Васильевной о роли и будущем Медвежьего праздника у манси

Как стремителен бег времени. Казалось, лишь вчера состоялся наш диалог в поезде при возвращении из Ивделя (2004 год), а между тем, это уже история 20-летней давности.

Решила всё же опубликовать нашу беседу. Прежде всего в память о Клавдии Васильевне Афанасьевой (26.11.1951–16.07.2021), кандидате педагогических наук, настоящей дочери мансийского народа.

Этот материал в последующем, вероятно, будет использоваться как источник по восстановлению прерванной в советский период (1937–1970 гг.) культурной традиции, связанной с медвежьим культом.

Татьяна Гоголева: Сейчас мы поговорим о важном обряде нашего народа – Медвежьем празднике. В марте этого года (2004 г.) мы приняли в нём участие. Хозяева Помапауля были рады нашему приезду. Когда они ещё были детьми и росли в интернате, то их мудрые родители специально к этому времени «хӧтна дньщӧгыт» (‘божественного собрата имеют’ – с манс.) – дожидаются времени прибытия детей на каникулы. И сразу в нескольких домах запускался праздник, дети радостно погружались в мир своего традиционного мировоззрения. Один из мужчин отметил: «Хоса пора ат ййквсыт, ат ёнгысыт» (‘Давно не танцевали, не играли’ – с манс.), и что без нас было бы праздновать скучнее.

Расскажите о значимости этого обряда для нашего народа и верите ли Вы в его будущее?

Клавдия Афанасьева: Как Вы знаете, я с удовольствием откликнулась на Ваше предложение.

Всегда традиционно было так, что манси близлежащих селений собирались на такой праздник.

Когда мы приехали, они были очень рады нас видеть, и, особенно Вас.

Клавдия Васильевна Афанасьева

Этот обряд действительно является центральным, потому что он поддерживает стержень мировоззрения мансийского народа. Много можно говорить о мировоззрении любого народа, но у обских угров Медвежий праздник является и был, и останется корневым. Прежде всего, он и собирает вокруг себя всех членов сообщества, и представляет весь его духовный потенциал.

Поэтому, когда Вы нас приглашаете, мы стремимся принять участие, как бы это ни было сложно, стараемся собраться и знаем, что под Вашим патронажем это получится согласно традициям.

Очень жаль, что в этот раз был несколько нарушен традиционный ход праздника. Здесь должны были исполнять и быть предьявленными духи-покровители. Их священных песен не было, наверное, потому, что под влиянием последних лет многие элементы этого праздника пока не могут состояться. Ну и ещё это связано с тем, что у нас осталось очень мало истинных носителей фольклора. Также свою роль, вероятно, сыграла тяжёлая транспортная схема, ставшая причиной их отсутствия. Таким образом, сакральная часть Медвежьего праздника была ограниченной.

Что касается будущего, то я думаю, что с установкой на традиционное и сакральное нам удастся сохранить древний обряд. Мы сможем его проводить в тех же центрах, где это исторически бытовало – Ломбовож, Кимкъясуй. Даже можем сделать и в Ясунте, но без рекламного, показательного, что, ещё раз повторяю, десакрализует ход обряда.

А праздник исторически сакрален! И он, конечно, будет жить, потому что у нас есть люди очень заинтересованные, в том числе наша Ассамблея.

Татьяна Гоголева: Путь наш, на самом деле, до самого места празднования к красивой речке Поме, которая расположена у самых Уральских гор был очень непрост и долог. И вот когда мы уже выехали из Ханты-Мансийска, в нас сам эмоциональный настрой был уже очень высокий, в ожидании скорейшего приобщения к своему древнему таинству. И когда мы ехали в поезде, всё время шли душевные, спокойные беседы. И во время Медвежьих игрищ каждый вспоминал свой предыдущий жизненный опыт, когда ему удавалось участвовать в Медвежьих игрищах.

Расскажите, пожалуйста, в Вашем добром мире мансийского детства когда Вам удавалось попричастствовывать на этом священном действе?

Клавдия Афанасьева: Как Вы знаете, в Сукурьяпауле покровителем является Нёр Ойка, один из самых сильных сыновей Нуми Тёёрума. Это сидит в сознании каждого манси. К примеру,

Клавдия Васильевна Афанасьева с родителями и сестрёнкой Наташей

нельзя было исполнять при Нёр Ойке определённые призывные песни ряда покровителей.

Первый раз мне удалось посмотреть Медвежий праздник, когда мне было шесть лет (1957 г.). Это было в доме бабушки Роман-ойки (Сайнахов Роман Алексеевич). Он очень известный исполнитель, исследователи из Эстонии записали у него много эпических песен, сказаний. Всё это должно быть в архиве Института языка в Эстонии.

Затем в девять лет я присутствовала у Петра Андреевича Сайнахова (1960 г.), это мой дядя, старший брат моего отца. Я тогда вынуждена была проживать и учиться в стенах интерната, потому что мой отец был ветеринаром и обслуживал оленеводческие стада. Когда проводили праздники, то вечерами мы убегали туда и смотрели, и не просто смотрели, а были маленькими соучастниками. В перерывах между тулыглапами мы, девочки, танцевали, как умели, конечно, закрыв платками лица.

Потом я помню своё ещё детское участие в празднике у Григория Николаевича Сайнахова, он тоже мой дядя, но уже по маме. Григорий Николаевич очень много сделал для того, чтобы состоялся театр «Салы Лёңх» («Оленьими тропами»), был талантливым исполнителем ман-

сийских танов (мелодий) и изготавливал традиционные музыкальные инструменты. Он обучал наигрышам и самого Дмитрия Георгиевича Агеева. Потом уже ученики Агеева, как модно сейчас выражаться, импровизировали. Отмечу, чтобы импровизировать, надо иметь большой талант.

И потом, уже в 15-летнем возрасте я присутствовала на празднике в Щекурье, где также соблюдались все элементы культуры. И была тогда знаменитый этнограф Зоя Петровна Соколова,

Прасковья Михайловна Сайнахова, 1972 год.

ученица В. Н. Чернецова. Это был 1966 год. Помню, что Зоя Петровна привезла художницу из Института этнологии, её звали Галина. Она зарисовывала одежду, обувь, всё, в чём были на инсценировках-тулыглапах, и как священные духи приходили в своих образах. Всё, что Галина зарисовала тогда, есть в книге Зои Петровны «Путешествие в Югру». Она меня там Аней Сайнаховой называет. В период командировки они жили у нас, мне

тилетней девушке, пришлось возглавить вывод главного культового праздника нашего народа из-под идеологического запрета! Перед войной он был объявлен шаманским, были безвозвратно увезены лучшие сказители, певцы. Но даже на моём примере видно, что праздник продолжал жить. Люди продолжали проводить его в глубокой тайне, ночами, без электричества, зажигали пару керосиновых ламп и отпевали собрату всю свою жизненную программу.

Разрешение на проведение праздника было получено где-то в Москве Сибирским отделением Академии наук. Но потом совместно с ними принимали участие в празднике и другие учёные – З. П. Соколова (РАН) и съёмочная группа под руководством Леннарта Мэри (АН ЭССР). Была запланирована также съёмка документального кино.

Ещё раз отмечу, что поставленная задача мне как организатору праздника, имеющего большую духовную значимость, была очень непростой. Сакральная информация передавалась только по мужской линии и, как правило, старейшинам. Неоценимыми помощниками стали мама и мои дяди. Шаг за шагом решили все организационные дела.

Прежде всего, у Василия Егоровича Гындыбина, бригадира седьмой оленеводческой бригады, была свежая медвежья голова, и они хотели исполнить ритуал в апреле. Мы договорились с ними о переносе обряда на осень, к приезду учёных.

Местом проведения был определён местный клуб в д. Щекурья. Со старшим поколением не просто, но удалось решить и этот вопрос, согласились на клуб, так как изначально тут была церковь. Постепенно договорились и по структуре праздника, что все элементы праздника будут проведены как того требует традиция.

Немало копий было сломано и в административно-чиновничьих вопросах, там, где мои родственники были бессильны мне помочь. Директором совхоза у нас тогда был Валентин Яковлевич Кокотов, а во всех организациях с. Саранпауль свои партийные организации – вот они все вместе обижали меня по полной программе!

Литературы, к которой можно было бы отослать этих деятелей, ещё не было. Все многовековые исследования языкового родства с венграми и другими финно-угорскими народами, наш эпос – были доступны лишь узкому кругу исследова-

дователей. Поэтому с местными идеологами мы никак не могли понять друг друга.

Потом все эти конфликты взяла на себя и умело разрешила З. П. Соколова, повторюсь – ученица одного из лучших отечественных исследователей мансийской культуры Валерия Николаевича Чернецова. И мы с соблюдением и количества дней, и всей структуры праздника успешно его провели.

А участниками праздника были знаменитые в то время исполнители – Роман Алексеевич Сайнахов, Григорий Николаевич Сайнахов, Константин Васильевич Албин, Пётр Андреевич Сайнахов с сыновьями Алексеем и Георгием, Фёдор Константинович Сайнахов, Дмитрий Андреевич Сайнахов и другие очень многие исполнители.

Как потом выяснилось, что инициатором этого события был Леннарт Мэри – писатель, кинематографист и государственный деятель, президент Эстонской Республики в период 1992-2001 годов. Была запланирована и осуществлена съёмка документального кино. Длинные песни, сакральные мифы были записаны целиком, хоть и было некоторое беспокойство по плёнке, по звуку. Но эстонцы нам ни в чём не мешали, мы были полными хозяевами события.

Ещё раз отмечу, что съёмки велись профессионально, как настоящий фильм. И нам, наверное, целесообразно сделать запрос, чтобы мы могли получить рабочие материалы в целях реконструкции Медвежьего праздника.

Потом Пётр Андреевич с сыном Георгием, Григорий Николаевич Сайнаховы ездили по приглашению Леннарта Мэри в Тарту и в Феодосию на презентацию фильма.

Думаю, нам стоит обратиться также и к Сибирскому отделению Академии наук, чтобы фильм был в общественном доступе.

Татьяна Гоголева: Да, я думаю это очень ценная информация. Дай бог, чтобы сохранились рабочие материалы этих съёмок, т.е. нужно попытаться найти их следы, это очень важно.

Как Вы думаете, этот обряд послужил ли объединительным началом для всех нас манси, проживающих далеко друг от друга на разных реках?

Клавдия Афанасьева: Да, я об этом уже говорила.

Следует отметить, что «Медвежий праздник» – это уже русское выражение, у нас говорят Уй ййкване (‘Зверя пляшут’ – с манс.). Во-пер-

Евдокия Ивановна Ромбандеева и
Клавдия Васильевна Афанасьева

вых, даже глагол перфективный, т.е. не мы сами делаем, а духи-покровители, которые участвуют с нами. Он имеет, конечно, очень большое консолидирующее начало, почему раньше были и спорадические праздники, т.е. один раз в семь лет, все, даже с самых дальних селений, обязаны были приехать. И сейчас, когда мы все вместе собрались, ещё раз отмечу, чувство единения и энергетического заряда. Ведь в советское время любой посторонний наблюдатель для нас был лишним. Здесь мы могли, например, посмеяться, как Кастын Эква, за платком посмеётся и никто не увидит. Нет лишних людей, которые не понимают и по-своему истолковывают нашу культуру. Здесь мы сами себе толкователи, изнутри знающие свою культуру. А если бы с нами, генетическими носителями культуры, собрались наши дети – то наш праздник непременно заинтересовал бы и их. Для нас это наша кровная, этническая, ценная неосознанная тяга, как необъяснимая тяга ребёнка к груди матери. Так мы и должны жить! Должно это с нами быть вопреки всему!

Татьяна Гоголева: Спасибо. Последний заключительный вопрос – верите ли Вы в будущее

**ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ,
ЗАГАДКИ И ПРИМЕТЫ**

этого древнего обряда и должна ли в отношении к нему осуществляться какая-либо государственная политика? Если да, то в чём она должна проявляться?

Клавдия Афанасьева: Я верю. Вот мы недавно праздновали тысячелетие христианства, и ещё другие. Монотеистические религии существуют, и это возносится в ранг государственной политики. Я непременно верю, поскольку и в Конституции РФ, и вообще сейчас в новых условиях же мы живём. Каждый народ, пусть он даже не самоопределяется, как это раньше высокопарно было сказано, но у нас есть возможности и гарантии со стороны местных законодательных актов и со стороны законодательных актов РФ. Мы живём в демократической стране, и мы же празднуем христианские праздники, соблюдаем – Пасху, Родительский день, Троицу и пр. Почему это всё канонизировано? Мы ведь не сопротивляемся, а радуемся со всеми. Просто нужно дополнительно убедить наши руководящие органы, которые, кстати, как раз идут на регионализацию всех законов, и поэтому, я думаю, вполне реально этот праздник укоренить законом. Есть же у нас такие замечательные законы – о родных языках, о святынях, о фольклоре, о родовых угодьях. И точно также нужно будет законодательно или распоряжением Губернатора, или каким-то образом этот праздник всенародным объявить в нашем округе. Но всё же элементы десакрализации немножко убрать.

Татьяна Гоголева: В мире очень много таких практик. Допустим, когда мы приезжаем к индейцам, а у них танцуются в это время самые древние танцы, в один из этапов солнцестояния. И, несмотря на то, что мы самые дорогие гости сейчас у них в резервации, туда, где идёт их священное действо, индейцы никого посторонних не пускают. Точно также, я думаю, и у нас возможно – только этническая среда!?

Клавдия Афанасьева: Вот мы с Вами одинаково мыслим, поэтому Вы, как наша Ассамблея, и мы – творческая интеллигенция, как нас называют, соберёмся, обсудим и я думаю, что и наш Губернатор тоже очень мудрый человек. Главное – искреннее желание и оно непременно исполнится!

Аз да буки – и вся наука.

За аз да за буки, так и указку в руки.

Сперва аз да буки, а там и науки.

Что было муки, доуки, а ни аза, ни буки (нет толку).

Аз да буки не избавят от муки (ученье, грамота).

Человек так, а Бог инак.

Сеяли рожь, а косим лебеду.

Широк путь в тюрьму, а из тюрьмы тесен.

Сперва погляди, а там и ври.

В августе – серпы греют, вода холодит.

Мужуку в августе три заботы – и косить, и пахать, и сеять.

Август крушит, да после тешит.

Август – каторка, да после будет мятовка.

Авось, небось, да третий как-нибудь.

Наше авось не с дуба сорвалось, рассудительное.

На авось и кобыла в дровни лягает.

Авось и рыбака толкает под бока.

Ждём, подождём, авось и мы своё найдём.

От авоськи добра не жди.

Авось, что заяц: в тенётах вязнет.

Авось – дурак, с головою выдаст.

Авоськи жданки съели.

С авоськи ни письма, ни записи.

Вывезет и авоська, да не знает куда.

Авоська верёвку бьёт, небоська петельку накидывает.

Авось с небосем водились, да оба в яму ввалились.

Авосьевы города не горожены, авоськины детки не рожены.

Помер Адам – ни богу, ни нам, ни душа на небо, ни кости в землю (разбитый горшок).

Хоть в аду ликуй, только нас минуй.

Всяк ада боится, а дорожка торится.

В рай просят, а заживо в ад лезут.

Лучше с умным в аду жить, чем с дураком в раю.

На немилостивых ад стоит.

В аду не быть, богатства не нажить (потому что богатый часто наживается неправдою).

Черти возят жерди: хотят ад городить (шутка).

Из оута в ад – рукой подать.

Хватить-пohватить, ан нечего взять.

Азбука велика, а тридцать слов.

Азбуку учат, во всю избу кричат.

Азбука наука, а ребятам бука (мука).

Азбука не знает, а читать садится.

Аз, да увяз, да не выдрахся.

Аз пью квас; а увижу пиво, не пройду его мимо.

Аз не без глаз, по (про) себя вижу.

Одинокому – ох-хо; а женатому – ай-ай.

Баба ай-ай (бойкая), а мужик – малахай.

Группа поэтов «Север» об осени

Ещё и осыплет всё серебром,
Но белые краски увидим потом...

Любовь Коробкина,
г. Сургут

ПЕРЕЛИСТНУЛ СТРАНИЦУ КАЛЕНДАРЬ

Перелистнул страницу календарь,
Где август жил, даря щедроты:
Грибы, орехи, ягоды – всё в ларь!
Нектаром пчёл наполненные соты.

И с удочкою посидеть с утра –
Душе услада не однажды.
И первого отлёта птиц пора.
В природе время изменений важных:

Уже желтеть стал лист и с ним трава –
Первоосеннее начало.
И по ночам тепло найдёшь едва...
Сполна так лето с нами попрощалось.

Но через год вернуться обещало.

СЕНТЯБРЬ У ВОРОТ

Сентябрь стучится в прикрытые двери:
К нам просится осень – не хочется верить.
Законы природы, как говорится,
Не выйдет оспорить – засентябрится!

Палитра пейзажа свой цвет поменяет:
Синь неба лазурного, жаль, полиняет,
И охру на зелень, где только сможет,
Художница-осень кистью наложит.

Окрасит вокруг разноцветною гаммой:
И бронзой, и медью, и золотом с вольфрамом.

ПРЕДЗИМЬЕ СТУЧИТСЯ

Вот уже за окном ноябрит...
Гроздь прощальная с ветки рябины
На снегу, словно пламя, горит
И в душе вызывает унынье.

Для морозов дорожку ноябрь мостит,
Хлопья снега летят белой птицей,
На заборе, озябнув, ворона грустит.
Всё смелее предзимье стучится.

Это значит – на убыль дожди,
В частом инее тополь, осины.
И тепла ты напрасно не жди:
В прошлом спрятались дни-осенины...

Анжелика Бивол,
г. Сургут

УЛЫБКА ВЕЧНОСТИ

Знаешь – Осень улыбка вечности...
В вихре дел, несомненно, важных,
Среди будничной быстротечности,
Мы почувствуем это однажды...

Жёлтый лист упадёт, как весточка
Из каких-то миров далёких,
Золотая берёзы веточка
Вдруг зашепчет волшебные строки.

Полетят паутинки тонкие
В голубеющей бесконечности,
Дождь подарит вновь песни звонкие
Нам про осень – улыбку Вечности...

СНОВА ОСЕНЬ

Запах прелых листьев и тумана,
Свежий вкус осеннего дождя.
Снова осень. В парке утром рано
Жёлтую листву роняют тополя.

Голы ветви у берёзоньки стыдливой,
Гроздь рябины алая горчит,
Терпкость хризантемы горделивой,
Солнышка уставшие лучи.

Грусть свою развею в старом парке,
Отыскав одну из ста дорог,
Всё приму – обиды и подарки.
Испеку с антоновкой пирог.

Скоро зима! Скоро будут снега и метели!
Ну, а пока ещё листья не все облетели.
Ну, а пока время есть любоваться тобою –
Яркою, мокрою, сонной, холодной – люблю!

Ну, а пока в парке нашем – из листьев салюты,
Между берёз и осин – золотые маршруты,
Ключья тумана с рассвета на ветках повисли.
Скоро зима. А пока я гадаю о жизни:

Будет ли дождь или солнечный лучик пробьётся –
День разукрасит, к замёрзшей щеке прикоснётся?
Звонко пищит, приближая морозы, синица.
Сколько ещё разных осеней в жизни случится?

МНЕ ХОРОШО

Мне хорошо с тобой молчать,
Клин провожая журавлиный,
Любуясь гроздьями рябины,
О днях безоблачных мечтать.

Ловя луч солнца золотой,
Шептать ему, как он нам нужен,
Просить согреть весь мир недужен,
Наполнив светом и мечтой.

Мне хорошо с тобой молчать,
Прекрасная царица года,
Пенять на влажные погоды,
И Пушкина взахлёб читать.

Людмила Елистратова,

г. Сургут

СТРАННАЯ ОСЕНЬ

На солнце – лужи, лёд – в тени:
Всё разновекторно и странно.
Подруга-Осень, осеню
Меня строкою несказанной.
Грядущим грозным холодам
Сопrotивляется природа.
И льётся свет на радость нам
С блистательного небосвода.

СЕНТЯБРЬ

Моя желанная пора –
Печаль, прохлада сентября...
Под пальцами берёз кора
Шуршит, как лист календаря.

Спадают листья, словно дни,
Увядающей красоты полны.
Не рви цветов, травы не мни:
Часы их жизни сочтены.

Спасти от времени – слаба
Попытка. Знаю, шансов нет...
Мне годом-бусинкой судьба
Пополнит ожерелье лет.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Ворох листьев под сапожками
Отхватил фонарь у тьмы...
Забываем понемножку мы
Прелесть летней кутерьмы.

Как щенки, снежинки робкие
Норовят лизнуть лицо,
Обернуться шубкой норковой
Размечталось пальцецо.

Я шагаю с наслаждением,
Торопиться – не резон:
Проживаю с вдохновением
Жизни бархатный сезон.

Стынет осень... Предзимье...

Прочёрчены тропки дождями.
Порезвилось и выпцвело
бабье недолгое лето.
Мы бредём по аллеям
незванными к пиру гостями.
В ду́ши – словно в бокалы –
печаль разливается ветром.
Всё осу́шим до дна.
Но недолго пребудем в миноре,
Понимая: бессмысленно
быть с непогодой в разладе.
Нежно память напомним
о радостях прошлых историй,
О любимых моментах,
хранимых в заветной тетради.
Мы придумаем новые строки
сюжетов роскошных,
Нашим солнечным грёзам
любой из порывов подвластен.
Мы уверены, чтобы
в грядущем согреться нам прошлым,
Настоящую жизнь
надо чаще раскрашивать счастьем.

Маргарита Сладкова,

г. Сургут

ЛЕТО-ЗИМА-ЛЕТО

Панама летняя припудрена снегом
сентябрьским обычным.
Берёзы на белом – не в зелени – даже как-то
привычнее.
Пуховая пена покрыла бегоний бордо словами
с пробелами.
Восторг с сожаленьем замешан на колотых
льдах мемами.

В ОСТАТКЕ

Назавтра прописью зима и сумасшедшая
душевность, ожесточённая присохшей истиной
на дне в остатке. И вдоль незамерзающего русла
отяжелевших волн застывший вдох.
И выдох.

ПРОСТО

Вдыхаю туман и туман заполняет мою форму.
Вдыхаю ночь и ночь заполняет мою форму.
Вдыхаю вчерашний день и вчерашний день
заполняет мою форму.
Вдыхаю неудачи, ошибки, поражения...
Задыхаюсь.
Отрешаюсь. Смотрю. Вижу. Чувствую.
Выбираю. Начинаю. Просто. Дышать.

ПОХОЖЕ НА ОСЕНЬ

Похоже на стебли, цветы и дыхание,
На лист по воде на молочном разливе,
На сонные пятна в неона надрыве,
На тихую заводь и плеск и порханье.
Над городом бронзовым мысли летают:
Прошло или будет – не очень-то важно –
В земные дороги звёздообразно
Вплетаю себя, не всегда совпадая...

Похоже на память. Похоже на сердце.

Татьяна Юргенсон,

г. Мегион

На глазах обнажались берёзы
Под напором внимания ветра,
И дождливые горькие слёзы
Всё бегут в память прошлого лета.
Казино рекламирует Осень,
На кону – золотые листья.
Нет, ни зымы, ни лёта, ни вёсны
Не похвалятся взглядом лисьим –
Тем, в котором ни капли правды...
Ожидания счастья обманны.
Каплет кровь с рябиновой гарды.
Вера в выигрыш – глупо-туманна...

Утро серою мокрою пылью подбито.
Зонт не спасает от всепроникающей влаги.
Планы на радость растаяли и позабыты.
Стёрлись остатки душевной отваги.
Улочкой сонной неспешно курсирует осень.
Ей настроение сплина привычно и лепо –

Туристские истории

ЖИВАЯ ВОДА

Так получилось, что в путешествиях этого лета на первое место вышла тема не просто чистой, а чистейшей воды, которой пока ещё богата наша сибирская земля. Именно на этом пространстве от Урала до побережья Охотского и Японского морей мы в дороге практически не покупаем бутылированную питьевую воду, абсолютно доверяясь пересекаемым ручьям и речушкам. Вода в них чистая, вкусная – живая. По крайней мере, с другой пока не сталкивались. Даже настоящая на мхах и торфе в болотных бочагах наших северных болот она манит освежиться...

Байкал, Онега, Ладога... Все эти потрясающие озёра (моря!) уже вошли в копилку наших впечатлений из прошлых поездок. Отсутствие в этом списке Телецкого озера и определило маршрут путешествия прошедшим летом.

Само Телецкое озеро заслуживает отдельного рассказа, прелюбопытных впечатлений подарило массу. Но сейчас речь именно о воде. Сотни ручейков и речушек, стекающих с Алтайских гор постоянно пополняют озеро, которое даёт старт замечательной реке Бии. Мы же наполнили свою первую пятилитровую бутылку водой из маленького горного источника, который ручейком впадал в мелкую, но очень бурную речушку со своим красивейшим водопадом, стремящуюся к озеру...

Продолжил нашу неожиданную коллекцию чистой воды Святой источник в Кемеровской области. Мы о нём не знали, дорогу к нему подсказал обычный дорожный указатель, попавшийся на пути прямо вовремя, мы как раз искали место для остановки на ночь...

Третью бутылку наполнили вкуснейшей водой из потрясающе-красивой реки Хакасии – Казыр. К нему приехали специально за водой, преодолев от Телецкого озера больше двух тысяч километров. Как говорят, исследовавшие состав воды этой реки люди, в ней растворены ионы серебра...

Ну а последним экземпляром нашей коллекции стала вода из Святого источника в деревне Новоалександровка, что спряталась среди гор Восточных Саян в нескольких километрах от моей родной деревушки Степной Баджей. И она, на мой вкус, оказалась самой вкусной и... живой...

Татьяна Юргенсон,

На фото: источник в Новоалександровке

Где ты там яркое, странное лето?
В нашей борьбе я победила!.. И год тебя сбросил
С привычных счетов. И костяшками
прогромыхали

Летние месяцы, став достоянием праха...
Осень, капризы твои душа принимает без страха,
Но в тайне мечтает найти безосенние дали.

Запоздалый осенний просвет –
Как стихающий шёпот: «Прости»,
Обработанный шкуркою лет,
Редкой медью в лучах блестит.

А земля уж седым-седа,
Иней, снег ли? Ещё не понять.
В стылых лужах обломки зеркал,
С отражением, что не объять

Долгим взором. И вечная синь,
Что не видимой даже – видна,
Чертит вязь журавлиный клин.
То бессмертия письма...

Излёт синих птиц
Усталость с летальным
Исходом
Ходом старинных часов
Немногословно упёртых
Дыханием спёртым
Октябрь
Не Я бы
Рычала на ход дней
Но родился гортанный крик
И ломающей киркой
Выдалбливает из первого льда
Яд сожаления
О невозвратном тепле
Снег
Опережая графики
В чёрно-белое граффити
Выписал город
И первозданной изгородью
Отсёк
Всё
И лёг печатью
На плечи этого
Странного месяца

Людмила Михайловна Порошина,
руководитель проекта
«Цветочные Волонтеры в Изваре15».
г. Санкт-Петербург

Извара – место Силы, Тишины и Гармонии...

19 июня 1984 года в деревне Извара открылся Музей-усадьба Н. К. Рериха. Здесь прошли детские и юношеские годы Николая Рериха, известного художника, археолога, учёного, писателя, поэта, общественного деятеля, путешественника. Всю дальнейшую жизнь он вспоминал о родном гнезде с детской нежностью: «Всё особенное, всё милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре». Находится деревня Извара в 100 км от Санкт-Петербурга – это пространство, которое соединило в себе уникальный ландшафт, удивительную природу и следы древних культур.

Н. К. Рерих считал, что название усадьбы имеет индийские корни – «от индусского слова «Исвара». В переводе означает «Господь Всевышний». В письмах Е. И. Рерих упоминается о семейном предании, которое связывало Извару с тем самым графом Воронцовым, который путешествовал с Сен-Жерменом, был в Индии и оттуда привёз название для своего имения. В этом музее-усадьбе находятся свидетельства раннего увлечения Николая Рериха разными науками: зоологией, ботаникой, литературой, историей, археологией. Любовь Николая Рериха к истории началась именно здесь. В восемь лет он уже принял участие в археологической экспедиции Льва Ивановского. В своих дневниках Николай Рерих описывает то невероятное чувство, которое он испытал, взяв в руки древние артефакты. С той поры археология становится главным его увлечением. Уже в 23 года он занимается настоящими раскопками, читает лекции в университете и организует экспедиции. В статье «Полвека» он напишет: «Спасибо вам, извар-

ские курганы... Ничто и никаким способом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикосновение, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности...». В этом доме он впервые увидел на картине изображение священной гималайской вершины Канченджанги... Это был Знак судьбы!

Уже, будучи зрелым учёным, прожив много лет в Индии, Николай Рерих так обозначит связь между имением родителей и второй родиной в письме к И. Э. Грабарю: «Не слышал ли ты об одном любопытном обстоятельстве? Верстах в десяти от нашего бывшего поместья «Извара» ... было имение «Яблоницы» – в нём при Екатерине жил индусский раджа. Говоривший мне сказал, что сам видел остатки могульского парка. Покойный Тагор очень заинтересовался этим и даже просил, нет ли каких-нибудь местных воспоминаний... Иногда ищем далеко, а оно совсем близко. Если приглядеться, немало русских побывало в Индии и индусов на Руси... Ну да все найдётся!».

Отец Н. К. Рериха, известный нотариус Санкт-Петербургского окружного суда – Кон-

стантин Фёдорович Рерих был грамотным юристом и надёжным человеком, всегда готовым прийти на помощь нуждающимся. Он приобрёл это имение в 1872 году. Имение было большое. Господский дом, множество хозяйственных построек, среди которых амбар екатерининских времён, огромный парк. Въезжали в усадьбу через ворота с белыми столбами по аллее, ведущей к господскому дому. После третьего класса гимназии Николай Рерих стал бывать в Изваре чаще, так как он часто болел, и домашний доктор дал

совет: «Нужно и зимой ездить в деревню, пусть приучается к охоте. В снегах и простуду как рукой снимет». Для юноши это была большая радость. В Изваре Николай Рерих изучает весь окружающий мир: он часто ходит в лес на охоту, рыбалку, собирает гербарий и коллекцию мине-

ралов, занимается изучением птиц, животных. В 15 лет он печатается в журналах, где рассказывает об изварской природе и охоте. Здесь же развивает он и свой художественный талант. В Изваре написаны картины: «Плач Ярославны», «Святополк Окаянный», «Пскович», «Пушкари», «Вече», «Славянская сюита», «Вечер богатырства киевского», дипломная работа «Гонец. Восстал род на род», «Сходятся старцы».

Любовь и уважение к своему отцу Николай Константинович Рерих пронёс через всю жизнь, называя его первым учителем жизни. Константин Фёдорович был известным окружным нотариусом, в Санкт-Петербурге у него была своя юридическая контора.

В «Листах дневника» Н. Рерих посвятил отцу один из очерков, под названием «Отец», в котором делится воспоминаниями о своём родителе:

«Говорят: "Если хотите найти сведения о художнике, менее всего спрашивайте его родственников".

Действительно, о своих людях менее всего знают. Что мы знали об отце? Мало что знали. Мельком слышали, что он работал по освобо-

ждению крестьян. Был членом Вольного экономического общества.

Знали, что друзьями его были Кавелин, Костомаров, Микешин, Мордовцев, Менделеев, Андреевский... Знали, что кроме юридической работы, он писал драматические вещи. Но где они? Помню манускрипт одной драмы: он был писан мягким карандашом и стёрся до неудобочитаемости.

Был членом сельскохозяйственного клуба. Устроил в Изваре дорогую сельскохозяйственную школу, но не захотел дать неизбежную взятку, и школу прикрыли за левизну. Хотел устроить орошение крестьянских лугов шлюзами. Их растащили. Машины и локомобиль спалили. Ни за что!

Помню волокиту с управляющими. Каких только не было. Один поляк, празднуя свои именины, сжёг скирды хлеба. Другой – немец с отличными белыми бакенами – увёз машины и угнал скот. Стал переезжать из уезда в уезд и ещё потребовал выкуп. Третий заколол перед пасхою всех телят и объяснил, что они мёрли от неизвестной болезни... Чего только не было... Со времён Павла шёл с казною процесс о строевом лесе, неправильно отмежёванном...

Урывками слышали мы о делах, но внутренний облик отца оставался несказанным. Знали, что люди весьма ценили его юридические советы, доверяли ему. Помогал он в деле Добровольного Флота.

Не любил лечиться отец. Уже давно врачи требовали отдых. Но он не знал жизни без работы. Просили его не курить или уменьшить курение, ибо грозило отравление никотином, но он отвечал: "Курить – умереть, и не курить – умереть". ...Много было недосказанного. Наверно, были какие-то разочарования. Друзья поумирали раньше, а новые не подошли. Были какие-то рухнувшие построения. Лучшие мечты не исполнились. Мало кто, а может быть, и никто не знал, чем болело сердце».

И ещё есть Стихи, написанные Николаем Рерихом на немецком языке в честь Дня рождения отца К. Ф. Рериха 1 июля 1889 г.

Zum heutigen frohen Feste
Wünsch' ich, o Vater, Dir
Das Schönste und das Beste
Und deine Liebe mir.
Nimm meinen Wunsch und meinen Sinn

Und treue Liebe freundlich hin.
Dich möge Gott beglücken,
Der seine Kinder liebt,
Mit schönen Blumen schmücken
Den Pfad, den er Dir giebt,
Und Kraft zum Güten mir verleihen,
Dich, Vater, immer zu erfreuen.

Nikolaus Röhrh.

К сегодняшнему радостному Празднику
Желаю, Тебе, Отец,
Всё самое прекрасное и лучшее и
Твою любовь ко мне.
Прими мои пожелания и мои выражения
преданной любви к Тебе.
Пусть Бог принесёт Тебе счастье,
Ведь Он любит всех своих детей;
Прекрасными цветами пусть украсит
Твой путь, предначертанный;
И силы даст мне всегда радовать Тебя.

Николай Рерих.

(Перевёл с немецкого яз. Турчинский Ф. Ф.).

Два года назад Музей-усадьбу Н. К. Рериха в Изваре возглавил Кирилл Владимирович Жаданов, молодой, энергичный руководитель. И Пространство вокруг усадьбы, парк и старинный дом, всё преобразилось. Отреставрировано главное здание Музея-усадьбы, благоухают цветочные клумбы, в них очень много роз и расцветает яблоневый сад. Музеем проводится реставрация подлинных картин, организуются новые выставочные проекты, а для детей и семей – познавательные и интерактивные программы, замечательные мастер-классы. В прошлом году в новом сквере открыт памятник Н. К. Рериху. Будет здесь в дальнейшем и реставрация старинных хозяйственных построек, птичника, конюшни, Форелевой башни, уже началась и других памятников истории, сохранившихся на этой территории.

В деревне Изваре удивительное небо, каждый день здесь можно увидеть необычные закаты и рассветы, как на известных полотнах Н.К. Рериха, они постоянно меняются, наполняются светом и превращаются в небесные шедевры.

Шесть лет назад рядом с государственным Музеем-усадьбой Н. К. Рериха начал восстанавливаться и развивать свою работу новый

Культурно-выставочный центр Извара15. Его директор – Ирина Альбертовна Арутюнова – опытный, пытливый, очень активный и креативный руководитель. Вся работа строится под руководством Международного Центра Рерихов города Москвы. И очень часто сотрудники МЦР проводят здесь экскурсии и культурно-просветительные мероприятия. Постоянно работает выставка «Пакт Рериха. История и современность». Скульптуры Алексея Леонова украшают пространство этого центра. Большая работа проводится с детьми, молодежью, студентами, со школами и другими учебными учреждениями Ленинградской области, туристическими агентствами и волонтерами. Жизнь в центре кипит, наполнена репродукциями работ художников-космистов. Центр успешно развивается, преобразуется территория вокруг центра. Туристам очень нравится уютное Арткафе, здесь вкусно готовят и проводятся интересные встречи и мастер-классы. Работает книжно-сувенирная лавка с широким ассортиментом. В центре открыто пять выставочных залов. Второй год проводится уникальный молодёжный слёт волонтеров Ленинградской области в рамках Губернаторского гранта. Участники слёта заряжаются идеями семьи Рерихов и получают необходимые материалы и методические разработки, а затем в течение года проводят культурные мероприятия на местах.

«Забота об Общем Благае, забота о ближнем есть высшее задание!»

Родные, поймите идущее Переустройство Мира. Новое всегда трудно, но лишь оно ведёт вперёд и открывает новые горизонты и возможности» из письма Е. И. Рерих (12.08.1954 года). С июня 2019 года в центре началась реализация проекта «Цветочные волонтеры в Изваре15». Его активными участниками стали жители разных городов – Санкт-Петербурга, Ленинградской области, ж/д станции Молосковичи, Ивангорода и других. Быть волонтером, это значит помогать

Миру и своей Родине строить Культуру. И даже маленькое доброе дело делает наш мир светлее, а вклад целой команды – бесценен.

Волонтерство объединяет людей с общими духовными ценностями и помогает Чувствовать радость от общения. Такие эмоции заряжают надолго! Каждой весной мы сажаем семена и выращиваем цветы. В начале лета привозим, высаживаем их на открытом балконе и цветочных клумбах центра. Наши волонтеры – это настоящие энтузиасты и цветоводы, которые принимали участие в разные годы: Ольга Мельниченко, Римма Рафикова и Нурия Тихомирова из Ханты-Мансийского Землячества, все они из города Нижневартовска, сейчас живут в Санкт-Петербурге. Первую клумбу мы создали из 50 букетов роз в форме Знака Культуры. Цветы были приобретены за счёт средств Культурно-выставочного центра Извара 15. Затем к нашей команде примкнули Тамара Петрюк, Марина Подсосова, Надежда Слободнюк, Лидия Попова, Алла Виноградова, Лариса Гильманова, Людмила Щербуха. А в этом году добавились ещё волонтеры – Наталья Смыкалова, Екатерина Сидорова, Любовь Чепурнова, Светлана Иванченко и Лариса Пискарёва.

Мы не только занимаемся цветоводством, но и часто приезжаем в Культурно-выставочный Центр Извара15 и государственный Музей-

усадьбу Н. К. Рериха на экскурсии, открытие новых выставок, фестивали и различные праздники. В 2021 годы побывали на открытии Улицы Рериха. В прошлом юбилейном для семьи Рерихов в 2024 году были на открытии памятника Н. К. Рериха в новом сквере. А в этом году – на поднятии Знамени Мира в честь 90-летия Пакта Рериха. В середине сентября мы вновь побывали

с цветочными волонтерами в деревне Извара. Наша команда в составе 6 человек дружно потрудились на клумбах Культурно-выставочного центра Извара 15. Осенью здесь много работы, мы занимались прополкой и пересадкой цветов, оформлением клумб. Затем был вкусный бесплатный обед в Арткафе и познавательная программа-экскурсия по всем пяти залам центра. С большим интересом мы слушали экскурсию,

которую провёл Сергей Владимирович Скородумов, научный сотрудник Международного Центра Рерихов. Он возглавляет МИА центр, является советником РАЕН по истории и созданию Пакта Рериха, о значении Знамени Мира, о пророческих репродукциях – картинах Н. К. Рериха, об удивительных путешествиях семьи Рерихов и создании Института гималайских исследований «Урусвати» в долине Кулу в Нагаре в Индии и о Космизме в науке, философии и искусстве. Мы остались в восторге от одухотворённых скульптур Алексея Леонова – это настоящие шедевры из глины-шамот, навеянные художественным творчеством Н. К. Рериха. С большим интересом побывали на вернисаже известного Литовского художника М. К. Чюрлениса и познакомились с его репродукциями и детским творчеством по его картинам. В этом году ему исполняется 150 лет со дня рождения. А вот из Галереи космизма Олега Высоцкого просто не хотелось нам уходить, хотелось постоять около его картин, подумать о Космосе и Вечном. В зале крымского Заслуженного художника РФ Виталия Кудрявцева полюбовались его светоносными картинами, написанными в разной технике. Сергей Владимирович рассказал много интересных фактов из жизни художников, прочитал вдохновенные

стихи поэтов о космосе. В конце Экскурсии все получили на память записочку-напутствие от Н. К. Рериха с его крылатыми и мудрыми фразами. А ещё мы посмотрели фильм «Алтай – Гималаи» режиссёра Татьяны Борщ. День получился особенный, это был не только радостный совместный труд, но и прикосновение к Культуре, духовным Знаниям, космическому мышлению и Красоте. Понесём же это бережно дальше...

Цветочные волонтеры украшают Мир, они помогают сохранить уникальную природу, сделать её чище и красивее для будущих поколений. Такие волонтерские поездки в Извару¹⁵ дают каждому из нас возможность почувствовать связь с природой, понять её ценность и важность заботы о ней. Это не только нужно для центра, это очень важно для нас самих – ведь находиться на природе, наблюдать за её красотой помогает обрести внутреннюю гармонию, снять стресс и зарядиться позитивом.

Такие волонтерские мероприятия сплавляют нас – мы объединяемся в благородном стремлении сделать доброе дело. Вместе мы смогли сделать гораздо больше, чем по одиночке. Это был отличный шанс не только помочь центру и природе, но и лучше узнать друг друга, провести время в дружеской атмосфере, побывать на познавательной программе, наполниться новыми знаниями и впечатлениями. И как итог работы нашей волонтерской группы в Изваре – 27 сентября четыре человека в этом году поехали в Индию, в Нагар на целый месяц в составе волонтерской группы из города Москвы. И будут они в Международном Мемориальном Тресте Рерихов представлять Россию и Международный Центр Рерихов. Хочу выразить искреннюю признательность и благодарность всем участникам проекта за активность, энтузиазм и желание делать наш Мир лучше! «Осознание Красоты спасёт Мир!» – утверждал Н. К. Рерих. Вместе мы создаём красивое и светлое Будущее. Присоединяйтесь к нам, Друзья – творите Красоту и Добро! Мы приглашаем и призываем:

Станьте частью нашей Волонтерской команды! Приезжайте к нам в Извару!

Туристские истории

**Юлия
Сержант,**
инструктор турбазы
«Дом ветра»,
г. Мегион

Увлекательно и активно провести лето можно, не выезжая из Нижневартовского района! Люди, любящие активно проводить время, наслаждаться природой в её естественности, преодолевать километры с рюкзаком или бороздя вёслами речную гладь объединяются, списываются, созваниваются и... каждый раз получается что-то незабываемое!

Летом 2025 мне удалось поучаствовать в трёх мини-сплавах по местным речкам. Группы были разношерстные, разновозрастные, с разной туристической подготовкой и все без исключения позитивные и жизнерадостные!

Первый сплав с одной полевой ночёвкой был в середине июня. Полноводный и невероятно живописный Ватинский Ёган, берега в цветущей черёмухи и рябины, ни капли дождя, штиль, солнце, температура воздуха от +20 до +30. Шесть женщин на катамаране и один опытный турист со стажем на байдарке преодолели за два дня 26 км. Выход на реку был в посёлке Высокий, завершение маршрута на турбазе «Дом ветра», куда по реке можно дойти только в момент

Выходные в походе – это восторг!

её разлива. Правда, без помощи друзей-высоковцев на моторке с бензопилами, которые прорубили нам путь на особо заваленном топляком участке, пришлось бы тащить плавсредства по суше. На воде пели песни, читали стихи, на суше брали уроки бачаты у туриста со стажем, допоздна делились историями у костра.

В середине июля однодневный сплав по реке Большой Ёган также объединил мегионцев и нижневартовцев образцовым летним деньком с приятным тёплым дождиком. Маршрут был туда и обратно, всего 20 км. Выход на реку рядом с городом за старым Вартовском. Снова великолепная семёрка, но только уже 2 байдарки и 1 четырёхместный катамаран с моторчиком для преодоления особенно сложных участков. Вначале река очень широкая, дальше попали на извилистые и узкие её участки, где уютно гнездились стаи уток со своими малышами. Пофотографировались в красивой берёзовой рощице с ярко зелёными моховыми подушками. На обед остановились в другом уютном уголке берега, сварили уху, соль забыли абсолютно все участники, добавили шпроты и другие рыбные консервы для вкуса. Очень душевный, дружеский и умиротворяющий получился сплав выходного дня.

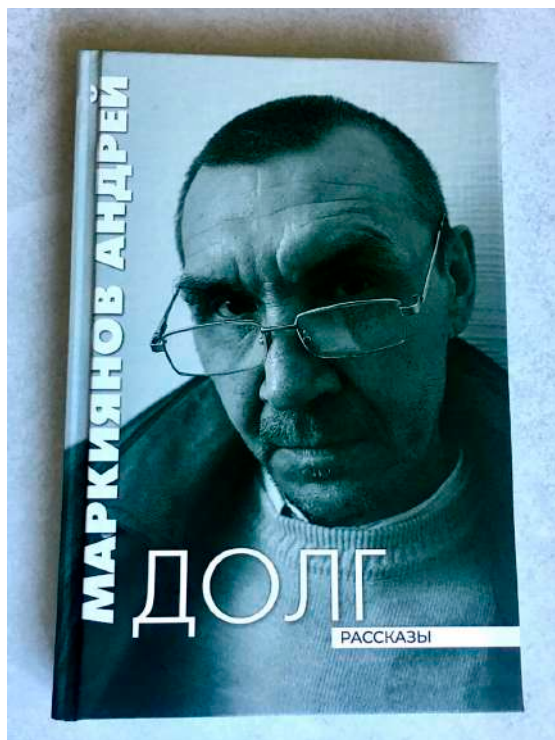
Третий однодневный сплав состоялся в начале августа по реке Мега от ГПЗ до мегионского пляжа. Былолюдно и очень весело! Набралось аж 14 человек вместе с детьми (до 12 лет). Были и совсем новички и опытные туристы-водники. Два катамарана, байдарка и два сапборда. Река широкая, погода отличная. На обед остановились в живописном месте, где цвели таёжные цветы и был удобный залив для рыбалки. Мальчики наловили щук, по традиции сварили уху, на этот раз соль взяли все, забыли только лук. Ну да и ладно, на природе не вкусно не бывает!

Крупным планом

Сергей Козлов,
г. Тюмень

Долг Андрея Маркиянова

В чистом поле стреножены кони,
Погружается в сумерки лес.
Ночь близка. Наливается светом
Над родной стороною луна.
Рай влюблённым, баллады поэтам
Обещает безмолвно она.
А за ней проступают несмело
Капли звёзд, как огни миража,
И, ликуя, струится сквозь тело,
Неспособная мыслить душа.

Именно так, по капле в каждую строфу струится душа поэта...

Я сознательно не закавычил название новой книги поэта и писателя Андрея Маркиянова.

– Это мой долг – моим родителям, и, прежде всего, маме... Отцу уже не успел, – сказал мне Андрей, когда книга только готовилась к печати.

В книге – на первых страницах – портрет матери поэта. И мне, издавшему недавно книгу «Молитва матери», это очень близко и понятно. Впрочем – как и всякому человеку, который с годами понимает свой неоплатный долг перед родителями.

Маркиянов пишет мало, но, может, именно благодаря этому каждое его стихотворение становится событием и попадает точно в десятку, в сердце читателя. Об этом знают поклонники его творчества, об этом знают в социальных сетях и на его Дзен-канале, об этом знают его коллеги и литературные критики.

На церквушку под свод колокольной
Собираются птицы с небес.

Новая книга давалась во всех смыслах нелегко. Но состоялась благодаря поддержке тюменского отделения Общества русской культуры и двух депутатов Тюменской областной Думы – Владимира Сысоева и Ивана Вершинина. И в этой книге помимо пронзительных стихов читатели обретут прозу поэта – его рассказы, среди которых одноимённый книге «Долг». И узнаваемые пейзажи и узнаваемые времена. Как это:

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Убрали печку из избы:
Пустили газ по трубам синий.
Украли символ у судьбы
Всех деревень по всей России.
Когда на улице мороз,
Но не трещат в печи поленья,
Поэт напрасно чешет нос,
Он не дожждётся вдохновенья.
Когда над русской избой
Белёсый дым не проплывает,

У живописца тоже сбой,
Ему чего-то не хватает.
Колодец тоже не в чести:
Водопровод пришёл к народу.
С похмелья, Господи прости,
Уже не пить Живую воду.
Без той воды и без дымка
Деревня не вполне одета,
Как старушонка без платка,
И как художник без берета.

Рассказы Андрея Маркиянова честны. Они такие же классические, как и стихотворения. И тоже являются словесным сгустком любви и боли. Поэтов часто ругают, когда они берутся за прозу, впрочем, и прозаиков, когда они пишут стихи. Универсалов история литературы знает немного. Даже большие писатели и поэты на этом, как говорится, прокалывались. Но о прозе Маркиянова пусть судят критики и читатели. От себя лишь скажу, что за каждым из них, помимо хорошего художественного языка, пронзительная история. Прочитую сам себя: «Глупое, неблагодарное и неблагоприятное дело пересказывать сюжеты и фабулы, чем порой страдают неумелые литературные критики, дёргать из текста цитаты и удачные метафоры, потому, избегая этого, скажу просто: рассказы Андрея Маркиянова – это современ-

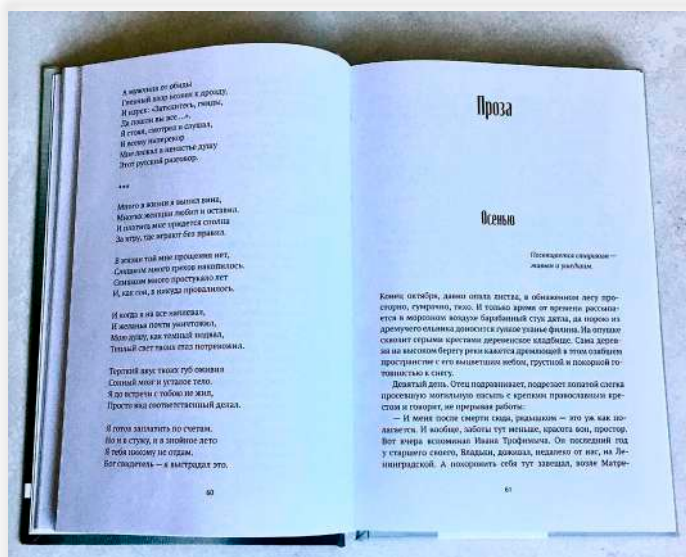
ная классическая русская проза. Не попытка, не подделка, ни жалкий эпатаж, присущий авторам, желающим высунуться на публику абы как, не однодневка, не проповедь и не отповедь, а, скорее, иногда притихшая, иногда ноющая боль и память, а иногда просто обескураживающая правда нашей собственной жизни, помноженная на характеры и судьбы героев, мимо которой мы стараемся пройти, проскочить, чтобы уберечь своё сердце от излишних тревог и сострадания. Так мы сквозим по жизни до тех пор, пока сами (или наши близкие) не попадаем в подобную историю...».

Напомню, что пишет Андрей Александрович мало, и многие читатели надеются, что выход этой книги станет толчком для написания новых стихотворений и рассказов. Ибо «душа обязана

трудится», а не только струиться... Хотя его кредо такое:

Я написал ничтожно
мало
Не потому, что не умел:
Я не хотел, о чём
попало,
И как попало –
не хотел.

Я благодарю своего друга, что он попросил меня написать небольшое предисловие к этой книге, за то, что я был её первым читателем. Стихи и истории о нашей, о русской жизни ждут читателей. Книгу можно приобрести в магазине «Знание» или даже заказать там же по почте.

СУДЬБА

Дед уехал на фронт на рассвете,
Эшелон уходил на Донбасс.
Это было давно – сорок третий.
Внук ушёл в двадцать третьем, сейчас.
На изрытом, непаханом поле
Дед обрёл вековечный надел.
Он лежал и не чувствовал боли,
Он убитый на небо глядел.
Через месяц, сражённый осколком,
Внук упал головою вперёд.

Андрей Маркиянов

И у школы в районном посёлке
С ним пришёл попрощаться народ.
И на фронте простились, как надо –
Обложили, рванулись во мрак,
И месили ползучего гада
Потому, что иначе никак.
Мне знакомы судьбы переключки.
И сюжеты из разных времён...
Русский мир не меняет привычки,
Он со злом воевать обречён.

Елена Архипова-Поддубная,
Московская обл.

ПРОЗА

Последний тёплый день

Последний тёплый день сентября. Завтра обещают ливень. Синоптики, конечно, ошибаются, но чаще с хорошей погодой, чем с плохой.

Весь день за делами провела на террасе, а дом – с открытыми дверями. С утра как-то по-весеннему пели птицы. Потом чирикали прямо под крышей, растаскивая утеплитель. Крольчиха, всё лето гулявшая на воле, предчувствуя возвращение в клетку, не выходит со своей клеверной полянки. Мурка катается в куче песка, чешет спину и греет на солнышке живот. А грозный пёс, заслышав на рассвете выстрелы охотников, не кажет носа из будки.

Чудеса сегодня начались с самого утра. Спросонья по дороге на кухню зацепила взглядом за окном восходящее солнце. Подумала:

– А что здесь утром делает солнце? Оно же должно быть за домом в окне спальни. Даже не по себе как-то стало. Светило сбилось с пути... Всё... Конец света... Это же не луна, которая гуляет ночью, где ей вздумается. Но потом поняла, что это панорамное окно нового дома напротив отразило солнце целиком. Как будто на дом повесили картину или натянули баннер с рассветом. Мда... соседние дома не только скрывают от нас закаты, но и дарят восходы.

Днём ветер срывал с берёз пожелтевшие сухие листья, и они катились с крыши, издавая звуки начинающегося дождя. Когда первые редкие капли звучат невпопад, потом их догоняют другие, выпавшие с опозданием и плюхаются на крышу ещё с большей силой. Колотят они сначала вразнобой, за доли секунд сливаются в общий ритм и начинают стучать ровно. Но это был сухой стук, похожий на шуршание фольги.

Пока я разгадывала природу таинственных звуков, листва, стекающая с металлического ската в траву, на мгновение зависла в воздухе перед глазами, как лёгкий шёлковый занавес.

Сход листьев с крыши – удивительное явление осенней природы...

А там в траве ещё гнездятся розетки малюсеньких цветочков, похожих на незабудки, пушистые шапочки белого и розового клевера. Газонная трава лоснится на солнце, но при каждом порыве ветра кланяется земле, словно благодарит за то, что уйдёт под снег зелёной...

Как бы ты не берёг каждое мгновение этого дня, он всё равно подходит к концу.

Вечером устроилась под пледом на качелях во дворе. Как хорошо, что навес над качелями за всё лето так никто и не зачехлил. Лень, между прочим, дама изобретательная. С чехлом крыша на качелях становится парусом и улетает, а без неё можно лежать смотреть на звёзды.

Первые полминуты видишь только самые крупные переливающиеся огни. Постепенно углубляясь в темноту, начинаешь различать менее яркие, а потом открывается и звёздное крошево, которым заполнено дно, – третий план неба. Сразу привлекает внимание звезда, похожая на фонарь. Такая лампочка с колпачком когда-то горела на столбе под нашим окном в Исетске. В этом кулке света копошились мотыльки, стрекозы, жуки и другие насекомые. А мы, стоя у окна, разглядывали звёзды. Справа наискосок три звёздочки, как стразы на заколке. А может это и есть тот самый фонарь... Просто за тысячи километров от детства он выглядит, как звезда.

А вот восьмиконечная красавица с острыми длинными лучами, как в детских книжках. Кто-то задолго до нас смотрел в небо и заприметил её, посчитал лучики и нарисовал. Всё, всё уже случилось до нас...

А ещё есть звёзды – точки с застывшим светом неморгающих глаз. Они светят ровно, пристально, холодно, не вступая ни с кем в перемигивания, к ним не хочется лететь. А вот ещё звёзды – медузы, сколько не три глаза, резкость не наведёшь. Их свет струится сквозь матовую полупрозрачную толщу. Кажется, если глядеть на них долго, можно ослепнуть.

Вот удивительно, телефон не способен дотянуться камерой до звёзд, а глаза, которые порой с трудом различают буквы в словах под самый носом, видят космос. И он живой... Там каждое мгновение что-то происходит. Высоко- высоко проплыл по небу огонёк.

Это, наверное, спутник, для самолёта – высококотовато.

А вот ниже перемигиваются яркими огоньками самолёты. Они летят во всех направлениях,

а кажется, что от созвездия к созвездию. Сейчас летит от Персея к Кассиопее.

Когда ночью мы закрываемся в своих домах, небо остаётся открытым и живёт своей жизнью. Оно становится дорогой для ночных путников и для Земли, которая плывёт навстречу солнцу и крутит, как киноленту, карту звёздного неба.

Сегодня на космической афише написано:

«Был последний тёплый вечер,
Звёздный вечер сентября...».

**Г. Кукиричкин,
В. Тюрин,**
г. Сургут

Флора урочища Барсовой Горы

Природа и мы

На фоне относительной бедности флоры севера Западной Сибири отдельные её территории обладают высокой флористической насыщенностью. Ярким примером служит урочище Барсова Гора, где отмечено сопоставимое количество видов сосудистых растений с заповедниками Югры, площадь которых в сотни раз превышает обследованную нами территорию.

Высокая флористическая насыщенность урочища обусловлена большим разнообразием местообитаний, связанным в том числе с геологическими и почвенными особенностями, существенно отличающимися от окружающей территории.

Эти особенности способствуют распространению редких видов растений и формированию большого набора типов растительных сообществ. В их числе отмечены уникальные крупнотравные леса, для которых характерно присутствие декоративных (красивоцветущих) растений. Увеличивает видовую насыщенность также примыкающая пойма, с которой (в основном по оврагам) проникают наиболее подвижные виды. Особый вклад в увеличение количе-

ства видов вносят антропогенные нарушения. Вследствие этого отмечено большое число заносных растений – 108 из 360 видов (30 % видового состава). Их проникновение преимущественно связано с проложенными авто- и железнодорожными магистралями.

Несмотря на интенсивное антропогенное воздействие на Барсову Гору, по-прежнему сохраняются участки, мало подверженные влиянию человека. На них сохраняются естественные сообщества и аборигенная флора. Таким образом, описанная выше специфика природных особенностей урочища в совокупности с высокой концентрацией археологических объектов с раннего неолита создают уникальную возможность для организации экскурсий под открытым небом.

Можно составить большой список растений этой территории, которые могут прежде всего представлять интерес для экскурсантов. Из 87 представителей флоры: 14 видов входят в Красную книгу ХМАО – Югры, 41 вид относится к лекарственным растениям, 32 вида отнесены нами к декоративным растениям, 8 видов имеют лесохозяйственное и 25 – пищевое значение.

Четыре поселенческих комплекса археологического микрорайона Барсовой Горы

Археологический микрорайон Барсова Гора объединяет сотни отдельных памятников поселенческого и культового характера одноимённого урочища. Оно раскинулось близ г. Сургута на участке, вытянутом на 6,5 км вдоль обских проток Утоплой и Микишкиной. В статье представлены лишь четыре «фрагмента» исследуемой территории, где повышенная концентрация памятников позволяет выделить их территориально обособленные группы, возможно, указывающие на временное единство. Составление опорного плана расположения объектов археологии направлено на обоснование границ планируемого здесь историко-культурного заповедника «Барсова Гора». Его создание станет вехой в деле сохранения и популяризации исторически значимых территорий Севера Западной Сибири.

Археологический микрорайон Барсова Гора находится в Сургутском районе ХМАО-Югры Тюменской области и расположен в 7 км от г. Сургута в пределах Западно-Сургутского месторождения нефти. Урочище Барсова Гора тянется на 6,5 км вдоль склона террасы, соприкасаясь с поймой Оби, что соответствует координатам между 73°05' и 73°14' в. д. Северо-западная граница участка приурочена к долине р. Калинки. Северная часть территории ограничена обширным болотом Поганое, которое подходит к р. Барцевке. На западном краю болотного массива берут начало левые притоки Калинки. Юго-восточная оконечность Барсовой горы обрамлена обской поймой с примыкающими к возвышенности протоками Утоплой и Микишкиной. Таким образом, периметр территории фиксируется на местности в виде водных преград и труднопроходимого на севере болота.

Совокупность ландшафтных компонентов урочища общей площадью 16,5 кв. км представлена второй и третьей надпойменными террасами, тогда как первая в окрестностях Сургута отсутствует. Рельеф местности холмистый, к пойме Оби ведёт крутой склон с наклоном до 45°. Наиболее возвышенная часть территории – 64 м над уровнем моря – находится в районе пгт Барсово. Её подножье, со-

прикасаясь с поймой, проходит по горизонтали 32 м. На северной стороне рельеф более сглаженный, с постепенным понижением. В 800 метрах от исследуемого участка протекает Обь – крупнейшая река Западной Сибири.

В результате исследования детально рассмотрены четыре археологических комплекса – селища, городища и поселения Барсова Гора. Отметим, что принципиальной разницы между «селищем» и «поселением» нет.

Общая площадь исследования около 145 тыс. кв. м. Участки, на которых выполнялись работы, расположены на удалении 10 км от Сургута и в 3 км от пгт Барсово, на правобережье Оби, правого берега прот. Микишкиной. Обследование территории проводилось путем поиска визуально выявленных древних руинированных построек, осмотра повреждённого грунта на предмет наличия артефактов и следов культурного слоя, привязки объектов археологического наследия на карте местности, а также определения их положения в системе известных памятников, инструментальной топосъёмки остатков древних сооружений, включая прилегающий рельеф местности.

Основой составления опорного расположения археологических объектов является топографический план местности с фиксацией всех имеющихся в наличии памятников, а также окружающего ландшафта. Задачами начального этапа работ было производство горизонтальной и вертикальной съёмки особенностей местности и микро-рельефа. Для проведения изысканий в пределах исследуемых участков выносились на место две опорные станции плано-высотного обоснования с временным их закреплением на местности. Определение координат станций производилось двумя двухчастотными GPS-приёмниками с функцией двухсистемности (GPS/ГЛОНАСС). Один из приёмников устанавливался на базовой станции с известными координатами, а другой производил собственно измерения опорных точек съёмки археологических объектов. По полученным данным с GPS-приёмников и определялись координаты необходимых станций.

В ходе полевых работ проводилась тахеометрическая съёмка на 15 археологических памятниках, уточнялось их современное состояние путём фиксации изменений, произошедших с момента последнего обследования. Границы между памятниками проведены условно и следуют на удалении около 25 м от визуально читаемого крайнего объекта, относящегося к соседнему поселению. Шурфы в процессе полевых работ не закладывались.

История исследования. Археологический микрорайон Барсова Гора полностью покрывает урочище и задаёт естественные рубежи географически ограниченной территории, содержащей скопление археологических памятников. Их изучение начал в XIX в. профессор М. А. Кастрен, производивший осмотр древностей в 1845 г. Впервые информация о городище «около Сургута верстах в семи вниз по реке Оби» была опубликована в 1890 г. [Словцов, 1890. С. 84]. Обследование крупнейшего археологического комплекса и раскопки на разных его участках проводились политическими ссылными В. Ф. Казаковым (1887 или 1889 г.) и Т. И. Мироновым (1909 г.), томским антропологом М. С. Чугуновым (1890 г.) и шведским ученым Ф. Р. Мартином (1891 г.) [Чемякин, Шатунов, 2002. С. 40–41].

В 1925 г. группа тобольских краеведов под руководством С. А. Куклина и Н. Я. Павлова составила «План остатков древнего городища на «Барсовой Горе», на котором был отмечен участок береговой террасы урочища Барсова Гора протяжённостью 4,5 км с обозначением более 30 остатков древних сооружений. К чертежу прилагалась краткая пояснительная записка, в которой основное внимание было уделено городищам [Павлов, 2004. С. 12]. По мнению А. П. Зыкова, «фактически это была первая съёмка крупнейшего в регионе скопления археологических памятников» [Зыков, 2012. С. 26].

В 1960-х гг. любительские раскопки в неустановленных местах на Барсовой горе проводили сургутский краевед Ф. Я. Показаньев и учитель В. П. Бирюков. В 1963 г. Ф. Я. Показаньев составил ещё один «План Барсова городища», содержащий схему расположения более 60 памятников на береговой террасе урочища [Документы..., 2012. С. 352–380].

Таким образом, исследования на данной территории ведутся уже более 100 лет. Наиболее подробная информация о ранее проведённых изысканиях представлена в «Истории изучения археологических памятников Барсовой горы» [Чемякин, Шатунов, 2002. С. 40–57] и дополнена в монографии А. П. Зыкова [Зыков, 2012]. Последняя работа, помимо иных данных, содержит автобиографиче-

ские сведения о первых исследователях – археологах-любителях и краеведах-энтузиастах, «раскопки» которых составили начальный этап изучения.

Далее следует почти 40-летний перерыв, который лишён каких-либо сведений о посещениях урочища близ Сургута. Научные исследования на Барсовой горе возобновились во второй половине 1960-х гг. Они стали регулярно проводиться учёными Уральской и Урало-Сибирской комплексной археологической экспедиции УрГУ (г. Свердловск). Наряду с хоздоговорными раскопками 1968–2003 гг. велась и картографическая фиксация археологических древностей. В северо-западной части урочища сплошную глазомерную съёмку памятников организует А. П. Зыков, а в юго-восточной – Ю. П. Чемякин. Полевую работу они закончили в 1992 г. «Только с этого момента появилась возможность составить полную сводную карту археологических памятников, в том числе уже уничтоженных, на Барсовой горе, и ввести их окончательную нумерацию» [Зыков, 2012. С. 7, 8]. Карта 1994 г. охватывала основной массив историко-культурного наследия, выявленного на участке протяжённостью ок. 6,5 км между устьем р. Барцевки у п. Белого Яра на юго-востоке и р. Калининой на северо-западе.

Важность результатов глазомерной съёмки была несомненной. Она упорядочила не только предшествующий, но и весь дальнейший ход научно-изыскательских работ. Однако с учётом современных требований к топографо-геодезическим изысканиям, использующих электронные носители геоинформации, на глазомерном плане стали заметны отдельные «неувязки». Неточности были выявлены как в передаче рельефа местности, так и в количественном составе объектов, образующих археологические памятники. Это сказалось и в начертании границ между селищами, определёнными в своё время весьма условно. Если городищам присущ однозначный визуально выраженный контур в виде остатков фортификационной системы – рва и вала, то неукреплённые разновременные поселения – селища, вплотную примыкая друг к другу, образуют на карте местности сплошной массив археологических объектов. Подобная «размытость» границ между памятниками проявилась, в частности, при сравнении материалов глазомерной съёмки 1994 г. с полевыми данными 2009–2010 гг., полученными в ходе тахеометрической съёмки археологических памятников в южной оконечности пгт Барсово [Ведмидь, Бочкарёв, 2012. С. 268–283], а также на других участках урочища. Подобного рода картографические «нестыковки» – одно из свидетельств необычной концентрации древностей,

которая характерна для крупнейшего скопления западносибирских памятников археологического микрорайона Барсова Гора. Его уникальность А. П. Зыков раскрыл в контексте не только Сургутского Приобья, но и Тюменского Севера в целом. На основе обобщающего анализа западносибирской археологии он предложил новую схему периодизации и попытался выявить генетическое сходство археологических комплексов Северо-Западной Сибири разных эпох. Помимо общих проблем древнего наследия региона, исследователь затрагивает и ряд «крупных» средневековых памятников. В качестве таковых он называет городище Барсов Городок II/13, а также селища Барсова Гора IV/18, IV/19, IV/20, IV/21 [Зыков, 2012. С. 106, 110], на которых в 2014–2017 гг. проводились топографо-геодезические изыскания.

Новым этапом развития урочища Барсова Гора, после придания ему в 2012 г. статуса «достопримечательного места» [Приказ от 30.10.2012...], должен стать историко-культурный заповедник. На его базе последует и завершающая стадия проектно-планировочных мероприятий – создание музея-заповедника «Барсова Гора». Разработка сводного опорного плана памятника остаётся актуальной для составления целостной картины, достоверно отражающей полный объём археологического наследия. Исходя из этих намерений и были предприняты в 2014–2017 гг. историко-культурные натурные и камеральные исследования [Ведмидь, 2017, 2017a], включающие наряду с иными четыре группы объектов культурного наследия, которые мы отнесли к поселенческим археологическим комплексам. Они представляют собой участки местности, на которых компактно располагаются археологические памятники, независимо от времени и типа возникновения поселения – укрепленного или неукрепленного. Следовательно, в качестве компонентов комплекса могут быть и селища, и городища, в непосредственной близости расположенные друг от друга, связанные общностью территории.

Описание памятников следует от селища Барсова Гора IV/18, находящегося на удалении 60 м от ЦСП «Сибирский легион», до поселения Барсова Гора II/36, что вблизи городища Барсов Городок II/14.

Поселенческий комплекс № 1 размерами 190 × 240 м состоит из четырёх селищ Барсова Гора IV/18, IV/19, IV/20 и IV/21 [Чемякин, Зыков, 2004. С. 142, 143], каждое из которых обособленно и располагается на удалении 10–40 м друг от друга. Общее количество археологических объектов на данном

участке – 40 единиц. Они занимают обширный мысовидный участок третьей надпойменной террасы у прот. Микишкиной, образованной рукавами Большого Лога в центральной части урочища. Все селища комплекса датированы предположительно поздним Средневековьем, которое устанавливается по особенностям формы, основным параметрам и степени выраженности сооружений в рельефе.

Селище Барсова Гора IV/18 размерами 55 × 70 м занимает южный край участка. Площадка памятника, удалённая от края террасы на 455 м, имеет общий уклон. Его объекты расположены на открытом участке террасы, покрытом травянистой растительностью с примесью ягеля. На поверхности селища зафиксировано пять сооружений, представляющих собой подквадратные площадки с западиной в центре, окружённые слабо выраженной обваловкой. По территории памятника проходят грунтовые дороги, которые повредили северо-восточный край сооружения № 5 и центральную часть объекта № 3.

Селище Барсова Гора IV/19 размерами 75 × 120 м занимает юго-западный край мысовидного участка. Площадка памятника, удалённая от края береговой террасы на 460 м, по большей части ровная, южная и западная периферии которой выходят на склон. Растительность представлена сосновым лесом с примесью мелкой берёзы. На поверхности селища зафиксировано 17 археологических сооружений, представляющих собой впадины и площадки различных размеров, окружённые обваловками и внешними впадинами. Некоторые из них расположены настолько близко друг к другу, что окружающая обваловка сливается, образуя общую насыпь, либо они имеют общие внешние впадины. У многих впадин фиксируются предполагаемые места выходов-коридоров в виде понижения-выступа, разрывающего или выгибающего наружу кольцо обваловки. Сооружения № 1–11 находятся в северной части памятника и формируют неровный ряд длиной 100 м. Сооружения № 12–14 составляют второй плотный ряд в центральной части селища. К наиболее крупной впадине № 13 с юга примыкает впадина № 15 меньших размеров, образуя единый комплекс. Сооружения № 16, 17 формируют отдельную группу в южной части памятника. По территории селища проходят грунтовые дороги, одной из них повреждены часть обваловки и внешние впадины сооружения № 4.

Селище Барсова Гора IV/20 размерами 64 × 105 м расположено в центральной части обширного мысовидного участка в 530 м от края береговой террасы. На селище зафиксировано восемь архе-

ологических объектов, представляющих собой впадины и площадки различных размеров, объединенные в две группы. Восточная включает сооружения № 1–3, западная – № 5–8, сооружение № 4 располагается изолированно в 9–10 м. На некоторых сооружениях фиксируются предполагаемые места выходов. У впадины № 4 это простой разрыв в обваловке, у сооружений № 3 и 6 – широкие прямоугольные выступы-тамбуры, у сооружения № 7 тамбур выражен в виде впадины прямоугольной формы, соединенной с основным помещением ложбиной-коридором.

Селище Барсова Гора IV/21 размерами 65 × 70 м удалено от края террасы прот. Микишкиной на 435 м. На поверхности памятника зафиксировано 10 археологических объектов, представляющих собой впадины различных размеров, окруженные обваловками и внешними впадинами. У некоторых впадин фиксируются предполагаемые места выходов-коридоров в виде понижения-выступа, разрывающего или выгибающего наружу кольцо обваловки. Центральное ядро селища составляет восемь объектов (№ 2–9), образующих компактную группу и расположенных настолько близко друг к другу, что их обваловки сливаются, формируя общую насыпь. Впадины № 1 и 10 размещены изолированно: первая в 7 м к северу от основной группы, вторая – в 15 м к западу. По территории памятника проложены лыжные трассы, которые повредили сооружения № 1, 7, 8. Через впадину № 5 также проходит колея старой грунтовой дороги.

Поселенческий комплекс № 2 представлен селщами Барсова Гора IV/23, IV/24 и IV/25 [Чемакин, Зыков, 2004. С. 144, 145]. Границы между ними на местности не читаются и выделены условно. Совокупность остатков древних сооружений, почти вплотную примыкающих друг к другу, образует локальное «поле» археологических объектов размерами 145 × 220 м. От края второй береговой террасы он удален на 220 м, а в 230 м от него проходит железная дорога, ведущая к заводу стабилизации газового конденсата АО «Сургутгазпром». Северо-западная оконечность данного комплекса ориентирована к открытому слабо залесенному пространству и ограничена верховьем Большого Лога, а южная обращена к оврагам, ниспадающим к склону коренной террасы прот. Микишкиной. Растительность представлена сосновым лесом с примесью мелкой берёзы и осины.

Наибольшая плотность объектов отмечена на оконечностях территории, занимаемой данным комплексом, а жилища рассредоточены, отступая друг от друга на 1–12 м.

Селище Барсова Гора IV/23 расположено в центральной части урочища на обширной и относительно ровной территории третьей надпойменной террасы, занимая юго-западную оконечность археологического комплекса № 2. Вплотную к нему с одной стороны примыкает селище Барсова Гора IV/24, а с другой – селище Барсова Гора IV/25.

Площадка памятника размерами 70 × 125 м на периферии обращена в сторону прот. Микишкиной, от крутого склона которой селище удалено на 180 м. Археологические сооружения рассредоточены на местности без видимой системы. На южной оконечности селища можно выделить группу объектов № 25–28, расположенных последовательно в ряд. Через территорию памятника проходят две грунтовые дороги, пересекающиеся в средней его части и повредившие сооружения № 6–8, 21–29. На разных участках территории селища видны задернованные лесозащитные полосы, следы нерегулярного движения по лесу транспорта, обнаружены кострища и бытовой мусор. На селище Барсова Гора IV/23 зафиксирован 31 археологический объект различных размеров – в подавляющем большинстве это впадины. Датировка селища – предположительно эпоха неолита-энеолита (VI–III тыс. до н. э.), Средневековье.

Селище Барсова Гора IV/24 расположено в центральной части урочища на обширной и относительно ровной площади третьей надпойменной террасы, занимая восточную – юго-восточную оконечность поселенческого комплекса № 2. Площадка памятника размерами 80 × 135 м вытянута и удалена от края береговой террасы на 235 м. Северная, восточная и юго-восточная его периферии обращены в сторону верховья Большого Лога, а южная ориентирована к оврагу, ниспадающему в направлении склона коренной террасы прот. Микишкиной.

Археологические объекты – впадины разных размеров с обваловкой, реже наземные площадки с внешними ямами, рассредоточены на местности без видимой системы. Наиболее плотная их концентрация наблюдается в центральной части селища, где условно можно выделить три параллельных ряда жилищ. Западную линию образуют сооружения № 37, 38, 42, 43, центральную – № 10, 12, 19, 31, 39, 41 и восточную – № 16, 17, 21, 28, 29, 44. Протяженность рядов составляет 30–70 м. К числу наиболее крупных археологических объектов относятся впадина № 7 размерами 13 × 14 м с обваловкой, а также спаренные жилища № 23, 24 общими габаритами 10 × 17 м, находящиеся в центральной части селища. Обособленно, на удалении

20 м от основного скопления остатков древних сооружений, располагается жилищная площадка № 47.

Через территорию памятника проложены грунтовые дороги, одна из которых следует по центральной части селища, нарушив ряд сооружений № 35, 34, 33, 19, 12, 16, 13, а вторая серьёзно повредила впадину № 7. На разных участках территории селища видны задернованные лесозащитные полосы, следы нерегулярного движения по лесу транспорта, обнаружены кострища и бытовой мусор. На селище зафиксировано 47 археологических сооружений. С учётом морфологических характеристик первая часть из них предположительно отнесена к каменному веку, вторая – к позднему Средневековью.

Селище Барсова Гора IV/25 расположено в центральной части урочища на обширной и относительно ровной территории третьей надпойменной террасы. Площадка памятника размерами 55 × 105 м с одной стороны обращена к верховью Большого Лога, а с другой – ориентирована в направлении открытого пространства. От края крутого склона коренной террасы прот. Микишкиной селище удалено на 220 м, а в 200 м от него проходит железная дорога, ведущая к заводу стабилизации газового конденсата АО «Сургутгазпром».

Археологические объекты – впадины разных размеров с обваловкой и внешними ямами рассредоточены в количестве 28 штук на местности без видимой системы. Наиболее плотная их концентрация наблюдается на оконечности селища. Три из них № 17, 18 и 25 примыкают друг к другу, образуя общие обваловки. Можно выделить также спаренные или 8-образные в плане объекты – это № 4 и 5, № 7 и 8, № 24 и 25. Через территорию памятника проходит грунтовая дорога, нарушившая ряд сооружений – № 1, 2, 8, 18, 25 и 26. На разных участках территории селища видны задернованные лесозащитные полосы, следы нерегулярного движения по лесу транспорта, обнаружены кострища и бытовой мусор. С учётом морфологических характеристик первая часть сооружений предположительно отнесена к каменному веку, вторая – к позднему Средневековью.

Всего на поселенческом комплексе № 2 зафиксировано 106 археологических объектов.

Группа памятников, образующих поселенческий комплекс № 3 представлена городищем Барсов Городок II/13, селищами Барсова Гора II/26, II/28 и поселениями Барсова Гора II/24, II/27 [Чемакин, Зыков, 2004. С. 45, 94, 95, 96]. Они расположены практически единым массивом, занимающим уча-

сток размерами около 210 × 260 м. Границы между памятниками, за исключением городища, условны. Доминирующее место среди них занимает городище, отличаясь выразительной общей конфигурацией обороны – рва, вала и местом расположения, органично вписанным в рельеф местности. Он образован стрелкой мыса, который выступает более чем на 60 м от линии береговой террасы в сторону прот. Микишкиной.

Поселение Барсова Гора II/24, являясь южной частью археологического комплекса, расположено у края второй надпойменной террасы берега старицы прот. Микишкиной. Высота террасы на этом участке составляет 16 м над уровнем уреза воды в старице. Рельеф местности имеет общий уклон. Изгиб надпойменной террасы с юго-западной стороны образован крутым склоном, а с западной – ложбиной с пологими склонами. От бровки вглубь террасы в рельефе фиксируется плавный подъём, переходящий в склон третьей надпойменной террасы. Перепад высотных отметок в пределах памятника – 9,5 м.

Через территорию поселения проходит грунтовая дорога, которая в значительной мере обусловила состояние растительного покрова. Северо-восточная часть исследуемой местности покрыта плотным сосновым подлеском высотой до 12 м с примесью осины, рябины, березняка, а лесная подстилка нижнего яруса почти полностью уничтожена низовым пожаром.

Поселение, включающее 44 впадины, занимает участок размерами около 60 × 135 м на плавном изгибе второй и третьей надпойменных террас. Памятник вплотную граничит с селищем Барсова Гора II/26, с поселением Барсова Гора II/27, а в 20 м расположено городище Барсов Городок II/13.

Поселение представляет собой вытянутое плотное скопление остатков сооружений и расположено таким образом, что юго-западная часть впадин примыкает к бровке второй террасы, а северо-восточная находится на склоне третьей террасы. Совместно с селищем Барсова Гора II/26 и поселением Барсова Гора II/27 оно составляет одно общее обширное пространство размерами 110 × 240 м. Граница между памятниками условна. Впадины № 7, 17–19, 35–38, 41–43 образуют неровную изогнутую цепочку вдоль береговой линии. Впадины № 6, 8, 16, 20, 21, 40 и 39 формируют второй ряд объектов. На юго-восточной оконечности поселения можно выделить отдельный ряд впадин – № 1, 2, 5, 10, 11, имеющих самостоятельную направленность. Остальные объекты расположены группами и разрозненно без видимой системы к северо-вос-

току от нижних рядов. Сооружения имеют в разной степени оплывшие западины и обваловки, что может свидетельствовать об их диахронности. На это же указывают случаи перекрывания обваловок соседних сооружений. Расположенные вплотную друг к другу впадины № 15 и 16, судя по параметрам и сливающейся обваловке, представляют собой, вероятно, остатки двухкамерного жилища. Через территорию памятника проходит грунтовая дорога, повредившая сооружения № 1, 6, 7, 17, 19, 38, 41–43.

Датировка поселения условная и укладывается во временной интервал VI тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.

Селище Барсова Гора II/26 занимает третью надпойменную террасу северного берега прот. Микишкиной на удалении 45–80 м от крутого склона. Высота берега здесь достигает 16 м, бровка террасы хорошо выражена. Этот участок местности покрыт сосновым лесом с незначительной примесью берёзы и осины. Видны следы низового пожара.

Археологические объекты (селища) распространяются на участке размерами 55 × 105 м, имеющем уклон. Пространство между селищем и краем береговой террасы занимает поселение Барсова Гора II/24, а на удалении 8 м простирается поселение Барсова Гора II/27. Граница между памятниками условна. В совокупности, занимая обширное пространство размерами 100 × 240 м, они образуют локальный поселенческий комплекс, в пределах которого селище Барсова Гора II/26 сосредоточено на северо-восточной оконечности, представляя собой скопление из 21 археологизированного сооружения. Строгая система в их расположении отсутствует, поэтому можно лишь условно выделить три нечётких цепочки объектов, огибающих повышение рельефа местности. Ближайшая линия состоит из сооружений № 6–8, 15; следующая за ней цепочка, выше по склону, включает впадины № 5, 9, 14, 16, 19, 20; третью формируют сооружения № 11, 12, 17, 18. Остальные впадины группируются рядом с обозначенными линиями или же находятся несколько в стороне. В частности, на северо-западной оконечности селища обособленно расположена впадина № 21, а на юго-восточной – № 1–3. Некоторые западины имеют в разной степени оплывшие края и обваловки, что может предполагать их диахронность. На это же указывают случаи перекрывания обваловок одних сооружений другими. Через территорию памятника проходит грунтовая дорога, которой в разной степени повреждены сооружения № 10, 13, 19–21. Имеются обнажения культурного слоя. Селище может быть

предварительно датировано интервалом VI тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.

Поселение Барсова Гора II/27 расположено на ровном и слабо наклонном участке в глубине второй надпойменной террасы, в 40–45 м от её края. По направлению от бровки вглубь террасы в рельефе фиксируется плавный подъем, переходящий в склон третьей надпойменной террасы. Юго-западнее памятника виден трапециевидной формы мыс, занятый городищем Барсов Городок II/13. Перепад высотных отметок в пределах поселения – 3,5 м. Площадь покрыта сосновым лесом с берёзовым, сосновым и осиновым подлеском с примесью рябины. На юго-западной и юго-восточной оконечностях поселения проходит лесная дорога.

На поселении выделяются 30 объектов, занимающих площадь 100 × 105 м. На удалении 3–8 м от него расположены селище Барсова Гора II/26 и поселение Барсова Гора II/24, в 3 м – городище Барсов Городок II/13, а на удалении 11 м – селище Барсова Гора II/28.

В пределах археологического комплекса № 3 поселение Барсова Гора II/27 занимает северо-западную оконечность. Объекты здесь расположены группами и разрозненно, без явно выраженной системы. Вокруг некоторых из них зафиксированы внешние ямы. Жилища имеют в разной степени оплывшие западины с обваловками, что предполагает их диахронность. На это же указывают перекрывания обваловок одних сооружений другими. На оконечностях поселения проходят грунтовые дороги, в разной степени нарушившие семь объектов.

Судя по морфологическим характеристикам сооружений, планиграфии и согласно результатам раскопок на расположенных рядом памятниках – городище Барсов Городок II/12, II/13 и селище Барсова Гора II/22, данный объект может быть предварительно датирован в интервале VI тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э. Городище Барсов Городок II/13 площадью 4000 кв. м, в том числе внутренней жилой площадки – 2900 кв. м, занимает мысовидный участок второй надпойменной террасы, образованной её краем и логом в юго-западной части урочища Барсова Гора. Высота края берега над уровнем воды в прот. Микишкиной составляет 10 м. По направлению от стрелки мыса к его основанию высота террасы постепенно увеличивается до 15 м. Береговая бровка хорошо выражена, склон крутой. Перепад высот в пределах городища – 5 м. На удалении 4 м находится селище Барсова Гора II/28, напротив на таком же расстоянии – поселение Барсова Гора II/27, а поселение Барсова

Гора II/24 располагается в 20 м. Участок террасы, занятый городищем, покрыт смешанным лесом, состоящим из высокоствольной сосны и берёзы с примесью осины и рябины.

Площадка городища, включая оборонительную линию, имеет вид неровной трапеции шириной самой узкой части оконечности мыса – 27 м, у основания мыса – 71 м, протяжённость по длинной оси – 85 м.

Фортификационная линия городища состоит из вала и внешнего рва и слабоизогнутой дугой отделяет внутреннюю площадку от напольной стороны. Ров имеет ширину до 6–8 м и глубину с внешней стороны до 1 м. Ширина вала составляет 6,5–7,0 м, высота от уровня внутренней площадки – 1,1–1,5 м, перепад высот между тальвегом рва и гребнем вала достигает 2 м. Общая протяжённость линии по оси рва – 92 м. Предполагаемый проход на городище фиксируется в средней части оборонительной линии ближе к юго-восточному краю мыса. Он представлен в виде неровного поперечного понижения-ложбины на гребне насыпи и двух противолежащих пологих выступов по направлению рва и внутренней площадки в основании вала.

На городище зафиксировано 21 сооружение, два из которых представляют собой приподнятые площадки, а девятнадцать – впадины с обваловками и внешними ямами-впадинами. Два сооружения повреждены в результате эрозии берега. В размещении жилищ на площадке городища фиксируются признаки регулярной линейной застройки. В частности, чёткая линия из сооружений, просматривается вдоль юго-восточного края террасы, направленность которой во многом и обусловила характер данного ряда застройки. Вторая неполная линия, состоящая из четырёх впадин, примыкает к первой с северо-западной стороны. Как минимум два ряда жилищных впадин фиксируется и в направлении, перпендикулярном к этим линиям. Один из них включает пять сооружений, второй – четыре. Впадина № 13 расположена отдельно, вне общей системы. Северным краем она на 3–4 м врежется в насыпь вала с внутренней стороны.

В 1974 г. А. А. Нифонтов и Н. В. Фёдорова заложили здесь раскоп площадью 72 кв. м [Чемакин, Зыков, 2004. С. 45]. Задернованный раскоп четырёхугольной формы размерами 8 × 9 м и примыкающие к нему отвалы хорошо видны на северо-западной оконечности городища в углу, ограниченном с запада краем террасы, с севера – внутренней границей вала. Во время раскопок была получена небольшая коллекция керамики, на основании которой памят-

ник датирован эпохой раннего Средневековья (VII–VIII вв. н. э.).

Селище Барсова Гора II/28 занимает участок размерами 12 × 35 м на второй надпойменной террасе северного берега обской прот. Микишкиной на удалении 21 м от крутого склона. Высота берега здесь достигает 14 м. На расстоянии 3 м расположен Барсов Городок II/13, а в 12 м – поселение Барсова Гора II/27. Этот участок местности покрыт высокоствольным сосновым лесом высотой до 20 м с незначительной примесью березняка, рябины и осины.

Селище состоит из двух археологических объектов-впадин подквадратной формы с разной глубиной и обваловкой, датировка которого не определена. В целом к поселенческому комплексу № 3 относится 118 археологических объектов, а с учетом элементов обороны рва и вала на городище Барсов Городок II/13 – 120 единиц.

Северо-западный поселенческий комплекс № 4 состоит из трёх памятников – поселения Барсова Гора II/36 и селищ Барсова Гора II/35 и II/34 [Чемакин, Зыков, 2004. С. 97, 98]. Почти вплотную примыкая друг к другу, они занимают участок шириной 30 × 100 м и протяженностью 200 м. На севере он ограничен заболоченной ложбиной, на юго-западе – поймой, с северо-запада к комплексу примыкают городище Барсов Городок II/14 и селище Барсова Гора II/37, а с востока на удалении 45 м располагается селище Барсова Гора II/33. Растительность представлена высокоствольным сосновым лесом и берёзовым, сосновым и осиновым подлеском с примесью рябины.

Селище Барсова Гора II/34 занимает площадку размерами 45 × 135 у края второй надпойменной террасы старицы прот. Микишкиной. Высота террасы на этом участке составляет 7–8 м над урезом воды. Рельеф местности имеет общий уклон, следуя от края террасы в направлении заболоченного понижения. На поверхности видны следы низового пожара, поразившего площадку селища, начиная от края террасы и заканчивая грунтовой дорогой.

Селище включает 26 археологических сооружений – одиночных и скомпонованных в плотные группы и ряды площадок и впадин с обваловками. Обваловки соседних впадин нередко соприкасаются. У некоторых фиксируются предполагаемые места выходов-коридоров в виде понижения-разрыва в кольце обваловки. Впадины, расположенные на краю террасы, частично повреждены береговой эрозией. Через площадку проходит лесная дорога, пересекающая семь объектов. Памятник относится к бронзовому веку.

Селище Барсова Гора II/35 занимает площадку рамерами 23 × 36 м у края второй надпойменной террасы старицы прот. Микишкиной. С востока к нему примыкает селище Барсова Гора II/34, а на удалении 7 м – поселение Барсова Гора II/36. Рельеф местности имеет общий уклон, следуя от края террасы в направлении заболоченного понижения.

Селище включает три археологических объекта, состоящих из одиночных впадин с обваловками. У двух из них (№ 2 и 3) фиксируются предполагаемые места выходов-коридоров в виде понижения и выступа в кольце обваловки. Через селище проходит лесная дорога, частично нарушившая эти объекты. Датировка не определена.

Поселение Барсова Гора II/36 расположено на террасе, общий уклон которой направлен к заболоченной низине. На северной оконечности памятника уклон местности направлен в сторону, к которой примыкает ложбина. Поселение занимает участок размерами 40 × 80 м, ограниченный с юго-запада склоном террасы, с севера-востока – обширным заболоченным понижением, а с северо-запада – широким логом, пересекающим гриву и соединяющим заболоченное понижение с поймой протоки.

Памятник включает 31 археологический объект – как одиночных, так и скомпонованных в группы и ряды впадин и площадок с обваловками, которые нередко соприкасаются с обваловками соседних впадин. Наиболее плотно, в три ряда, сгруппированы сооружения у края террасы (№ 1–10). У некоторых впадин фиксируются предполагаемые места выходов-коридоров в виде понижения-выступа, разрывающего или выгибающего наружу кольцо обваловки. Впадины, устроенные на краю террасы, частично повреждены береговой эрозией. По поселению проходит лесная дорога, разрушая объекты № 4, 6–8.

Территорию поселения Барсова Гора II/36 можно условно подразделить на три зоны: южную, расположенную на краю террасы и состоящую из десяти объектов №1–10, примыкающих к городищу Барсова Гора II/14; северную – с объектами № 20–31 и восточную, представленную шестью жилищами. Последняя зона археологических объектов в весенний период времени почти целиком затопляется, а начиная с августа шесть названных впадин, как правило, освобождаются от затопления. Этот факт является особенностью данного участка и требует отдельного детального изучения. С помощью фотофиксации жилищной впадины № 11 можно констатировать динамику изменения уров-

ня полых вод, которая была отмечена в течение полевого сезона 2014 г. Датировка памятника – ранний железный век, Средневековье.

В общей совокупности поселенческий комплекс № 4 содержит 60 археологических объектов.

Заклучение. В статье отражено лишь четыре фрагмента урочища Барсова Гора, на каждом из которых компактно расположены объекты археологического наследия. Впоследствии они могут положить начало опорному археологическому плану, дающему основу для обоснования границ территории историко-культурного заповедника «Барсова Гора». Сравнивая четыре рассмотренных нами поселенческих комплекса, можно отметить следующее: 1. Если поселенческий комплекс № 1 образуют крупные, удалённые «от Оби и её магистральных проток» позднесредневековые селища, которые «обычно относят к зимним», то археологический комплекс № 2 в подавляющем большинстве представлен впадинами, которые занимают плоский рельеф поверхности, располагаясь без видимой системы. Можно предположить, что на данной территории, удалённой от обской поймы, устраивались сезонные весенне-осенние постройки временного пребывания.

2. Для поселенческого комплекса № 1 характерен визуально читаемый план-замысел первоначальной застройки, согласно которому каждому жилищу отведено конкретное место и функциональная связь с соседними строениями. В этом состоит принципиальное отличие комплекса № 2, где сооружения, возникшие, надо полагать, в разные исторические периоды, не только примыкают, но и перекрывают друг друга.

3. Памятники поселенческого комплекса № 3 отличаются основательностью своего устройства: в подавляющем большинстве это полуземлянки с обваловкой, ориентированные уклоном террасы на защиту от холодных северных ветров. Они расположены вблизи заливной поймы, которая была круглогодичным резервом питания, способствуя рыболовству и охоте на водоплавающую птицу. Эти факторы предопределили плотную застройку жилищ, возводимых в этой части урочища на протяжении длительного времени. Сооружения северной оконечности комплекса рассредоточены на местности и, судя по их внешнему облику, относятся к более позднему периоду.

4. Объекты поселенческого комплекса № 4 – в основном полуземлянки подокруглой формы с обваловкой, довольно выразительны в рельефе и устроены, как правило, обособленно. Какой-то

системы в расположении сооружений не отмечено. Зафиксирован лишь факт изменения гидрорежима на северо-западе памятника.

5. Особое место занимает укрепленное средневековое поселение – городище Барсов Городок П/13, которое возведено на обособленной части ландшафта в юго-западной оконечности археологического комплекса № 3. Возникновение городища Барсов Городок П/13 связано, предположительно, с гибелью княжеской крепости на городище Барсов Городок I/31–32 в XIV в. После этого княжеская резиденция была перенесена на 2,4 км западнее, в более укрытую и труднодоступную часть Барсовой горы. Около полувека центр общины находился на мысовидном выступе коренного берега [Зыков, 2012. С. 106].

Такова историческая взаимосвязь двух самых «крупных» (согласно его классификации) позднесредневековых памятников, расположенных на территории урочища.

В целом же на созданных нами топографических планах в максимально полном объеме дан не только количественный состав археологических памятников с точным их отображением на обновленной электронной карте, но и отмечены планировочно-пространственные характеристики, к которым существует дополнительный визуальный ряд фотофиксации. В совокупности они формируют важную предпосылку к обоснованию границ историко-культурного заповедника «Барсова Гора», к построению объёмно-графических моделей памятников, а также в дальнейшей перспективе и возможных натурных реконструкций.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Литература

1. Ведмидь Г. П., Бочкарев Д. В. Инвентаризация археологических памятников на Барсовой горе близ г. Сургута в 2009–2010 годах // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. статей. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Томск. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 268–283.

2. Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое

время. Екатеринбург : Изд-во «Уральский рабочий», 2012. 232 с.

3. Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2004. 208 с.

4. Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой Горы // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут : МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. С. 40–41.

Источники

5. Ведмидь Г. П. Отчет о НИР. Археологические исследования на территории достопримечательного места «Барсова Гора» в Сургутском районе Тюменской области в 2014 году. Сургут, 2017 // БИ-ИКФ (г. Сургут).

6. Ведмидь Г. П. Отчет о НИР. Археологические исследования на территории достопримечательного места «Барсова Гора» в Сургутском районе ХМАО-Югры в 2017 году. Сургут, 2017а // Архив Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югра, № 8431. Д. 2300.

7. Документы по объектам археологического наследия на Барсовой горе из архива Ф. Я. Показаньева (подготовка к печати А. В. Носкова) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. статей. Томск ; Ханты-Мансийск : Изд-во Томск. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 352–380.

8. Павлов Н. Я. Пояснительная записка к «Плану остатков древнего городища на Барсовой Горе» // Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора: археологическая карта. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2004. С. 12.

От редакции:

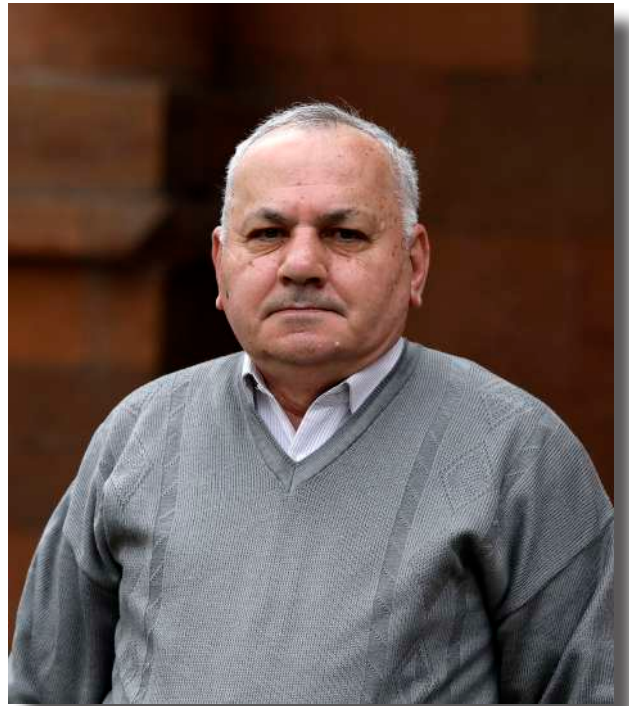
Данный материал взят из альманаха № 1 за прошлый год: «Северные древности: археология, этнография, история» с разрешения автора. Надеемся, что новые знакомства помогут сделать тематику «Глагола» ещё обширнее и интереснее, для читателя, и конечно же, помогут найти новых друзей и постоянных авторов. В частности, надеемся на интересную беседу с Григорием Павловичем Ведмидем, исследователем исторических древностей Югорской земли в одном из ближайших выпусков «Глагола».

ПОЭЗИЯ**Завен Бемян.**

Поэт, переводчик, публицист, член СПА, член международной ассоциации писателей ПЕН. Родился 20 сентября 1954 года в селе Ардви Лорийской области.

В 1976 году окончил Ереванский институт народного хозяйства (ныне Государственный экономический университет Армении). Автор нескольких поэтических сборников. Стихи Завена Бемяна переведены на русский, английский, немецкий, французский, персидский, сербский, грузинский языки.

Перевод Павла Черкашина

Имена на воде...

АЛЕКСАНДР БЛОК

Да, надо успеть, надо молвить успеть,
Пока в горле голос не начал хрипеть,
Как тот самый век — твой простуженный век...
И надо домой возвратиться успеть —
Ведь скоро поднимут речные мосты,
Уже поздний вечер и тени густы...
И надо успеть возвратиться Домой.
Вот жёлтое масло течёт с фонарей
В волну (может, Стикса, а может, Невы) —
Но нет утешенья. Лишь скрежет сухой.
Вдали, как в тумане — аптечная дверь...
Да, надо успеть, надо молвить успеть...
И надо успеть возвратиться Домой...
.....
Не слышно ни звука в объятиях тьмы.
Одна только женщина в этой ночи
С печалью глухой всё читает псалмы...*

* У гроба Александра Блока до рассвета читала псалмы известный советский писатель Мариэтта Шагинян.

ВОСХОД

В рамке пылающей цвета рубина
Девы лицо, что не сыщешь румяней.
Бледные, как утонувших личина,
Тонут созвездья в лучей океане.

Ну же, сорви лучезарной рукою
В небе созвездья алмазные эти.
Модница! Блещешь роскошной красою...
Плащ твой — весь в молний сияющем свете.

Пусть же звучит под твоими перстами
Бард семиструнный — бодрящая лира!
Все как один будут вторить устами:
Найден хранитель небесный для мира...

Ангел-пчела, принеси же нам мёда,
Чтобы любовью был день освящённый.
Провозглашай, что с началом восхода
Все невинновы и каждый — прощённый...

Как появился, был плодом я чьим,
Что средь бесчисленных один остался я? —
Мир сжал меня, как сочный апельсин,
Чтоб сок божественный наполнить для себя...

Отполирован как зеркальный лик
Песком прошедших дней, что канули в тиши,
И Образ, что мелькнул во мне на миг,
Сказал: «Вот всё, что есть. — Ступай живи,
пиши».

Не жаль, что плодосбора наступил
Законный срок и разбивания зеркал. —
Мы благодарны! Если ювелир
И пальцем не касался — злата кто б желал?..

ЛУННЫЙ МОНАСТЫРЬ

Зрю мощёную дорогу,
И ходок на ней немой.
Как легко молитву Богу
Говорить здесь под луной...

Тишина, пропали звуки,
Нет дыхания в груди.
Протянув навстречу руки,
К одиночеству иди...

Грех, всё прошлое своё
Молви тут — никто не слышит.
Размышление твоё
Лунной пылью мимо пышет...

Ничего в дали небесной —
Оловянен окоём.
Не горишь свечой чудесной —
Вздых твой дымом опоён...

Ты потерянный как прежде,
В бедах весь, как перст один.
Но блуждаешь ты в надежде —
Снова Бог твой господин...

ОФЕЛИЯ

Вот лилия качается на глади лепестками,
Как Дух глубокомысленный, качается, молчит.

Её венец несвадебный блестит росой-слезами,
Росой-слезами полнится, сверкает —
и скорбит...

Дрожит, как безутешная, всё мечется
растерянно
В ознобе лихорадящем раздела двух границ. —
Меж двух стихий синеющих беспомощно
потеряна:
Меж небом и водой она ждёт с жалостью
черниц.

По глади вод Ступающий! стопой
необмокаемой,
Ох, даже на мгновение, воды вздымая муть, —
Того, кому венец небес мечтою стал желаемой,
Блеск глаз Твоих всевидящих пусть освещает
путь...

ПОГИБШАЯ ПЧЕЛА

Лежит — перевёрнутая — на спине
Умолкшая нота в глухой тишине...

И солнца лучи сострадания полны,
Мерцают на крыльях её слюдяных...

Ах, если б — замешкалась просьба слегка! —
Угасла ты в саване брата-цветка...

На ножках — пыльцы бархатистой налёт.
Но песня потухла без радостных нот...

РАПСОДИЯ

Лишь в крохотном дюйме всего от земли
Окно у жилища, в котором живу.
И это пустяк. Но когда не до сна,
И грустно поёт где-то рядом сверчок,
И сизнова пряжу плетёт темноты,
Тогда есть и повод раздумьям моим.
Свирель. А она бы расплакалась так,
Когда б не открылся он сердцем своим...
Потеря... Богатый сверчок... Но ему ль
Быть в курсе, что скоро наступит октябрь.
А я это знаю, да только вот кто
Мне скажет правдиво, что я потерял?..

ПОТУСТОРОННЕМУ МОРЮ

Эй рыбак-лодочник, что делаешь ты...?

Ал. Цатурян

Ты у привычной жизни берегов
Невидимо везде распространяем...
И о Тебе мы лишь из наших снов
Какие-то намёки получаем...

В ужасные свои часы прилива
Ты некие призывы шлешь для нас,
Но в раковинах — только молчалива
Громада-тишь, что глушит всякий глас...

И вот кричишь (достойных голосами):
«Эй, человек, построй же свой ковчег,
Чтоб пережить потоп под парусами,
Надежды на иное просто нет...»

Из тех потусторонних рубежей
Водою шепчешь наши имена —
Пока Вербовщик Твой, Слуга Морей
Не явится с учётом к нам сюда...

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Холод живёт в глубине её глаз,
Много потухших любовных огней!..
И не растает от ласковых фраз
Иней, накопленный в сердце у ней...

Иней на сердце её — амальгама —
Зеркало злое творит-создаёт,
И в глубине проступая упрямо,
В нём Садаила* лицо лишь живёт...

Сколько пылающих звёзд, метеоров
В сердце студёном угасло навек!..

Рыцарей сколько отважных, без споров,
Сковано ядом снегов из-под век!..

Это горгона и смерти сестра!
Волосы — ворох клубящихся змей.
Бди непрестанно, с утра до утра,
Если не будешь и вперисься ей

В злую холодную глаз глубину, —
Ты уничтожен. Она без любви.
Скажет слова, что сродни леденцу —
Даже не слушай, скорей уходи...

* Садаил — здесь: чёрт, бес.

ЭДЕЛЬВЕЙС

Единственный в стихии ты своей
Остановился, мирен и спокоен,
Прекрасен ты, роскошен как метель,
О эдельвейс — виденьем белым строен.

С Недостижимым в узах ты родства,
Ты чудо-роза, что в петлице Бога.
Избавленное имя и мольба
От губ и кандалов — во всём свобода.

Внутри себя мне плакать ты позволь,
Быть может, до тебя дойдёт хотя б росинка —
Ты всё-таки другой, ты всё ж такой:
Великолепный, яркий словно льдинка.

Стихия ты, что движется всегда,
Одевши смерть для торжества любви —
Невидим стань опять на все года,
Сквозь ураган под парусом плыви...

Елена Капитанова.

Родилась в с. Цингалы Ханты-Мансийского района. Поэт, прозаик, член Союза писателей России с 2021 года. С 2013 года проживает в г. Ханты-Мансийске.

Стихи Елены опубликованы в совместных сборниках поэзии с Павлом Черкашиным и Анастасией Сенькиной «НастРОЕНИЕ» и «В глубине бывающих дней». В 2020 году выпустила два персональных сборника «Начало» и «Пряник в рукаве».

Автор идеи сборника прозы и стихов молодых авторов г. Ханты-Мансийска «МАТРЁШКИ online» и координатор одноимённого проекта (2018).

Соавтор и координатор проекта «Школа сказочника» для детей, увлекающихся литературным творчеством (2018, 2019).

Руководитель проекта «Литстудия «Почерк» (2022).

Участник Всероссийского Совещания молодых литераторов Союза писателей России

в Химках (2019, 2022), Всероссийского литературного фестиваля Михаила Анищенко, Спецпрограммы для организаторов литературного процесса (2021).

Победитель регионального конкурса «Югорская книга – 2020» в качестве редактора-составителя серии книг, изданных в рамках проекта «Школа сказочника», в номинации «Лучшая книга для детей и юношества».

Пряник в рукаве

Маша слышала отрывистый звук сигнализации и на цыпочках подошла к окну. Одинокая машина директора бодро подмигнула и завелась. Значит, через пару минут в офисе останутся только они с Маринкой. Из-за приоткрытой рамы густо и зелено повеяло тополиными почками и дождём. В правом крыле отчётливо хлопнула дверь. Маринка издала победный клич и тут же извлекла из-под стола увесистую бутылку Сангрии.

– Тише, – испуганно зашипела Маша, но через минуту шум покрышек подтвердил, что её опасения были напрасны.

Маринка уже разлила вино в бумажные стаканчики и деловито ломала шоколадку. Но на всякий случай Маша всё-таки выглянула за дверь и, стараясь не издавать звуков, пошла осматривать коридор. Все кабинеты были закрыты. Лучшего места, чтобы провести с подругой вечер пятницы, нельзя было найти. У Маши дома

мама, Маринка ютится в общежитии с двумя соседками, а в кафешках дорого, да и шумно для разговоров по душам.

Маша знала, что пожилой охранник из соседнего крыла не соберётся на обход – не раз они с подругой задерживались с отчётами почти до полуночи, и никто их не потревожил.

– Ну что там? – нетерпеливо ёрзала на стуле Маринка.

– Всё тихо, – уверила Маша, отпила глоток и вспорхнула на подоконник. Обедали давно, и вино моментально потекло теплом по телу а, добравшись до ног, потяжелело.

– Ну рассказывай, как там твой? – сразу спросила она, зная, что подруга целый день ждала момента поделиться.

«Своим» Маринка называла кандидата на роль мужчины её мечты. Сергей из юридического отдела на прошлой неделе подбросил её до дома и по пути шутил и смеялся. А вчера

возле кулера коснулся локтем. Маринка была уверена, что неслучайно. Но на этом внимание закончилось. Подруга наряжалась, нарушая все мыслимые правила дресс-кода, предпринимала неуверенные попытки заговорить, конечно, исключительно на рабочие темы, чтобы ничего такого о ней не подумали. Кандидат смотрел с интересом, улыбался, но отвечал кратко и по делу.

– Ну что мне с ним делать, – сокрушалась Маринка, налегая на вино. – Я же вижу, как он смотрит. Хоть бы знак какой подал... Зараза!

– Какой? – смеялась раскрасневшаяся Маша. – Любовную записку на договоре с поставщиком?

– Ну откуда я знаю? Как вообще сейчас мужчины это делают?

Маша задумалась:

– Ну раньше можно было на дискотеке на медляк пригласить. Кто кого пригласил, тот с тем и встречается.

– А сейчас кто кого в соцсетях отлайкал, тот с тем и мутит...

– А это как раз не факт...

– В старину проще было, – помолчав, заговорила Маринка. – Нам в универе на истории Сибири рассказывали. У нас в деревнях такие специальные вечера устраивали для молодёжи. Изба, – Маринка изобразила руками странную треугольную конструкцию. – Вдоль стен лавки. На лавках сидят девушки. Девушек много, свободных мест нет. А парни в дверях стоят, семечки щёлкают. Ну и если парню какая-то девушка понравилась, он подходит и на колени ей садится.

– В смысле, на колени?

– Ну да. Если девушка разрешит. Девки-то раньше были доро-о-одные, – протянула Маринка, смешно налегая на деревенское «о».

– Ага, из-за жирных бочков не переживали.

– Ну так вот. Сидят они так, общаются. А парень потихоньку девушке в рукав бросает пряник. Это как раз и был знак. Типа, ты классная, давай замутим. Ну или жди сватов. Как там у них было принято? Красивая девушка за вечер могла полные рукава пряников набрать.

– И ещё толще стать, – засмеялась Маша. – Сейчас бы такой пряничек нам обеим не помешал...

– Да... если честно, с нормальным парнем познакомиться негде.

– А Сергей твой разве ненормальный?

– Ну так... – загрозила Маринка.

– Может и не надо тогда? – встревожилась Маша. – Это ж не по-настоящему.

– А бывает по-настоящему? – совсем раскисла Маринка. – Ждёшь чего-то, ждёшь. Думаешь, вот, должны же быть какие-то особенные чувства. А может быть, их и не бывает?

– Бывают... – разглядывая потолок, произнесла Маша.

– Расскажи, – Маринка почувствовала, какая уверенность стоит за этим словом, отхлебнула вина и с интересом уставилась на Машу.

– Я в старших классах ходила в театральный кружок в наш «дэка» на Ленина. Ну и там парень был, Вова, не из нашей школы. Выше всех в группе и в таком пальто ходил... ну, в общем, модном по тем временам. Как будто бы строгий, а на самом деле весёлый. В общем, я его увидела, и сразу ёкнуло. Прямо с первого взгляда. Влюбилась, как дура. Ну и он на меня обратил внимание, улыбался мне всё время.

Маша замолчала.

– Ну? И дальше что?

– Да ничего. Так мы друг другу ничего и не сказали.

– Ой, Машка, ты, и правда, дура.

Маша откинула голову, прижалась затылком к стеклу, за которым клубились сумерки, и задумалась. Артистка она была так себе, стеснялась себя, своих длинных ног, не знала, куда деть тонкие запястья. Роль Джульетты ей тогда дали только за «фактуру», как выражался режиссёр. Всё, что не любила в себе Маша – почти прозрачная кожа, не принимающая загара, тонкие губы, острые лопатки, тяжёлые тёмные волосы, которые мама категорически не разрешала стричь и красить – было как раз таким, как надо. А Вовку, самого талантливого, назначили её партнёром.

Режиссёр понимал, что Маша не сыграет. Но, наблюдательный от природы и по роду профессии, он сразу понял: ей и не придётся ничего играть. Джульетта смотрела на партнёра с доверием первой влюблённости. На скулах оживал лёгкий румянец, глаза блестели. А Ромео... Да он сиял, как начищенная бляха. Режиссёр ощущал кожей, как по залу растекается страстное волнение, какое бывает только у молодых и ещё не разочарованных. Даже самый непробиваемый зритель это почувствует и с наслаждением испытает снова. Старик уже довольно потирал руки, предвкушая невиданный успех у провинциальной публики, но хитрость дала неожиданный сбой.

Маша смотрела на Вовку и забывала слова, забывала, когда говорить, забывала, что говорить вообще нужно. Мириады веснушек на его лице, как созвездия, завораживали её. И в глазах его ночевало небо, и в этом небе тоже пестрели золотые крапинки, кружили её, околдовывали. Ладони его были сухими и спокойными, как тёплые камни на побережье. Не те, что беспрестанно тревожат волны, а те, что лежат поодаль, сохраняя свою неповторимую шершавость, на которых хочется лежать, водить пальцем по замысловатым впадинкам и думать...

– Мария! Да сколько можно?! – вскипел режиссёр.

Маша очнулась, осознавая, что её партнёр давно договорил свою реплику и с интересом смотрит на неё, ожидая ответа. Ребята из труппы скучковались на последнем ряду и, отвернувшись, оживлённо что-то обсуждали. Режиссёр устало потёр лицо ладонями, встал, отчеканил десяток шагов по крашеной фанере сцены и наконец, собравшись с мыслями, громко огласил:

– Ромео и Джульета, остаётесь дорабатывать. Если завтра не выучите диалог, сделаю замену.

Долговязая девочка в последнем ряду, обернувшись с лицом, полным надежды.

– Все празднующиеся могут идти домой. Завтра репетиция, как обычно, в шесть тридцать. И не опаздывать!

– Друзья мои, – театрально произнёс режиссёр, как только дверь за ребятами закрылась, и эта фраза уже не сулила ничего хорошего. – Я даю вам полчаса. И если ничего не изменится, Джульетту будет играть Диана. Работаем самостоятельно.

Когда его шаги удалились за кулисы, Маше вдруг стало жарко. На сцене остались только они с Вовой. Она почувствовала, как щеки предательски наливаются алым. Он же заметит!

– Маш, надо выучить, – серьёзно сказал Вовка. – Ты сыграешь эту роль. Ну какая из Дианки Джульетта? Ну?

– Ну д-да...

– Я читал про один приём. Так профессионалы заучивают текст. Давай попробуем...

Вовка говорил так спокойно и уверенно, так искренне хотел помочь, будто укрывал Машу словами от всех страхов и сомнений. Она вдруг каким-то подсознательным нутром почувствовала, что он «свой». И уже никуда от неё он не уйдёт.

– Давай, – решительно начал Вовка.

– Десятка слов не сказано у нас, а как уже знаком мне этот голос! – легко и с чувством произносила Маша очередную реплику.

«Любовь творит чудеса, – думал режиссёр, наблюдай из-за кулис. – Особенно если она первая, не изгаженная изменами, неискренностью и пошлыми шутками, недоверием и страхом, что вот эта женщина, которая кажется тебе необыкновенной, на самом деле не лучше той, что однажды растоптала всё твоё доверие». Он вышел из-за кулис, аплодируя.

– Ну совсем другое дело. Умница! – добавил он лично Маше. – Но не расслабляйся. Завтра нужно будет повторить со всей труппой. Ну всё, можете идти домой.

– Тебе же на Куйбышева? – спросил Вовка так просто, как будто они много лет дружили.

– Угу. А тебе?

– И мне в ту сторону.

Они бодро пошли рядом, но когда Вовка подал Маше в гардеробе пальто, её вновь охватила нерешительность. Вовка молчал. Чтобы как-то начать разговор, выйдя на улицу, она спросила, почему-то стыдясь назвать его по имени:

– Ты, наверное, будешь в театральный поступать?

– Знаешь, Маш, наверное, нет.

– Почему!? Вов! У тебя же так классно получается! – от удивления Маша забыла о робости.

– Родители хотят, чтобы я поступал в наш колледж на бухгалтера. Так что я в десятый класс не пойду.

– Ммм, – Маша не знала, что и ответить и только, не отрываясь, смотрела на Вовку. А он опустил голову и, пиная снежные комья, продолжал:

– Знаешь, а мне эта бухгалтерия вообще никак. Я ведь всё равно не буду там работать. Но они ж не слушают.

– Вов, твои родители ведь придут на премьеру? – оживилась Маша. – Может быть, поймут?

– Маш, это не поможет. Они уже не раз были на спектаклях, когда ещё тебя не было в труппе. Отец говорит, что это всего лишь хобби. А мама считает, что все актёры спиваются, у них нет постоянной работы, а пробиться можно только со связями.

– Может быть, режиссёра попросить, чтобы с ними поговорил?

– Он уже с ними разговаривал... А, ладно. Ты-то куда собираешься?

– А я хочу на психолога. Я и в театральный пошла, чтобы лучше психологию изучить. Мне так мамина знакомая посоветовала.

– Клёво! Откроешь кабинет психоанализа. Я к тебе такой приду. А ты: «Ложитесь. Что вас беспокоит?», – Вовка на удивление похоже избразил Машины манеры, но это было совсем не обидно. – А я такой: «Знаете, я пять лет учился на какого-то бесячего бухгалтера. И теперь я всё время считаю деньги».

Маша смеялась. Вовка шутил, и они не заметили, как оказались прямо возле её дома.

– Ну вот. Здесь я и живу, – Маше почему-то опять стало неловко.

– Ну пока, – Вовка тоже смутился и неловко помахал рукой. Маша тоже помахала и вошла в подъезд. Поднимаясь, она видела в окне между этажами, что он всё ещё стоит у входа. Он проводил её домой! В первый раз. А в следующий, наверное, поцелует. По спине у Маши забегали мурашки.

Но следующего раза не случилось.

– Вы на театральный? – окликнула её вахтёрша в фойе дома культуры.

– Да.

– Отменили ваш кружок.

– Как отменили?

– Режиссёр ваш... в командировку уехал, – из сумрака вахтёрской будки кто-то неприятно хихикнул.

– И когда теперь приходите?

– Ну придите через неделю.

– Во вторник?

– Ну можно и во вторник.

Маша постояла у входа минут пятнадцать, издали надеясь узнать Вовкино пальто и как бы случайно выйти ему навстречу. Но никого не было. И вдруг ей стало так обидно, что захотелось плакать. Она скорее вышла из ДК и свернула во двор, чтобы не встретить никого из ребят.

Прошёл день, другой, и её уверенность куда-то улетучилась. Ещё вчера казалось, что Вовка – почти уже её парень. Самый настоящий. А теперь он виделся каким-то совсем далёким и малознакомым человеком. И абсолютно непонятно, как с ним теперь разговаривать.

– Во вторник День влюблённых, подари ему «валентинку», и всё станет ясно, – посоветовала подруга Рита

– Да ты что? – Маша сделала большие глаза. – Стрёмно как-то.

– Ну или попроси кого-нибудь передать. На худой конец – подбрось. Только подпиши обязательно.

После уроков Рита почти силком затащила Машу в магазин.

– Смотри, какие сердечки клёвые!

– Я тебя люблю? Да ты что! Я ему такого не скажу!

– А вот, кролики целуются. Давай, такую!

– Не-е-ет! – продолжала протестовать Маша.

– А эта?

– Да здесь вообще неприличное!

– Ну сама выбирай.

Маша долго перебирала цветные карточки, кричащие о всех видах любви, и вдруг ей попала в руки одна, самая простая: «На тебя всегда можно положиться». На спине у спящего медведя устроился смешной заяц. Это было как раз то, что нужно.

Но на следующий день позвонили из ДК и сказали, что театральный кружок больше не будет работать. Трубку взяла мама. Она долго выпрашивала причины, и наконец, сотрудница выдала ей, что режиссёр ушёл в запой и уволен.

У Маши не было ни телефона, ни адреса Вовки, да она теперь, наверное, уже и не решилась бы позвонить. Девочка ещё какое-то время надеялась, что он, зная адрес, дожждётся её у подъезда, найдёт квартиру. Но этого так и не случилось.

– И вы так больше и не встретились? – сочувственно проговорила Маринка.

– Нет, виделись один раз. Я тогда с Вадимом встречалась.

– О Вадя – это что-то! Повезло ж тебе с ним. Чудо, а не мужчина.

– Марин, ну хватит.

– И что? Как это было? – Маринка говорила уже без сарказма.

– У Вадима был день рождения. Я ему купила плеер. Ну, он был в коробке, а в магазине я его не проверила. В общем, подарила, а он не включается. Вадим на все кнопки жмёт – никак. Пошли возвращать. Заходим в отдел этот, ну, где возвращают, а там Вова.

– И?

– Стоит и смотрит на меня. И я смотрю и молчу. И Вадим молчит.

– А он чего молчит?

– Ну ты же знаешь его. Сама вляпалась – сама и разбирайся. Стоит и толкает меня в бок. Я начала объяснять. Достаю, показываю, а Вова так

спокойно говорит: «Вот эту кнопку надо пять секунд подержать». Нажимает, и всё включается. И я ещё думаю, как я не догадалась. Смотрю на него, смеюсь. И он смеётся. А Вадим что-то пробубнил и потащил меня из магазина.

– Наверное, что-то понял?

– Не знаю... Хотя мы в тот вечер поругались. Из-за какой-то ерунды вообще. Наверное, он из-за Вовки разозлился.

– И ты не вернулась потом?

– Да как-то нехорошо было. Я же тогда с Вадимом встречалась.

– Маша, какая же ты дура! Ну приди к нему сейчас! Завтра приди!

– И что я ему скажу? Привет, я едва тебя знаю, но семь лет не могу забыть. Да и вряд ли он до сих пор в том магазине работает.

– Так найди его в соцсетях.

– Как думаешь, сколько в нашем городе Владимиров?

– А фамилию не знаешь?

Маша покачала головой.

В субботу Маша проснулась от аромата блинчиков. На кухне чуть слышно позвякивала посуда – мама старалась не разбудить её. Вспомнила, как вчера помогала перебравшей Маринке подняться на третий этаж, а потом отпустила такси и шла пешком, вдыхая горькие и свежие запахи весенней ночи. И думала о том, что и правда, в её жизни больше не было ничего настолько яркого, тёплого и близкого. Не было такой тихой и простой уверенности и вместе с тем волнения. И почему бы завтра не зайти в тот магазин и не расспросить менеджера. Может быть, у него сохранился телефон Вовки. Или он знает его адрес.

Но она не пошла. Ни в тот день, ни завтра. Глупое чувство, щекочущее где-то под нижними рёбрами, каждый раз останавливало её. Весна уже расцветала красками, когда она решила после работы съездить в магазин тканей на другой конец города. Мама давно заговаривала о новых шторах. Кряхтящий автобус еле тащился и сломался посреди дороги. Невольно перенимая раздражение набившихся в салон людей, она соскочила с подножки и пошла к остановке. И вдруг осознала, что стоит свернуть во двор, пройти наискосок игровой площадки, срезая путь под бельевыми верёвками, обогнуть детский сад и заросли сирени, и она выйдет к тому самому магазину.

Если что, она просто посмотрит миксеры. Выслушает про новые модели и случайно спросит про консультанта Владимира. Не отрываясь, будет смотреть в витрину, чтобы выдержать недоумённый взгляд. И будет бесстрашна и улыбчива.

Двенадцать ступенек, дверь, одинаково кричащее изображение на экранах множества телевизоров. Ещё пару десятков шагов налево и максимально непринуждённо повернуть к стойке возврата.

– Маша?! Привет! – Вовка, тот самый Вовка смотрел на неё так же восхищённо, как семь лет назад. Хотя нет. Не тот. Шире в спине, щетина оттеняет овал лица, и в глазах опыт усталости.

– Как ты здесь? Я думал, ты давно уехала из города!

– Я уезжала учиться, но уже больше года, как вернулась. Работаю. Не по профессии, правда. Но хоть что-то для начала. А ты как?

– Ну и я пока ещё здесь.

– Пока ещё?

– Ну... есть мысли уехать. Помнишь нашего режиссёра?

– Да он спился вроде.

– Нет, – Вовка засмеялся. – Говорили, что спился. А он из запоя вышел, собрался с силами и уехал в Москву. Недавно звонил. Советует поступать, пока не поздно. В театральный же до двадцати пяти только можно.

– Здорово! – Маша искренне обрадовалась. – А Дианку помнишь? Она же теперь в ДК самая главная звезда.

– Маш, – Вовка посмотрел на часы. – У меня смена через пятнадцать минут кончается. Давай погуляем, вспомним детство.

– Давай!

Пока Вовка передавал смену, Маша рассматривала те самые миксеры и улыбалась самой себе в отражении стеклянной витрины.

– Слушай, если честно, я ужасно хочу есть, – сказал Вовка открывая дверь своей даме. – Пойдём ко мне, чаю попью. Я тут в двух шагах квартиру снимаю.

– Пойдём. Я, если честно, тоже ещё не ужинала.

– Только, блин... Извини, но у меня в холодильнике мышь повесилась. В магазин заскочим на пару минут? Хорошо? Ты, кажется, говорила, что любишь птичье молоко.

– Ничего себе! Вот это память! Тебе, и правда, надо в театре играть.

Маша вдруг остро ощутила, что точно так же семь лет назад они шли по улицам родного города. И сейчас им так же легко друг с другом. И неважно, кто им встретится и даже куда идти. Она поймала себя на мысли, что если бы любой другой парень пригласил её домой при первой встрече, ей бы показалось это ужасно неприличным. Но в Вовкиных словах не было ни расчёта, ни грубого флирта.

На кухне у Вовки оказалось вполне уютно, хотя и по-холостяцки пустовато. Пока Маша, примостившись на подоконнике, изучала вид из окна, он поставил чайник, достал из шкафа пачку пряников и высыпал их в глубокую вазу.

– Ты тоже любишь шоколадные? – удивилась Маша.

– Да, с детства на них подсел.

– Знаешь, в старину была традиция, если парню нравилась девушка, он ей в рукав незаметно бросал пряник, – сказала Маша и сама испугалась случайного намёка.

Вовка обернулся и внимательно на неё посмотрел. На пару мгновений он вновь опустил глаза на стол и вдруг решительно подошёл совсем близко. Маша окончательно смутилась, подняла на него вопросительный взгляд и вновь опустила глаза.

Вовка улыбнулся с чуть заметной хитринкой, взял её руку и осторожно расстегнул пуговицы на манжете офисной рубашки. Опустил в просвет рукава припрятанный в кармане пряничек, слегка коснулся пальцами там, где под кожей пульсировала вена, и поцеловал в дрогнувшее запястье.

Павел Миронов,

п. Мегион

СИРЕНЬ-ЧЕРЁМУХА

Поселковое собрание

Было бурным в вешний день,

Выступала там Меланья:

– Нам нужна, как хлеб, сирень.

Кто со мною не согласен,

Тот не смыслит ни рожна.

Тополь нужен нам и ясень,

И черёмуха нужно.

Надо нам побольше ёлок

И вдоль улиц полисад,

Вот и будет наш посёлок

Через год посёлок-сад.

Вскоре делом подтвердили

Эти дельные слова.

И деревьев посадили,

И посеялась трава.

И занялись полисадом,

Возвели одно звено.

Быть бы впрямь посёлку садом

По словам Меланьи, но...

Летней утреннею ранью

Гнал пастух пастись коров

Вместе с тёлкою Меланья

Подняла в посёлке рёв:

– Врёшь, пойдёшь, холера, в стадо!

Разве плохо за рекой?

Хворостину тебе надо?

Хворостина под рукой.

Вот сейчас тебя я вздую

Растакая сатана!

И берёзку молодую

С корнем выдрала она.

И от сада вскоре – жалость!

Не осталось ни сука!

У Меланьи оказалась

Очень лёгкая рука.

Я прямой. Своё желанье

Не держу я взаперти.

Я желаю на Меланью

Розгу крепкую найти.

28 июня, 1964 г, № 52, стр. 2.

**По страницам
«Ленинского знамени»**

Сергей Козлов,
г. Тюмень

Беречь язык и душу

Как звучат улицы наших городов? Отдалённый гул поездов и самолётов, ветер в ветвях лип, клёнов и тополей, шум потоков машин, разнообразная музыка из окон домов и багажников тех же автомобилей, щебетанье птиц по утрам, когда наступает условная тишина... И – наши разговоры. Они тоже разные – по тематике, по глубине, по тону, по эмоциональности, по наличию или отсутствию акцента. Это голос города.

Не знаю, меня ли одного коробит, когда в эту сумбурную и неровную речь города вдруг врывается сквернословие? Мат... без всякого шаха. Самое жуткое, что он уже как-то привычно звучит не только голосами подвыпивших компаний, не только от разухабистых мужиков, но и от молодёжи, и самое страшное – голосами детей, что говорит о глубокой духовной и языковой деградации нашего общества в целом. Интеллектуальном упадке.

Мне скажут – а ты, мол, не ругаешься? Было и бывает... Грешен, как и многие. Но не для связки слов в предложении, не чтобы заменить подлежащие, сказуемые, междометия, союзы... Не для того, чтобы донести на языке сатаны важную, а то и сокровенную мысль. Именно языком сатаны считает мат Русская православная церковь. Некоторые выражения являются прямым оскорблением Богородицы, хулой на Святого Духа, а в традиционном Исламе – кровными оскорблениями.

И когда я слышу, что дети – отроки, играя во дворе, общаются на таком языке как на разговорном, где обычные слова только проскальзывают, и они делают это громко, никого не стеснясь, я с ещё большей глубиной осознаю уровень нашего падения, потому что дети говорят на языке родителей, на нашем языке.

Идут по улице молодые девушки, и сквернословие из их прекрасных уст чередуется со сленгом и англицизмами. Вероятно, в этот момент

они кажутся сами себе крутыми и даже умными. Но это не так... Молодой человек чуть ли не в любви объясняется своей девушке с помощью всех этих хештегов и мата... Ещё тридцать лет назад за такое можно было бы схлопотать звонкую пощёчину, но сейчас она ему отвечает его же словами. Русский язык в таком общении только вспомогательная функция.

Что говорить, наши дикторы стали безграмотны, они сами сыплют с экрана и по всем радиоканалам этим мусором, не умея правильно склонять ни обычные слова, ни числительные, неправильно расставляя ударения. А ещё предприниматели, чиновники и вывески. Я не ханжа, меня не напугать рекламой на латинице, но во всём нужна мера и вкус, которых как раз не хватает.

И не надо лгать ни себе, ни другим, что язык всё переварит, останется нужное. Ещё добавьте – светлое, доброе, вечное... У детей, говорящих матом?

Мы живём в этом эфире, который напитан далеко не позитивной энергией, начинаем считать это нормой. А широкое распространение бранных и скверных слов – это признак надвигающегося Апокалипсиса во всех трёх авраамистических религиях. Говоря проще, мы несём конец света на наших языках.

Намедни президент Владимир Путин подписал закон о защите русского языка. Лет бы двадцать пять назад... Кто-то скажет, что общество было не готово. Но, вспоминая классику Василия Шукшина, народ у нас к разврату всегда готов, а вот к чистоте и порядку – не очень. Но завершу свою колонку неожиданно: защищая русский язык, важно тоже не перегнуть, как у нас любят особо рьяные исполнители, или вообще не дойти до хунвейбинства, как в Китае, или в России в 1917 году...

А пока перечитайте стихотворение Анны Ахматовой от 1942 года «Мужество». Оно свежо и актуально...

Ольга Рыжикова,
г. Нижневартовск

Что останется главным...

«Слово, обыкновенное человеческое слово, исходящее из уст, – это своего рода «лакмусовая бумажка», по которой определяются как здоровье, так и нравственные недуги личности, её болезни, позволяющие заглянуть в сокровенные глубины души, и сделать всё тайное явным».

Протоиерей Артемий Владимиров

«Берегите Слово – этот дар эволюции».

Учение Живой Этики

«Не случайно Священный огонь из Храма Воскресения в Иерусалиме, доставленный на русскую землю в 1992 году после 79-летнего перерыва, был зажжён у памятника Кириллу и Мефодию в Москве на Славянской площади...».

«Слово есть огонь – говорит Учение Живой Этики. – Каждое слово – это вспышка огня, бегущего по нервам. И невидимая сторона производимого слова глубже, шире и затрагивает все структуры человека – и плотные, и тонкие. Самый звук производимого слова заставляет вибрировать нервную систему говорящего, и если этот звук дисгармоничен, то в вибрации ауры вторгается диссонанс, нарушающий её колебания...».

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... И всё через Него начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков... И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» – так говорит нам Евангелие от Иоанна о сути Слова.

На Востоке Слово считалось приобщением к Божественному Откровению и было единственным аргументом для просветлённого Будды, для пророка Мухаммеда.

Зададим себе вопрос: что же такое Слово? Современный эзотерический словарь говорит нам: «Слово (в переводе с греческого означает понятие «Логос»), Логос – первопричина Космоса, его эфирно-огненная душа, возникающая из Абсолюта. Слово – это ритмический звук, который отразился во Вселенной и выстроил миллионы атомов в разнообразии очертаний и форм, т.е. выстроил материальный мир, идущий от Слова».

Таким образом, Слово несёт двоякую нагрузку: это и материальная категория, но, прежде всего, Слово – духовная субстанция. Итак, чело-

век лишь тогда освоил мир, доверенный ему Богом, когда для каждой вещи нашел своё Слово, всё назвал по имени. Не названное, для человека не существует. И, как следы на окаменевших песках от волн давно исчезнувших морей, в словах, в грамматических формах, во всём строе языка запечатлела свой образ душа народа, закрепив в нём свои представления о мире. Словом не только обозначают предмет, действие, событие, явление, но и называют саму Речь, Язык народа. Слово живёт везде: в речи людей, в рукописях и книгах, в словарях и справочниках, в журналах и газетах, на театральных подмостках. Оно вездесуще и всемогуще...

Если Слово, Логос – Великий Духовный Творец, то вся его энергия неминуемо должна быть направлена на деяния во благо Человека и Человечества. Как носитель Божественной искры Создателя, как создание по образу и подобию Творца, человек обладает малой частицей этой силы, находящейся в латентном состоянии. Учение космической реальности – Живая Этика нам говорит, что «Слово – огненная энергия, проявленная с помощью человека из невидимого состояния, в видимое ... Речь как явление огненного порядка нуждается в строгом контроле воли». Это энергия, побуждающая человека к действию, к поступкам и вызывающая в нём и вовне те или иные психические состояния. «Эту сферу огненной человеческой активности следует упорядочить путём понимания того, что ответственен сказавший за каждое слово перед собой и пространством...».

Человек рождается с неограниченной энергией духа, с заложенной устремлённостью к совершенствованию и восхождению. Ребёнок

рождается любопытным, стремящимся к развитию, жаждущим познать мир... Человек взрослеет, находит своё место в обществе и часто останавливается на этом, суэта обыденности поглощает человека и с каким трудом люди меняют что-либо в себе и своей жизни! Но закон жизни известен: стоять, значит двигаться назад. Если мы решаем, что мы уже всего достигли, и наше знание окончательно, – мы перестаём расти, застаиваем. Представим, что человечество отказалось бы вслед за Коперником и Галилеем оставить греющую наше самолюбие веру в то, что Земля находится в центре мира. Чем бы занималась после этого наука и какова была бы тогда судьба человечества?..

Задумываясь о Слове, родном языке, мы становимся подобны рыбам, пытающимся уяснить себе свойства воды. Рыба не может жить вне воды, и человек не может оставаться человеком вне языка. Родной язык, Слово для личности человека подобно воздуху для его тела. На языке мы думаем, общаемся, творим, принимаем решения, и если отсутствие воздуха – угроза жизни, то не умение владеть языком, убогость речи – угроза личности.

Родной язык не выбирают, как не выбирают мать, отца, место и время рождения. Но именно то, чего мы не выбираем, во многом определяет нашу судьбу. Счастье или несчастье человека зависит от взаимоотношений с близкими людьми, и взаимоотношения с родным языком. Тот, кто косноязычен, плохо говорит может проститься со специальностями, требующими работы с людьми, такие профессии в современном мире пока ещё очень востребованы. Если человек неграмотен, не может написать и строчки без ошибки, для него недостижимо высшее образование. Для такого человека слишком сложным, а значит неинтересным будет любой содержательный текст, для него не существует литературы. Неспособность воспринимать и анализировать тексты делает человека беззащитным перед напором ложной информации и политики.

Самая большая ценность народа – его язык. Русский язык – один из совершеннейших языков мира. Язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX столетии лучшую в мире литературу и поэзию. О красоте русского языка много сказано великими писателями и поэтами. Огромный и великолепный мир русского языка – наше национальное достояние. Русский

язык является одним из фундаментальных факторов, объединяющих многонациональный российский народ, определяющих его самобытность и жизнеспособность, и имеет огромное значение не только для Российской Федерации, но и для мировой цивилизации. Укрепление позиций русского языка является стратегическим национальным приоритетом Российской Федерации. Беспрепятственное распространение сквернословия и катастрофический упадок культуры речи в обществе неизбежно ведёт к деградации русского языка, к его угасанию как великого мирового языка. По сути, это духовная война с целью лишить нас этого величайшего богатства, доставшегося русскому народу от предков. Те, кто принял для себя мат, как языковую норму, не задумываются над тем, какую страшную работу по разрушению нашего национального достояния они проводят. Правильная и красивая речь – один из главных признаков сознательного человека. Привлечение внимания к проблеме состояния культуры разговорного русского языка, чистоты, грамотности и культуры речи – одна из острых, ключевых проблем, волнующих не только специалистов и филологов, но и каждого уважающего себя человека, гражданина, патриота своей страны.

В романе-антиутопии английского писателя Джорджа Оруэла «1984» людей стараются лишить свободного владения языком, чтобы они перестали мыслить, любить, принимать решения. Человек, плохо владеющий языком, не имеющий должного словарного запаса, не может ни определить своё мнение, ни выразить его. Он не найдёт понимания, поскольку не владеет языком в должной мере. Тонкий юмор, словесное творчество, общение, самоанализ – навсегда потерянные для него богатства.

Из Учения Живой Этики мы узнаём, что Слово – огненная энергия, проявленная с помощью человека из невидимого состояния, в видимое: «Речь как явление огненного порядка нуждается в строгом контроле воли». Это энергия, побуждающая человека к действию, к поступкам и вызывающая в нём и вовне те или иные психические состояния. «Эту сферу огненной человеческой активности следует упорядочить путём понимания того, что ответственен сказавший за каждое слово перед собой и пространством... Слово не исчезает, но остаётся в Пространстве

как огненный знак, связанный нитью со своим породителем».

Слово – это обоюдоострый меч, который может просвещать, помогать, освобождать, строить, но также обманывать, вредить, клеветать, унижать. Слово – это сила, соединяющая, или разъединяющая людей. Каждое доброе, мудрое слово живёт в сердцах людских и приносит благие плоды на долгие годы.

Не случайно прогрессивный американский писатель-фантаст Рей Брэдбери в повести «451 градус по Фаренгейту» раскрывает страшную картину жизни там, где чрезмерный перевес в сторону технического прогресса извратил смысл человеческого существования: личность становится придатком, рабом машинного монстра и гибнет нравственно. И, как следствие, начинается гонение книг, преследование и физическое истребление произведений культуры. Фактически уничтожается Логос – начало начал всего сущего. И лишь небольшая кучка людей, обнищавших, голодных, но сохранивших в сердцах Веру в Священность Логоса, скрывается в лесах от преследователей. Эти люди заботятся не о собственной безопасности, а о будущих поколениях, которым они обязаны сохранить нравственные и культурные ценности, заложенные в гениальных творениях мыслителей, писателей, поэтов и художников. Содержание этого богатейшего наследия каждый из них запоминает по частям, по главам, чтобы передавать их будущим поколениям, тем самым открывая им путь к дальнейшему духовному обогащению и развитию и преграждая дорогу к пещерному существованию. Они запоминают, чтобы уберечь для человечества

этот высочайший дар – Логос. Писатель предупреждает и как бы предвидит, к каким трагедиям может привести отставание нравственного взросления человечества.

Учение Живой Этики, данное для современного человечества, говорит о важности правильного мышления, связанного с состоянием сознания человека: «К сожалению, миллионы лет земного существования недостаточны, чтобы человек раскрепостил своё мышление. Искусство мышления отринуто, и нигде о нём не указано в школах... Можно видеть, что самые ужасные бедствия в истории человечества происходили от неумения мыслить. Можно найти множество примеров, когда расплывчатое мышление и необузданные чувства вели к пропасти целые народы. С другой стороны, лень мышления и тяжкодумие разрушали уже сложенные возможности... Нужно освободить познание, чтобы Новый Мир мог создаться».

Человеку дан разум, помогший создать письменность, книги, чтобы человек существовал не только сегодняшним днём, а знал и помнил своё прошло, начиная с доисторических времён, и жил с устремлённостью в Будущее. Письменность помогла создать человеческую культуру, понимаемую как почитание Света. Начиная с клинописи, иероглифов, условных знаков, воссоздавалась история развития письменности, которая сегодня находится в фазе нового витка перехода на компьютерную технику и ИИ. Что же остается главным? Техника или человек? Конечно Разум, проявляющийся через Слово, озвученный Словом, которое должно быть полно Благодати и Истины.

Владимир Волковец,

г. Советский

СЧАСТЛИВОЕ НЕГОДОВАНИЕ

Трижды со мной случалась неприятная ситуация, связанная с тихой охотой, но, правда, с разными людьми. Приедем в лес за грибами, разбежимся в разные стороны по сосняку. Мой напарник, побродив по лесу, наполнив корзину, выходил на шоссе, ловил попутку и благополучно уезжал в город, домой, никаким образом не предупредив меня.

Что мне делать?

Я жду возле машины, библикаю, аукаю, ору, бегаю встревоженно по лесу, спрашиваю всех

встречных: не видели ли вы, не встречали ли вы? Где же мой грибник? Может попал в беду, заблудился? Сердечный приступ! В лесу всякое может случиться! А у него ни еды, ни спичек, да и одежка так себе. Снова накручиваю круги по сосняку, ору до хрипоты. Напрасно.

В конце концов, отчаявшись, решаюсь ехать к нему домой, рассказать родным и близким о случившемся, позвать на помощь.

И трижды мои пропавшие приятели-грибники сидели дома и с удовольствием потягивали чаёк, не догадываясь о моих мучениях-страданиях. Как я должен поступить? Да никак. Радость от счастливого исхода мгновенно растворяла негодование.

Маленькая проза

Ольга Павловна Мазепина,
преподаватель, концертмейстер Томского
муз. колледжа им. Э. В. Денисова,
Лауреат премии Губернатора Томской области за
достижения в области культуры и искусства,
Дипломант Международного и
Всероссийского конкурсов.

Фортепианные пьесы

К. М. Лакина:

*краткие методические
рекомендации для исполнителей*

Проблема обновления детско-юношеского педагогического репертуара всегда была актуальной для преподавателей по классу фортепиано, особенно сейчас, когда происходит модернизация музыкального образования. Наряду с изучением классического академического репертуара очень важным является расширение музыкального кругозора юных пианистов через изучение и исполнение произведений современных композиторов. В постоянно меняющемся мире новые веяния касаются и музыки. Композиторы чутко реагируют и отражают в своём творчестве дух времени, музыкальное мышление эволюционирует, формируется новый музыкальный язык. Это касается мелодии, гармонии, ритма, формы и т.д.

Перед преподавателем по классу фортепиано стоит очень важная экспериментальная задача в области репертуара – «открытие» новых пьес современных композиторов и «донесение» их смысла, содержания, чтобы заинтересовать учеников.

Целью данной статьи является обзор новых фортепианных пьес томского композитора К. М. Лакина «24 прелюдии для фортепиано». Хотя пьесы редко исполняются, но они заслуживают самого пристального внимания. Это ценная сокровищница романтического и современного фортепианного искусства, и, что очень важно, – прекрасный материал для учебного репертуара.

Художественное исполнение этих разнохарактерных, современных пьес-миниаюр требует от пианиста настоящего профессионального

мастерства. Автор данной статьи соприкасалась с вокальным творчеством Константина Михайловича как концертмейстер, в течение многих лет работая с певцами – профессионалами и любителями. Композитор доверил автору статьи исполнение своих некоторых фортепианных миниатюр, в том числе цикл «24 прелюдии для фортепиано», которые послужили материалом для данного наблюдения. Процесс исполнительского постижения раскрыл столько изумительных красот в этой музыке, что побудило поделиться субъективными впечатлениями и мыслями. Основу статьи составляет анализ пьес и краткое раскрытие их содержания. При этом добавляются исполнительские комментарии.

Имя современного томского композитора Константина Михайловича Лакина (1940-2021) широко известно не только в Томске и Томской области, но и далеко за их пределами. Он был первым на томской земле членом Союза композиторов России, имел звание Заслуженного работника культуры РФ, был кавалером Ордена Дружбы народов. Его имя занесено в Книгу Почёта Сибири за творческий и педагогический вклад в современное музыкальное искусство.

2025 год – юбилейный для К. М. Лакина. Музыкальная общественность Томска почтила память композитора концертами его музыки, посвящёнными 85-летию со дня рождения. Многочисленные сочинения композитора включают симфонии, концерты, квартеты, трио, произведения для симфонического оркестра и ансамбля скрипачей, песни и романсы.

Исследователи, музыковеды творчества К. М. Лакина отмечают романтические тенденции в его творчестве. Воображение композитора питали и красота природы, и лирическое восприятие окружающего мира, и глубина человеческих чувств. Он почитал традиции мастеров классического прошлого, но, вместе с тем, его сочинения звучат по-современному. Лакинские эксперименты сочетания классических принципов с модернистскими, «авангардистскими» показывают, насколько свободно он обращается то к классическому, то к романтическому, то к современному стилям музыки.

Прелюдии создавались К. М. Лакиным на протяжении двух лет: 2016-2017 гг. И сразу же Областной «Дом искусств» выпустил сборник тиражом всего 55 экземпляров. Приведу предисловие композитора к прелюдиям: «Прелюдия» – это «предигра» – вступление к чему-либо. Но, начиная с Шопена, прелюдии становятся самостоятельными пьесами-миниатюрами. Прелюдии (их 24) чаще всего располагаются по квинтовому кругу. Мы знаем прелюдии Шопена, Скрябина, Лядова, Рахманинова, Шостаковича... Рискнул и я создать этот цикл. Прелюдии имеют разное содержание – есть прелюдии игривые, печальные, торжественные, драматические, даже трагические. Я предполагаю, что большинство из них будет исполняться силами учащихся колледжей, а часть из них можно исполнить детьми детских музыкальных школ» [1, с.3].

Константин Михайлович был удивительным человеком. Романтик в душе, наделённый огромным талантом музыканта и композитора, он ещё увлекался литературным сочинительством: писал стихи, фантастические рассказы. Их сюжеты – отмечал автор – он видел во сне. Свои литературные произведения К. М. Лакин представил и автору статьи и исполнителю. Прочтение рассказов и стихов ещё глубже позволило понять его внутренний мир, а вместе с ним и музыке. Захотелось предпослать каждой прелюдии эпиграф из стихотворных строк композитора, поскольку они уже сами по себе представляют большую ценность в создании внутреннего настроения для исполнения. И Константин Михайлович весьма позитивно воспринял эти рекомендации и согласился буквально воссоединить свои стихотворные строки с соответствующей музыкой. Поэтические эпиграфы Константина Михайловича подкупают своею искренностью,

будят воображение, помогают понять содержание и настроение, а значит, «включить» исполнителю нужное эмоционально-психологическое состояние.

А эмоциональный и содержательный строй прелюдий К. М. Лакина чрезвычайно многообразен. Его музыкальный язык наделён неожиданными поворотами в музыкальном развитии, по-современному звучащими диссонансами, моментами гармонической полифункциональности, переливами натуральных ладов. Преподаватель теоретических дисциплин в Томском музыкальном колледже Н. И. Ширяева так охарактеризовала музыкальный стиль композитора: «...характерные «лакинские» черты стиля: это, прежде всего, синтез философской углублённости и «смакование» красочности гармоний, это «тихий» восторг от красоты «пейзажных» образов и зловещее звучание «роковых» мотивов, это сочетание русского колорита и европейских приёмов музыкального развития» [2, с.13].

Кроме того, Ширяева отмечает склонность композитора к меланхолическим образам, отсутствие банальности, «избитых» интонаций. Самобытность, поэтическое воплощение природы в музыке, национальный колорит, внутренняя динамика музыки у Лакина во всём: в красоте гармонии, где неожиданные отклонения, нонаккорды, эллипсисы, доминантовые аккорды «с секстой», политональные структуры и полифункциональные, диссонирующие созвучия, как «авангардистские» средства выразительности.

Обратимся к музыке прелюдий К. М. Лакина, каждой из которых предпосланы автором статьи поэтические строки самого композитора.

Первая прелюдия, до мажор – это своеобразный пролог к циклу, явно связывается со следующими стихотворными строчками: «Я грежу волшебным июнем, / Июнь – это лучший месяц, / Он самый светлый, счастливый, / Он самый лучший месяц».

Светлая миниатюра повествовательного характера с мелодией широкого дыхания в благостном До мажоре. Отклонения (ля и ми минор) создают колорит светло-грустного очарования. В данной фактуре основной задачей ученика-пианиста будет не только выразительное проведение мелодической линии с учётом агогики, но и концентрация на колоритно-обертоновой атмосфере звучания: осмысление всех слоёв фактуры тембрально-полифонически и выявление

их средствами артикуляции, динамики и красочной педализации.

Меланхолическое настроение прелюдии № 2, ля минор, выражено средствами минорного лада, монотонно покачивающейся трёхдольностью, пустотами квинт, ниспадающими, ниспадающими мотивами. Но особенно – хрупкостью гармоний широкого расположения в нонакордовых созвучиях. На таком диссонирующем акустическом фоне рисуется картинка тоскливого настроения от холодного, мелкого дождя в осенний день. Обилие нон, тритонов «скребёт душу»: «Смутный сон, мою тоску развей, / Свистом, шорохом снежных хлопьев. / Закружи, умчи в далёкий отзвук несбывшегося...».

Есть неожиданности: появление «темноватого» аккорда фригийского колорита в 15 такте (пониженная 2-я ступень – си-бемоль). Основная исполнительская задача – правильное расслоение элементов фактуры для создания хрупкой звуковой атмосферы. Педальная окраска меняется в основном через два такта.

«Утреннее пробуждение» – так можно охарактеризовать музыкальную зарисовку прелюдии № 3, соль мажор: «Светлое Утро настало – / С солнцем и птичьим пеньем, / С белыми облаками, / Чтобы вы тоже пели / Сердцем и душой, / Пели бесцельно, как птицы...». «Солнечная» тональность Соль-мажор символически «изображает» первые лучи восходящего солнца, нисходящие мотивы – пение и перекличку утренних петухов. Юным пианистам в 1-м и 3-м, 18-м и 20-м тактах целесообразно нисходящий мотив исполнять левой рукой.

В прелюдии № 4, ми минор, удивительно нежные и ласковые интонации мелодии широкого дыхания окрашены русским колоритом: «...ты, песня-кристаллик, / Вспорхнёшь и облачком летним / Всё выше вдаль понесёшься, / И скажут, следя за тобою: / «Вот облачко, с песнею схоже...». Полны выразительности и чудесной красоты тональные отклонения, секвенции, натуральные лады (фригийский – т.т. 21-25), двойная доминанта 28-го такта, плавно переходящая во фригийское мелодическое трезвучие, каноническая имитация. Ученику-пианисту можно предложить инструментовать голоса, создавая каждому индивидуальную тембровую окраску.

Характер прелюдии № 5, ре мажор, шуточный, игривый и, пожалуй, это самая «детская» пьеса в цикле. «Люди! Вы ведь всегда лишь дети

/ Вы ведь во всём – только дети! / Не странно ли слышать вам это, / Дети, забывшие детство?». В ритмике есть явное сходство с шуточной детской пляской, с притопами, прихлопами и т.п. Темп Andantino, обозначенный композитором, по своим характеристикам близок allegretto, т.е. оживлённый, игривый.

Во всех танцевальных пьесах важно правильное ощущение метрических долей. Здесь же важно почувствовать «притоп» на слабой второй доле, которую композитор обозначает *tenuto* (-). Педагогу очень важно раскрыть ученику красоту гармонического языка композитора и тщательно проработать авторские штрихи.

Особая трогательность, доверительность, переживание присущи мелодическим интонациям прелюдии № 6, си минор, двухчастной по форме. Её можно представить как соло для виолончели и фортепиано. «Вы притаились, люди. / Где-то в душе глубоко, / У каждого еле слышно / В вас сожаленье плачет». По своему содержанию и меланхолическому настроению пьеса перекликается с прелюдией Шопена си минор. Но, в отличие от западно-европейской шопеновской, в прелюдии К. М. Лакина исполнитель слышит русский колорит.

Живая, светлая, «журчащая», как ручеёк, музыка ля-мажорной прелюдии № 7 написана в вальсообразном движении. «Есть на свете озеро, / Озеро лесное. / Из него ручей бежит / Тихой светлой струйкой». В пьесе как будто реально видна игра света и тени. Особенно теневые настроения присущи средней части. Музыка изобилует колоритом натуральных ладов, придающих особенную «русскость» окраске звучания. Можно указать такие звукоряды и в этой прелюдии (т.т. 17, 26, 30, 38). Задачами исполнения являются: проработка мотивной структуры партии правой руки, где первые два такта представляют цельный восходяще-нисходящий мотив, в третьем и четвёртом тактах происходит дробление, т.е. схема такая: 2+1+1. Очень важен правильный, удобный выбор аппликатуры, позволяющий справляться с довольно сложной техникой партией правой руки.

Прелюдия № 8, фа-диез минор, представляет собой очень маленькую пьесу с печальными вздохами парных лиг. «На землю падает снег. / Усталость. / Она всегда со мной...». Пьеса написана в размере 3/8. Структура очень проста: 8т.+4т.+4т.+4т.+4т. = 24 такта. Ученику-пианисту

важны навыки владения средствами «переживания» содержания этой прелюдии: выразительными цезурами, *rubato*, микроагогикой, микродинамикой, звуковым балансом, которые позволяют выявить подлинную музыкальность исполнителя.

Самая «авангардисткая», по выражению Константина Михайловича, прелюдия № 9 Ми- мажор. Диссонансы больших септим и полигармонических созвучий «рисуют» таинственно-фантастические образы. «Привет вам, снежные вершины! / Сверкающие гор алмазы! / Слепящая глаза – мои глаза живые, / Хрустальная громада льдов! / Как я хотел бы превратиться / Во льдину, что плывёт весною большой водою по реке...». Прелюдия 2-хчастна по форме. Очень интересна вторая часть, где неожиданный поворот связан с затаённым появлением неизвестного, «пугающего» образа (с такта 23), наполненного диссонансной гармонией с обилием тритонов, септим, увеличенных трезвучий, септаккордов и вдруг – «просветлённый» Ми-мажор в конце. Роль педали в создании обертоновой акустической атмосферы здесь велика, особенно во второй части, где педаль удерживается на протяжении трёх тактов (т.т. 28-30). Очень важно правильно тембрально «смонтировать» звуковую вертикаль, придав более острый и светлый колорит верхнему голосу, а басу – приглушённость и глубину.

Упоительна по красоте музыка прелюдии № 10 до-диез минор – одной из самых чувственных в этом сборнике. «Я пришёл из светлой дали, / Где весной / Ивы почки распускали / Над водой. / В глубине небесный ветер завывал, / Гордый ястреб свои крылья раскрывал. / Я принёс в душе свободной мир простой. / Он сиял во мне холодной чистотой... / И приснился сон мне странный: / Между скал / В сером небе из металла /

Пик стоял... / На вершине того пика / Был кристалл, / И в лучах багровых жарко / Он сверкал. / Вверх! К нему меня тянуло. / Я полез по стальной горе с другими / До небес... / К прежней жизни возвратился я опять, / Но зачем-то стал я часто тосковать». Пьеса лирического настроения, глубокого размышления, фактура с полифоническим развитием. Перекликается с прелюдией № 6 по внутреннему содержанию. Но в отличие от «виолончельного соло» шестой прелюдии, здесь инструментовку можно представить как дуэт виолончели и скрипки. Пианист, особенно юный, должен ясно представлять и слышать тембры этих инструментов, уметь имитировать их на фортепиано средствами артикуляции и динамики. Исполнительские задачи связаны с навыками игры кантилены и полифонической дифференциации фактуры.

Прелюдия № 11, си мажор – это миниатюра с чертами хоральности. Первые две четырехтактные фразы строятся по принципу вопроса и ответа в мелодии верхнего голоса. «Ты пройдёшь сквозь время, / И остановится круг, / И ярче зацветятся звёзды / На бледно-синем небе – / Это рассеется мгла / Перед зарёю Утра». Неожиданное сопоставление гармоний в 9-м такте привносит контраст. Ля-бикар в басу (миксолидийский лад) уводит в отдалённые гармонические сферы с просветлением в т. 12 и архаичным колоритом плагального оборота (т.т. 15-16). Думаю, «главное слово» в этом фрагменте следует предоставить среднему голосу (ми – фа – ля-бемоль – соль), как образному символу баховского круга-креста.

Шарманочный мотив прелюдии № 12, соль диез-минор, становится основой этой меланхолической пьесы, 3-частной по форме. «Я куда-то иду без дороги, без света, / Без желанья себя уберечь от беды, / Забывая дожди, что не выпали летом, / Когда поле просило воды, / Забывая, что встретиться с парусом алым / Можно вдруг, вдалеке от морей и от рек / Я, как путник в ночи, бесконечно усталый, / Без надежды и прав на ночлег...». Печальная, чистая, спокойная, «осенняя» песня как бы покачивается на триольном аккомпанементе.

Прелюдия № 13, фа-диез мажор, представляет собой воздушную арабеску с ощущением «лёгкого ветерка» в мелодико-гармонических фигурациях. Импрессионистическая зыбкость, игра света и тени в ладовых переливах средней

части, эллиптический оборот (т.т. 23-24), создают колорит, наполненный умиротворённостью, подобный светлому, прозрачному сну. «На тихую воду шары голубые спустились / И тихо стояли, и пели мне что-то, живые» / (Эфемериды). Юному пианисту важно почувствовать лёгкие, падающие, «воздушные» пальцы с очень чуткими кончиками в технике *leggiere*. Партия левой руки «рисует» гармонический фон, окрашенный pedalю.

Тревожный и драматический характер прелюдии № 14, ми-бемоль минор – как тяжёлое «предгрозовое» состояние. Его композитор передаёт обилием диссонансов, стонущими сползающими секундовыми мотивами верхнего голоса. Восходящие мотивы (т.т. 5 и 7), подобно порывам ветра, рождают волю, настойчивость к преодолению. «Мучительно страшно и жутко, и грозно / Тоскливое тянется время... / Я холодом скован, глаза мои стынут / И серое небо висит, издеваясь, / И стонет, как прежде усталое сердце...». Ученику очень важно понять фразировку: 4-х тактные фразы, по два мотива в каждой. Интонирование мелодии верхнего голоса позволит почувствовать нить напряжения.

Прелюдию № 15, ре-бемоль мажор, отличает острота фактуры, оживлённый темп. Игривый, даже эксцентричный характер позволяет говорить о чертах скерцозности. Лишь в средней части «жалобный характер» лиг и «обиженных» тритонов (т.т. 37-40) передают другое эмоциональное состояние, которое скоро опять сменяется скерцозностью. «Услышал я трепет, увидел я горы / И солнце над ними... / И солнце согрелось улыбкой! / ...Ко мне приближалось, меня ослепило, / Во мне засияло – и солнце согрело, / Услышал я голос, зовущий из дали... / Я встал и, как прежде, наивный и сильный, / Пошёл я туда, куда звало и крепло...». Исполнительские задачи связаны с тщательной проработкой штрихов и осмысления их характерности.

Ностальгия, печаль, размышление определяют настроение прелюдии № 16, си-бемоль минор. «...И свежесть иллюзий навеки хранило / Слепое, как волны, седое, как пена, / Любви далёкое слово». Сама трактовка «мягкой» тональности си-бемоль минор ещё со времён барокко имела печальный смысл. К тому же, обилие пустых квинт в мелодии, октав, секст, тритоновых и секундовых интонаций, сообщают остроту и напряжение, связанных с грустью-тоской. Средняя

часть в параллельном ре-бемоль мажоре (Poco più mosso) привносит нотку тепла, ассоциирующуюся со светлыми воспоминаниями. Нельзя не вспомнить настроение Наташи Ростовской перед своим первым балом. Трепетность и иллюзорность ощутима в диссонансных созвучиях 26 и 28 тактов.

Весеннее настроение прелюдии № 17, ля-бемоль мажор, передаёт как будто и журчание ручьёв, и птичий щебет, и игру солнца. «Струится, льётся тихий свет, / Свет перемен, свет перемен». Очень поэтичная, утончённая, восторженная, и в то же время изящная по характеру музыка прелюдии, потребует от исполнителя виртуозности, пассажной лёгкости, гибкой динамической филировки звука, умения дифференцировать фактуру.

Характер прелюдии № 18, фа минор, драматичный, динамика контрастная, кульминация до двух форте (FF, т.14) с резким спадом до *piano*. Ассоциации уводят к прелюдии до минор Ф. Шопена. «Поток весенний похож на осень, / Он грозен, бурный ночной поток. / Я это знаю, но верю в чудо: / От сердца к сердцу прольётся ток, / Ток алой крови и белых лилий, / Они пленяют и навсегда...». Аккордовая по складу музыка ставит перед пианистом задачи динамического и артикуляционного выявления многослойности линий и тембров для создания объёмности звучания фактуры. Это всегда непростая задача, особенно для юных пианистов.

Отголоски сентиментального вальса слышатся в чувствительной, душевной мелодии прелюдии № 19, ми-бемоль мажор. Задумчивое, грустно-мечтательное настроение свойственно жанру элегии. «...Я долго-долго странствовал, / И позабылось многое, / Что было мне так дорого, когда я дома жил... / Но хмурым ветром-холодом / Однажды вдруг повеяло, / И вспомнил я о Севере / И о печальных кустиках, / О том, что было дорого, / И снова возвращается в холодную, усталую, / Измученную грудь. / И грустно вдруг мне сделалось, / И я подумал: / «Кустики, далёкие и старые, / Я снова к вам вернусь!» / И вот я дома. / Солнышко всё так же освещает их, / И листики колыхнутся / На злом ветру опять. / «Сирень, – сказал я, – милая, / Сирень моя прекрасная, / Сирень, как я, несчастная, / Я так люблю тебя!». Стихотворение К. М. Лакина «Северная сирень» удивительно созвучно содержанию этой прелюдии. Ассоциации уводят к рахманиновской

«Сирени». Исполнительские задачи пианиста связаны с умением «петь на фортепиано», т.е. с кантиленой. Очень важна полифоническая «инструментовка» голосов и подголосков фактуры.

Характер прелюдии № 20, до минор, довольно озорной, полон неожиданных поворотов в развитии. Скерцозное обыгрывание наивных тем в

сменяющихся регистрах, темп *allegro*, молниеносная смена динамики, неожиданные «обрывы» в паузы требуют от пианиста не только реактивности, но фантазии и воображения. «Стремиться, мчаться мыслью вдаль, / В хрустальный мир, где всё горит, / Где плавится в огнях металл, / Цепь алых лепестков дрожит...». В техническом отношении пьеса довольно сложна. Проработка штрихов, особенно парной лиги и двойных нот, требует острых, цепких, лёгких пальцев. «Оркестровка» фактуры представляется довольно интересной, наполненной почти конкретной изобразительностью, и её обязательно надо проработать по «инструментальным партиям».

Маршеобразная прелюдия № 21, си-бемоль мажор, исполненная энергии и юношеской восторженности, звучит оптимистично, в стиле марша-гимна. «Всё это вашей Судьбою / Каждому в сердце стучится, / Каждому в память впадает». Яркому, динамичному маршу приданы гротескные очертания с обилием диссонансов и яркой динамикой. По характеру эта прелюдия перекликается с музыкой широко известного марша С. С. Прокофьева и с 7-м номером «Строители» из вокального цикла «Поэтическое настроение» К. М. Лакина на стихи Г. Лонгфелло. Исполнительские задачи, связанные с жанровой спецификой марша, на первый взгляд кажутся элементарными. Но, чтобы добиться чеканного ритма, маршевой бодрости характера, требуется «воспитать» навык острых пальцев для стаккато в аккордах правой руки и чёткую арти-

куляцию, чтобы передать «фанфарность» интонаций в мелодии левой руки.

Прелюдия № 22, соль минор, по характеру изысканная, утончённая, мечтательная. Её жанр можно определить, как что-то вроде вальса. «...Я грежу волшебным июнем, / Грежу, засыпая...». Написана в свободной импровизационной манере. В средней части пьесы (*piu mosso*) уловим трепет восходящей мелодии, мечтательной и хрупкой.

В моторно-двигательном отношении прелюдия № 23, фа мажор, является одной из самых сложных в цикле. Токкатный тип фактуры, темп *presto* требуют от пианиста отменной артикуляции, очень цепких кончиков пальцев, свободных кистевых бросков. «Чистый, белый, смелый, / Ты мчишься, на льду скользя, / Ты крутишь ногой, а звёзды / Висят и поют. Смейся!». В маленькой пьесе много технических трудностей: скачки, почти без передышки бегут стаккатные терции, повторяя интонационное ядро пьесы. В аккордах, где происходит смена позиционных форм, нужна большая ловкость. Исполнение пьесы предполагает обладание отличными ритмическими способностями, двигательной автоматикой – и всё на динамике форте. Состояние постоянного длительного движения воспитывает выдержку, волю дойти до конца. Это серьёзный психологический настрой, необходимый пианисту-исполнителю.

Для пианиста прелюдия № 24, ре минор, является самой сложной в психологическом отношении. Она трагична по содержанию. «На землю падает снег. / Усталость. / На землю падает снег. / Я вспомнил не этот снег. / Я вспомнил другую усталость, / Я вспомнил – от синих туманных зорь, / От жарких и знойных дней, / От тёплой капли с крыш весной, / От вьюжистой злой метели – / Усталость – море огней и лиц, / И тёмные мачты гор, / И стаи огромных белых птиц, / Парящих в вышине... / На землю падает снег. / Усталость. / Она всегда со мной, / Усталость мне слышится в шуме елей, / И жалок весенний смех. / На землю падает снег. / Усталость...».

Бесконечная глубина смыслов, их образно-интонационный строй делают динамичной и непредсказуемой трансформацию фактуры. При этом она удобна для пианиста, но её изгибы, неожиданности требуют долгого привыкания. Однако, самая большая сложность – в акустическом воплощении фактурных пластов.

Начинается прелюдия с остигатного звука «ля», пульсирующего триолями. Эта пульсация подобна нерву, проходящему сквозь всю ткань пьесы. На этот «нерв» нанизывается ниспадающий мотив «усталости» (т. 2, 4), «обрастающий» (т. 9-12) диссонансными созвучиями. В 15-м такте появляется новый мотив в партии правой руки, который противостоит мотиву «усталости». Возникает противоборство (т.т. 17-18). Этот фрагмент насыщен кластерными гармоническими красками. Жёсткие диссонансы, упрямые акцентированные триоли, синкопированная октава «фа», регистровый взлёт, окрашенный единой педальной звучностью, создают очень тревожное звуковое пространство, внезапно обрывающееся на фермате. После большой цезуры, на центральной кульминации пьесы динамика достигает высшего накала (до двух форте). Взмолнованный, стремительно восходящий поток стаккатированных триолей и дуолей в диапазоне пяти октав, представляет собой сплав тем 15-16 тактов, смысл, которых – преодоление их противоборства. Метафорическое «возгорание пламени» в кульминации и его «затухание» в ниспадающей фазе с ударами октав «ля», оживлённых внутри трепещущими триолями нисходящих тритонов, подводит к фермате «ми» (т. 23), с отголоском в 24-м такте. Смысл фермат – «обескрыленность» и острое одиночество. Доминантовый предъикт, – динамически филируемое «ля» на протяжении четырёх тактов, перед возвращением основной тональности, – воспринимается как момент некой истины, как внутреннее смирение. Возвращение первоначального мотива, преобразование темы кульминации из стремительной, взмолнованной в просветлённую, растворяющуюся в выси, приводит к полной отрешённости. В 42-44 т.т. в аккордах доминанты и тоники ре минора слышится «роковой» оттенок. Всё заканчивается одинокой тоникой «ре» контроктавы.

В заключение хочется сказать, что исполнительская презентация цикла прелюдий состоялась 12 декабря 2018 года в Хрустальном зале Томского музыкального колледжа имени Э. В. Денисова, на которой присутствовал композитор. Отклик слушателей, выраженный в восторженных аплодисментах, свидетельствовал о большом успехе сочинения.

В рамках одной статьи невозможно охватить всё многообразие прочтений, возникающих в связи с циклом «24 прелюдии для фортепиано» К. М. Лакина. Художественное и содержательное осмысление этих новых, замечательных пьес-миниатюр – процесс бесконечный, и автор не претендует на полное их освещение ни в коей мере. Кратко можно остановиться на некоторых формах творческой работы с пьесами цикла, которые могут быть самыми разными. Например, концертное исполнение цикла прелюдий целиком силами группы учащихся. Такой концерт может быть музыкально-поэтическим, со стихотворными «вставками» самого композитора. Творческая фантазия педагога и ученика здесь может быть нескончаемой. От педагога такая работа потребует огромной душевной отдачи, интеллектуальных и эмоциональных затрат энергии. Такое стремление к новым знаниям, постоянному обогащению слухового опыта непременно окупится художественным наслаждением от общения с музыкой нашего выдающегося земляка – композитора К. М. Лакина, через творения которого педагог приобщает ученика к миру духовных ценностей отечественной культуры.

Список литературы:

1. Лакин К. 24 прелюдии для фортепиано. – Томск, ОГАУК «Дом искусств», 2017.
2. Ширяева Н. И. Дело всей его жизни. – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2013.
3. Рыбакова Ж., Лакин К., Бакалдин Г. Семейный альбом. – Томск, 2018.
4. Лакин К. М. Поэтическое настроение. Цикл романсов на стихи Г. Лонгфелло для баритона и фортепиано. – Томск: ЗАО «Издательство научно-технической литературы», 2004.
5. Будников В. В. Тембральная монтировка-маскировка звуков в фортепианной фактуре: синтетический аспект. // Музыкальный альманах Томского государственного университета, 2020. – № 9. – С. 107-118.
6. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры. – М., 1961.
7. Рукописи литературных сочинений К. М. Лакина.

Светлана Сергеевна Мечкова,
г. Новоалтайск

Однажды тёплым осенним днём, в разгар бабьего лета, моя мама поняла, что сегодня наконец родиться её, так задержавшийся от появления на свет, сын Стас. Так как роды были первыми, она точно не ожидала тех сюрпризов, что приготовила ей жизнь. Спустя почти сутки мучений, показавшимися целыми годами жизни из-за рождения, выходящего ногами вперёд ребенка, 9 сентября 1980 года в небольшом городке Алтая, Новоалтайске, наконец-то родилась я – девочка, а не долгожданный Стасик. Вот так я в самый же первый день своей жизни в этом мире умудрилась сделать всё не так, как ожидали все вокруг, как итог – меня полгода так и звали «девочка».

Конечно, спустя время имя мне всё же дали, и именно этому имени я обязана белобрысому пушку редких и жиденьких волосёнок на моей почти лысой голове.

Вот так родилась в СССР очередной ребёнок Союза Светлана. Видимо, то что 9,5 месяцев родители ждали сына, всё же как-то отразилось, или просто характер такой – идти всему наперекор, но всё мое детство в маленьком городке пролетело как у любой шпаны 80-90-хх, драки двор на двор, ночные посиделки у костров во дворах, страшные истории, разбитые коленки, забеги по крапиве на спор, разбитый до кровавой юшки нос, лазанье на крышу многоэтажек и т.д. Но была и другая сторона, мы, дети союза, читали взахлёб, всё, что можно было достать и прочесть. Помимо всего прочего, чтение книг способствовало развитию нашего воображения, подстёгивало мечты и желание воплощать их в жизнь.

В 9 лет моё детство практически закончилось – родители решили развестись, и я оказалась просто ненужной обоим, мой мир рухнул в одночасье. Меня отдали бабушке с дедом со словами, как разберёмся между собой, так заберём, а ты поживи пока тут. Бабушка ничего не разрешала, за всё своевольное ругалась, читать можно было только школьную программу, которая мною была прочитана на годы вперёд, в общем было скучно, если бы не дед. Дед был типичным деревенским мужичком, но когда мы с ним ходили в лес, где он ставил силки на зайцев, или на дачу, где он выращивал овощи, он всегда рассказывал дивные истории про лес, про растения, про животных, про мир. Его сказки на ночь были не из книг, которые я все, как мне казалось, уже прочла, а какие-то новые и интересные. Именно его эти рассказы и подвигли меня, девятилетнюю девчонку начать писать свои уже истории. Это давало выход эмоциям, которые некуда было выплеснуть в тот момент, т.к. бабушка была очень консервативна и строга, – девочки должны быть строго такими, вести себя можно только так, а не иначе и тд и тп.

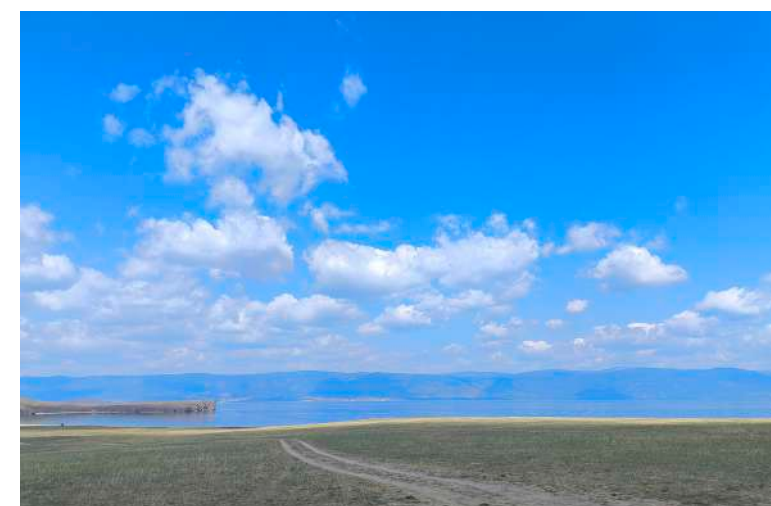
Огромная любознательность, любовь к чтению и нешаблонное мышление позволили мне с блеском закончить школу с уклоном на физ-мат и поступить учиться на программиста в один из Барнаульских техникумов. Почему не институт? Я думаю, что многим из 90-х понятно – там была коррупция и выуживание денег, которых у меня просто-напросто не было. Именно в техникуме, кстати я перестала писать. Как раз из-за той же коррупции и попытках использовать меня себе во благо не очень хорошими людьми, которые высмеивали мои идеи и произведения, параллельно получая за мои заслуги деньги на развитие. Сейчас я работаю IT-специалистом, в одной из госструктур, периодически пишу небольшие заметки для себя и своей семьи. Одна из них – это воспоминания о поездке на Байкал.

Байкал

Это было очень давно... Мне было пять или четыре, точно не вспомнить уже, прошло сорок с лишним лет, но это всё не важно. Это лишь начало истории. Я была маленькой беззаботной девчонкой в ситцевом платьице, и как все, наверное, дети безумно любопытной и любителем всего нового и интересного. Мы, как раз получили новую квартиру после стандартной советской малосемейки, как семья с двумя разнополными детьми – это была, как казалось мне тогда огромная трёхкомнатная квартира на 7-м этаже. Мне и малосемейка казалась вполне себе большой квартирой, где можно было и шалашик построить, укрывшись от всех, и папу с мамой найти в темноте, если стало страшно, а тут такое. Огромная квартира, каждому своя комната – лоджия, из которой можно очень быстро соорудить тайный шалашик для всех моих друзей, балкон, где то же самое сможет делать мой братик, не мешая нам, со своими друзьями. Маму с папой может ночью в темноте если стало страшно и придётся поискать, но это ушло совсем на другой план от воодушевления. Отец в день переезда сделал мне подарок – подарил огромную карту мира и детский атлас с описанием различных интересных мест, карту повесил над кроватью, и со словами: «Изучай! А я буду каждый вечер, перед сном, заходить и задавать вопрос, что это за страна, озеро, река и т.д. и ты должна мне отвечать». Так у нас началась игра в карту. К шести годам я знала все материки, страны, их границы, моря, реки, озёра, горы, равнины, столицы стран и подобное, но больше всего меня поразило за всё это время – как разнообразна моя страна! Она не просто огромна, она ОГРОМНА, это даже не как трёшка после малосемейки, это огромное неисследованное пространство, с кучей приключений, историй и красоты.

Огромный Атлас содержал в себе все самые значимые места мира, с описанием и яркими картинками. Степи с табунами диких коней, пасущиеся на красивейших, будто живых лугах, бурные северные моря, обрушивающие свою дикую холодную мощь на песчаный берег, горы, растущие до небес, зарывающиеся в облака, с шапками снега, который никогда не тает.... Всё это дико подогревало воображение ребёнка и разжигало жуткое любопытство увидеть всё это своими глазами и пощупать своими руками. Именно в этом

атласе я впервые увидела Байкал и прочла о нём.

Детство не зря зовут лучшей порой жизни, детские мечты порою так глубоко остаются в наших душах, что не важно, как глубоко ты погряз в рутине взрослой жизни, они всё равно обязательно выберутся наружу и заставят тебя от неё оторваться.

Байкал. Он так сильно манил меня своей мощью, своей красотой и зимой, и летом, своей прозрачной водой, на сколько видно глазу. Фото зимнего Байкала сразу же вызвали образы снежной королевы и её замка, если она и существует, то только тут! Все эти мысли, детские эмоции, мечты и ожидания – всё это именно тогда отложились где-то внутри меня.

И тут пришли 90-е... Мечты, фантазии, детство, всё это буквально за несколько лет ушло в небытие... Остались только жизнь, работа, учёба, страх, ещё работа. Началась гонка за существование. Появилась семья, дети, маленькие радости детских улыбок, радующихся, тому, что суп сегодня с мясом или новой одежде. Работа. Работа. Работа... Траты. Время бежит, как будто его подгоняют, года летят, болезнь родителей, горечь утрат. Вся эта круговерть – в постоянной гонке за лишней копеечкой, чтобы прожить, лишней минуткой, что бы поспать и отдохнуть, медленно убивает...

Убивает мечты, перестаёшь замечать даже маленькие кусочки счастья, перестаёшь радоваться улыбкам детей, падая от усталости, ты просто тонешь, падая в пучину рутины.

Как следствие обычно приходит болезнь. Меня настигла обычная пневмония, но в горячке с температурой 39,9 и кислородной трубкой мне приснился Байкал, как я купаюсь в нём со всеми своими тремя сыновьями.

Огромные ярко синие волны с белыми барашками пены накатывают на нас, а белые рыжие и серые плоские камешки видно на дне за десятки метров вокруг. Вот так во мне проснулась мечта, проснувшись, я безумно захотела во что бы то ни стало попасть на Байкал.

Прошло пять лет. И вот наконец мы едем! Жаль правда, что только вдвоём с младшим сыном, но остальные просто не решились оторваться от своей рутины, я думаю это пройдёт и в следующий раз они поедут с нами. Два дня в поезде до Иркутска, первый день наслаждаемся нашими Алтайскими красотами – бескрайние поля, сменяющие друг друга, то рапс, то гречиха, подсолнечник, пшеница, то лесные ландшафты.

Вот сосновый лес – сосны все стройные, высокие, иногда перемежаются с осинами и берёзами, такими же вытянутыми в струнку, с тоненькими стволами и кронами наверху. Чуть дальше появляются пихты, ели и кедры, у нас они плотно растут, поэтому худенькие и длинные, издали на предгорьях, полностью обросших ими, смотрятся одним сплошным массивом – тайга.

День второй – Хакасия. Степь иногда сменяется отрогами Алтайских гор и бурными горными реками, небольшие табунчики лошадей, изредка городки. Смотрим в окно и поражаемся красотами степи...

День третий – Иркутск! Весь город посмотреть мы не успели, застали только кусочек центра, но даже он зацепил – узенькие уютные улочки, в которых переплетаются здания и украшения различных эпох, иногда не сочетаемые, но так вписанные в местную архитектуру, что, кажется так и должно быть.

Ангара – отдельная тема, почему-то в детстве мне казалось, что это огромная бурная мощная река, больше нашей Оби, однако в Иркутске она выглядит тихой и спокойной как озеро и прямо в центре города можно легко увидеть, как цапля ловит лягушек! Лениво плавающую утиную семью и не одну, или просто спящую цаплю. Всё это не в зоопарке, а прямо в центре города на Ангаре. Несмотря на то, что Иркутск достаточно крупный город, там нет обычной городской суеты, люди не торопятся куда-то, как во многих крупных городах. С транспортом, конечно, сложнее, благодаря узким улочкам и отсутствием парковок транспортный коллапс присутствует, как и везде.

Едем на остров Ольхон, пейзажи за окном только успевают сменяться, природа вроде та же, но при этом совсем другая, земли тут нет, только песок и камни, вдоль дороги лесостепь, но сосенки все низкие, коренастые и разлапистые, как будто пастухи деревьев из древних сказок, берёзки и осины такие же, полей нет, кругом степь, горы с редкими деревьями, стоящими как часовые, пастбища и стада коров.

Чем ближе к Байкалу, тем меньше деревьев – степь, камни, горы, красиво до жути, но сколько ни фотай, атмосферу не передашь – даже масштаб камера не захватывает. И вот они – Ольхонские ворота! Единственное место, самое узкое, между материковой частью и островом, где можно паромом попасть на остров и насладиться красотами и величественной силой Байкала. Вот она мечта, она уже по сути сбылась – вот она бай-

кальская вода, но пока ещё не те впечатления, но ребёнок уже в восторге: «Мама, смотри, смотри, какая прозрачная! Песок смотри какой, совсем другой!».

Действительно, чувствуешь первое дыхание Байкала! Чайки, огромные как гуси и наглые как чайки. Всю переправу дети от мала до велика кормили их всем чем есть, иногда казалось, что сейчас эти чайки если захотят, с руками у мелких ребятишек хлеб оторвут, но всё обошлось. Всё, мы на Ольхоне, и вот тут мне впервые стало плохо – яркое солнце, сильный Байкальский ветер, чистейший воздух, чистейшая вода, всё это, видимо, вызвало стресс в моём организме, и мне пришлось ухватиться за сына, чтоб не потерять сознание, т.к. в глазах уже потемнело, но его испуг, видимо, придал мне сил и всё обошлось. Дорога до Хужира была недолгой, там нас расселили в номера, ну и все после долгой дороги, конечно же, первым делом пошли в душ. Душ из байкальской воды быстро снял всю усталость и сразу же захотелось всё здесь осмотреть. Как само собой разумеющееся мы начали с пляжа. Спросили дорогу, но в процессе видимо увлеклись и свернули не туда. В итоге, вместо того, что пойти пять минут по обычной проторенной тропе с деревянным настилом, не проваливаясь в песок, шли минут двадцать, проваливаясь в песок, набирая его полные кроссовки, вытряхивая и заново набирая, и вышли к пляжу со стороны леса.

Лес – это отдельная тема, вроде бы те же самые сосны и пихты, редко берёзки, но это совсем не так. Эти деревья как сказочные персонажи – вот Сосна-леший – маленький, коренастый, с наростом на стволе в форме носа, вытянул ветви, как руки, с огромными пальцами, словно пытается кого-то схватить, и корни – как ноги, торчат из земли. А тут Лиственница-страж, раскинула руки-ветви, защищая других от ветра, но твёрдо стоит на пяти ногах – корнях, а за ней выводок из семи небольших полуметровых ёлочек, жмущихся друг к другу от страха. Дальше песок и плоская круглая и овальная галька, от миниатюрных размеров до 10-15 см и так до самой воды... Вода же – как море, я никогда не была на море, но волны прибоя тут явно не меньше. Когда я была ребёнком, мой дед, обычный мужичёк, выросший в глухой деревне, часто водил меня в лес, ставя силки на зайцев, рассказывал дивные сказки, по-моему, им же придуманные. И там всегда присутствовали какие-то лесные духи: «Вот, смотри, внучка, это цветы Берендея», – в зимнем лесу по-

казывал он, я пошире открывала глаза, пытаюсь разглядеть, смешно выпучивая их, но ничего не видела. Тогда он улыбался и, не смотря на ухмылку, ласково так подталкивал и говорил: «Ну, вот же. Куда ты смотришь? Вот». – И там на лиственных ветвях, запутавшись в их переплетении, лежали две совсем небольшие хвойные розочки. Откуда они взялись, как здесь возникли? Через что прошла вся эта природа, чтоб самым невероятным образом вместо обычной шишки, образовались такие вот две миниатюрные розы? Через пару километров леса, он мог поднять обычную, казалось бы, ветку, и показать, со словами: «А это, смотри, его внучки лес охраняют...», – протянуть мне её. При более близком осмотре в этой изогнутой ветке действительно можно было увидеть причудливые формы маленькой лесной феи.

Утром мы поехали на экскурсию на южный берег Ольхона. Огромное количество впечатлений от увиденного пробудили эти детские воспоминания, именно здесь, все эти сказки ожили и практически стали реальностью.

В локации «Семь сосен» столетняя берёза, каким-то чудом, выжившая на голом плоскогорье Ольхона под всеми ветрами. По местным легендам рядом с ней жила очень сильная шаманка и после её смерти, её дух остался в дереве и не даёт ему погибнуть, помогая страждущим в их самых заветных и нематериальных желаниях. Сами семь сосен стоят, прижимаясь друг к другу, на ближайшем холме, как древние богатыри в карауле, охраняя долину. По местным легендам «дедушка Байкал» покарал недругов шаманки и поставил их вечно охранять её покой.

Залив с ярко изумрудной водой и белым-белым песком с мелкой галькой притягивает глаз и вызывает желание искупаться и зарядиться силой и мощью этого уникального водоёма. Цвет воды на расстоянии меняется на голубой, дальше на более глубокий синий, и где-то в дали, в дымке просматриваются горы материковой части, с вкраплениями никогда не тающих ледников на их шапках.

Едем дальше – пейзажи меняются один за другим, вот только была бело-зелёная степь, а тут вдруг появились ярко оранжевые вкрапления лишайников на камнях что перемежаются с очень мелкими цветочками различных цветов, которые бросаются в глаза как яркие, но пугливые огоньки в этой серой массе камней и песка. Коровы, это, наверное, самые главные животные Байкальских регионов. Тут они везде, на правах

хозяев. Пасутся, гуляют, лежат с телятками, кушаются, пьют, щиплют траву... Такие валяжные, никого не боятся, они у себя дома. Периодически где угодно встречаются продукты их жизнедеятельности. Через несколько десятков километров начинаешь замечать, что коровьи лепёшки вдруг изменили цвет и стали ярко пурпурными. Если открыть окно, всё сразу становится понятно! Запах цветущего чабреца, умопомрачительный до головокружения, заставляет остановиться и выйти подышать полной грудью. Обернувшись по сторонам, понимаешь, что на всю даль взгляда вся степь усыпана такими пурпурными лепёшками чабреца, и что он просто растёт там такой формы, как коровьи лепёшки, а не на них. (На них, наверное, тоже, но давно перегнивших.)

В бухте Сагон-Хер местные ребята, водители «буханок» накормили нас походным супом из местной говяжьей тушёнки, готовили каждый свой, кто-то с лапшой, кто-то с рисом и другими крупами, местными специями, походные столы ломились пряниками местного производства, свежими овощами, колбасой (кстати, тоже говяжьей). Стаи чаек, которые давно поняли, где им достанутся остатки еды, тут же сгрудились вокруг и начали драться ещё при приготовлении пищи. Видимо на всякий случай, пытаюсь отбить себе самое ближнее место к будущей еде. Нет ничего вкуснее вот этого походного супа – никакие деликатесы не идут в сравнение, тут в царстве мощи и дикой природной силы, еда приготовленная на костре, в походных условиях, гораздо вкуснее и полезнее различной модной пиццы, суши, ролов и ресторанных блюд. Нет, ни в коем случае, я не критикую ни роллы, ни суши, ни пиццу, дома, я бывает тоже их ем, когда лень готовить, но здесь простой походный суп наполняется такой силой природы, что после него пробуждаются неведомые организму резервы дальше ходить и осматривать местные горы. Я, кстати, попробовала два супа – с домашней лапшой и рисом, очень хотелось добавки, но мой желудок сказал, что он не бескрайний, как Байкал.

Поросшие ярко-зелёным лишайником камни, сначала совсем чуть-чуть, а дальше всё больше и больше в локации «Три скалы» под ярким Байкальским солнцем, переросшие в огромные массивные скалы из ярко-салатовых камней, со всех сторон подсвеченные красками бирюзового «Белого Моря», потрясли моё воображение, которое, казалось, и так уже потрясено вовсю. Мы вдоволь на них полазили, Даня забрался даже на самую

верхотуру этих скал, когда я его фотографировала, сердце от страха пряталось похоже даже не в пятках, а в камнях под ними, зато, спускаясь, он танцевал. Танцы на камнях – как он потом сам назвал это видео. Тысячу метров спуска по каменной тропе он танцевал пасадобль, самый эмоциональный латиноамериканский танец.

С экскурсии все ехали молча. Эмоции, полученные за день, повторно прокручивались в головах у каждого, души питались полученной энергетикой и наслаждались умиротворением, тишиной и тихо сползающим за горизонт ярким байкальским солнцем. Вечером перед сном мы просто разожгли огонь в мангальной зоне, и пока не погасли угли, смотрели на завораживающее зрелище танца язычков пламени, под потрескивание дров на фоне тёплого вечера и медленных волн «Дедушки Байкала».

Кто-то из местных начал рассказывать здешние легенды и сказки, кто-то просто смотрел и думал, о чём-то своём, где-то ржали кони. Огромное чёрное небо с крупными бусинами звёзд медленно накрыло нас, и все мысли просто вышли из головы (видимо спать пошли). Языки пламени в ночной тишине продолжали безмолвно танцевать свой пасадобль, а почти спокойная вода Байкала отражала бездонное чёрное небо с огромным количеством звёзд, смешивая их едва заметным колыханием воды с камнями на своём дне. В полутьме это выглядело как странный языческий ритуал каких-то древних и очень великих духов, где человек лишь безмолвный зритель, ребёнок, младенец Великой природы. Молча, не сговариваясь, мы все пошли спать.

Утро встретило нас неласково. Солнце продолжало нещадно палить, но пришёл Баргузин – один из байкальских ветров (кстати достаточно слабый, хорошо, что мы другие не застали, меня этот-то сдувал без кирпича), очень холодный. Зато рассеялась дымка, над озером она летом стоит почти постоянно, из-за неё очертания противоположного берега сильно смазываются, а водная гладь как будто сливается с небом, создавая сказочное впечатление парящих в небе гор материковой части.

А нам предстояла поездка на катерах... Что нерпечек мы не увидим, поняли сразу (они греются на камнях только в очень тёплую и спокойную погоду, а тут Баргузин), оделись потеплее и выдвинулись к месту посадки на катера. Нас должны были посадить под горой «Шаманка», но из-за погодных условий и больших волн ни один

из катеров не смог там пришвартоваться. Как говорится, начались приключения, которые нам подготовил сам «Дедушка Байкал». Нас довезли до причала, где мы погрузились на катера. Здесь нам всем сразу же выдали жилеты и помогли их одеть тому, кто не умел. Пока мы стояли (у пирса) и ждали остальные катера, пара туристов, не выдержав качки, сошли. Эта поездка длилась четыре часа. Мы посетили кучу прекрасных мест, но жуткая качка подкинула ложку дёгтя в эту бочку мёда. Очень большую ложку... На берегу мы так же продолжали наслаждаться красотами, но на катере, каждый был как на иголках, – укачивало даже тех, кто вообще за 60 лет жизни никогда не страдал даже тенью морской болезни. Поэтому каждый кусочек маршрута по воде превращался в испытание. Мы с честью его выдержали, несмотря на то что с большим трудом удавалось удержать в себе свой завтрак и не поделиться им с местными гусе-чайками.

На острове Огой, который мы посетили, находится Ступа Просветления, – небольшой буддийский храм стоит на самой высокой точке острова, очень гармонично вписываясь в местный пейзаж. Так как это место достаточно известное, то и туристов на острове оказалось не мало. Люди различных национальностей, приехавшие взглянуть на храм, как ручейки стекались на вершину острова и растекались обратно. Остров со стороны выглядит как небольшой людской муравейник. Однако и он смог удивить!

Спустившись на берег – первое, что бросилось в глаза – это странная окраска песка береговой линии. Песок оказался розовым! Высыхая, песок становился белым, с небольшим, как мираж, оттенком розового, но стоило волнам накатить на берег, и он менял цвет на ярко розовый, местами до пурпурного. Серая степь каменистого небольшого острова, тоже отличалась от обычной – то тут, то там, куда не кинь взор, вспыхивали яркие оранжевые огоньки. Сначала так и показалось, что это наши Алтайские огоньки, но подойдя поближе и рассмотрев, мы увидели местную карликовую лилию. Ранее мы встречали её, но тут лилий оказалось гораздо больше и многие цветы гораздо крупнее.

Кроме острова Огой мы посетили ещё несколько довольно красивых и удивительных мест, но, болтанка Белого моря, и борьба с нею, смазали эффект. Поэтому, спустя четыре часа на базу все вернулись уставшими и немного голодными. Вечер мы опять провели у костра, наблюдая

огромный чёрный океан небосвода, усыпанный звёздами, отражение которых, в таком же чёрном ночном озере размазывали волны, превращая точечные небесные светильники в более спокойное мерцающее водное освещение.

Утром ветер усилился. Нас ждала поездка на северную часть острова. Позавтракав и одевшись потеплее, мы загрузились в УАЗики и поехали смотреть северные красоты. УАЗ на острове самый распространённый вид транспорта, и почему, стало понятно именно во время этой поездки. Северная часть, в отличие от южной, не такая голая каменная степь, тут есть достаточно густой лес. Лес на Байкале, как я уже говорила, очень отличается от привычного нам леса. Каждое дерево тут уникально. Из-за ветров на Байкале все деревья небольшие и коренастые. Вот стоит двухсотлетняя сосна-великан, растопырив ветви как огромные руки, ловя ветер и защищая молодую поросль, а тут лиственницы, с огромными ногами, как будто идут куда-то... Ветром выдувает песок из корней, гнёт и изменяет стволы, превращая обычные деревья в различных сказочных персонажей, иногда пугающих своей реалистичностью. Песчаные дороги, с очень крутыми подъемами и спусками, иногда на них встречаются, поваленные в битве с ветром деревья.... Проехать тут очень сложно. Но для Дани вся поездка превратилась в приключение!

Хозяин базы, Антон, и по совместительству наш водитель посадил его рядом с собой на переднее сиденье. Кстати, на въезде в национальный парк стражи порядка даже не обратили внимания, что на переднем сиденье сидит ребёнок, не подходящий по возрасту, видимо высокий рост сделал своё дело и никто не заподозрил, что ему всего десять. В северной части острова, в отличие от южной, растительность была не такой скудной. Часть дороги занимал настоящий дремучий лес! Что казалось странным, после посещения южной части, где ветра убивали деревья в зародыше. И только самые стойкие выживали там, склоняя ветви под могучими порывами ветра и еле выживая в лютые морозы зимой. Тут же всё было иначе, деревья такие же – жилистый, толстый невысокий ствол, с разлапистыми ветвями, выглядевшими как куча рук, с ногами-корнями, но их было очень много. Как скрытая на севере острова армия воинов великанов, замершая лишь на время, до первой угрозы, и готовая сменить всё на своём пути в случае нападения. Скалы на мысах и различных остановках по пути следо-

вания тоже очень сильно отличались – огромные белые глыбы, с кучей очень ярких оранжевых вкраплений местного мха, сменялись на гранитные кручи, густо поросшие местными травами, в зарослях которых безумно красиво пела какая-то местная птичка. Птичку так и не удалось ни заснять на видео, ни сфотографировать. Видимо жизнь научила её очень хорошо маскироваться.

На мысе Хобой (самая северная точка острова) нас накормили обалденно вкусной ухой из омуля, напоили местным чаем с пряниками тоже местного производства. Хочу заметить, что таких вкусных пряников я не ела нигде. Вид же с мыса Хобой настолько захватывает взгляд так, что мозг, похоже просто не может переработать всю получаемую глазами информацию. Стоя на вершине мыса, ты видишь перед собой огромное ярко-синее море до самого горизонта, с белыми барашками волн, где оно сливается с ярко-синим небом, с такими же белыми барашками облаков в одно целое. И масштаб этой, созданной природой, красоты настолько поражает, что мозг способен лишь только впитывать и запоминать, но не анализировать и размышлять.

Даня после ухи умудрился уснуть, видимо дикая стихия и вся впитанная красота природы его так сильно утомила, что он не выдержал и вырубился прямо за столом. Мы заезжали ещё в кучу безумно красивых мест, но после мыса Хобой всё это по масштабу уступало предыдущему мысу. А вечером нас ещё ждала прогулка на лошадях....

Организатор поездок на лошадях, старый бурят Туман и его дочка сразу объяснили, что лошади у них прирученные. То есть родились они не в домашних условиях, а на воле, причём живут они так же, днём катают туристов, а на ночь их отпускают на вольные хлеба.

Ну, а так, как мы никогда оба не сидели на лошади, то было жутко интересно и страшно. Лошадки, хочу заметить, тут невысокие, тоже видимо ветра сказываются, или порода такая, но коренастые и своенравные. Нам сразу определили двух коней, мне белого жеребца Аяка, а Дане Джеки, рыженького коня, как нам рассказал Туман эти кони – братья, но только по матери, поэтому постоянно стараются друг друга укусить, задеть, лягнуть и т.д. Но поездка показала, что это не так страшно. Да, они иногда пытались друг друга, идя рядом, то укусить, то обогнать, видимо соревнуясь, то лягнуть (если кто-то впереди),

но поверьте моему опыту, мои дети, все братья, в своё время друг с другом гораздо жёстче «соревновались», и мне кажется до сих пор меряются силами – кто умнее, кто главнее, кто сильнее, просто сейчас не так упорно. Поездка на лошадях, которая, казалось бы, не сможет уже затмить ничего, преподнесла сюрпризы. Мы долго гуляли по лесу, и в какой-то момент свернули в сторону озера. Кони, почуяв воду, перешли на рысь, и мы под юлюлюканье Дани выскочили из леса на берег, в самое красивое время заката. Солнце ещё не спряталось, а только начало заваливаться за горизонт, ветер, как ни странно стих, люди, отдыхавшие на берегу, местами купались, кто-то жёг костёр. А лошади резко влетев в озеро по самое брюхо, очень сильно напугав нас при этом (казалось, что сейчас ускачут на глубину), жадно пили байкальскую воду, под яркими лучами заходящего солнца и отблесками ближайших костров. Их абсолютное спокойствие и непередаваемый вид медленно и монотонно накатывающих волн, передались нам, и дальше мы вполне освоились в управлении лошадьми и наслаждались видами.

В последний день нашего путешествия мы просто гуляли по окрестностям, постепенно осознавая впечатления предыдущих дней, вспоминая эмоции, полученные при первом посещении некоторых мест, смешные истории и новых друзей и знакомых.

Вечером собрали чемоданы, с твёрдой уверенностью, что мы обязательно сюда вернёмся, потому что мы оба просто влюбились в это место, в эту мощь стихии, в место, где оживают старые сказки и легенды, где в любом возрасте ты возвращаешься в кусочек детства, не важно, воплощая детскую мечту, или просто, приехав сюда отдохнуть. Дедушка Байкал всех покоряет... И привязывает душу к этому месту, которая постоянно хочет вернуться в это сказочное место. Путь домой, как говорят, всегда быстрее, и он сопровождался эхом ярких эмоций от всего увиденного и лёгкой грустью, что так быстро всё закончилось. Однако, домой возвращаться всегда приятно, а уверенность, что мы обязательно вернёмся в это сказочное место, дополнительно грела душу.

И вот мы дома. Но на Байкал мы обязательно вернёмся – он оставил такой яркий след в наших душах и мечтах, что теперь это просто вопрос времени. Мы обязательно вернёмся к тебе «Дедушка Байкал».

Встречи группы поэтов «Север» в Мегионе

Вот уже третий сентябрь подряд, сложившаяся благодаря социальным сетям, группа югорских поэтов «Север» провела творческие встречи с мегионскими читателями Детско-юношеской библиотеки имени В. Н. Козлова и учащимися школ города.

На этот раз группу представляли сургутские поэты: член СПР Маргарита Сладкова, член Ассоциации «Поэты Тюменской области» Людмила Елистратова, Член Союза детских и юношеских писателей Анжелика Бивол (все они члены сургутского литературного объединения «Северный огонёк»), а так же автор этого репортажа.

Первая из пяти проведённых за два дня встреч прошла для взрослых читателей библиотеки, её гостей из Сургута (!) и была посвящена теме осеннего настроения. И вот что написали гости Мегиона в своём посте в ВК:

«28.09.2025 члены Сургутского Рериховского общества «Знамя Культуры» по приглашению друзей и единомышленников из Нижневартовского Рериховского общества «Гармония» побы-

вали в г. Мегионе на встрече с поэтами нашего северного края.

Знакомство с творчеством поэтесс Татьяны Юргенсон, Людмилы Елистратовой, Анжелики Бивол и Маргариты Сладковой проходило в детско-юношеской библиотеке им. В. Н. Козлова и у всех участников вызвало душевный подъём и гордость за славное прошлое, достойное настоящее и веру в светлое будущее нашей Родины. После совместной чайной паузы, прошедшей в тёплой и радушной обстановке, все участники встречи смогли посетить музыкальный спектакль по мотивам лирической драмы Г. Герца

«Дочь короля Рене» и опере П. И. Чайковского «Иоланта», поставленный артистами Камерного музыкального театра г. Мегиона под руководством заслуженного работника культуры РФ Ирины Павловны Стоцкой. Представленное произведение прошло под шквал бурных аплодисментов, подарило зрителям яркие и незабываемые минуты общения с прекрасным, искреннее восхищение высочайшим профессионализмом и самоотдачей творческого коллектива театра.

Выражаем благодарность Председателю Нижневартовского Рериховского общества «Гармония» А. А. Зубайдуллину за организацию встречи и гостеприимство».

Всеми полученными в первый день замечательными эмоциями, – и во время общения с чи-

(Окончание на последней странице)

Фатима Хазырова,

г. Мегион

ПОДСТАВИТЬ ЛИЦО СОЛНЦУ!

Как все сейчас устроено сложно, заранее не предугадаешь, когда вдруг разрядится телефон, захандрит колонка, которая настроена на будильник, сразу ощущаешь дискомфорт. Или вдруг, забыл телефон дома, и как же суетно и хаотично пройдет время. Появляется ощущение внутри, что, что то важное обязательно произойдет, кто-то позвонит, а ты не ответишь! С этими

«тревогами» живут большинство людей. Ведь цифровой мир давно поглотил нас.

Цифровая зависимость стала неотъемлемой частью повседневной жизни.

Действительно, мы настолько привыкли полагаться на гаджеты, что их отсутствие может вызвать тревогу и чувство потерянности. Привычка к мгновенной коммуникации – мы привыкли, что можем связаться с кем угодно в любой момент

И наступает определённо зависимость от этого маленького телефона в кармане. А, знаете, я периодически ухожу от цифровой реальности. Просто беру билет и уезжаю в деревню.

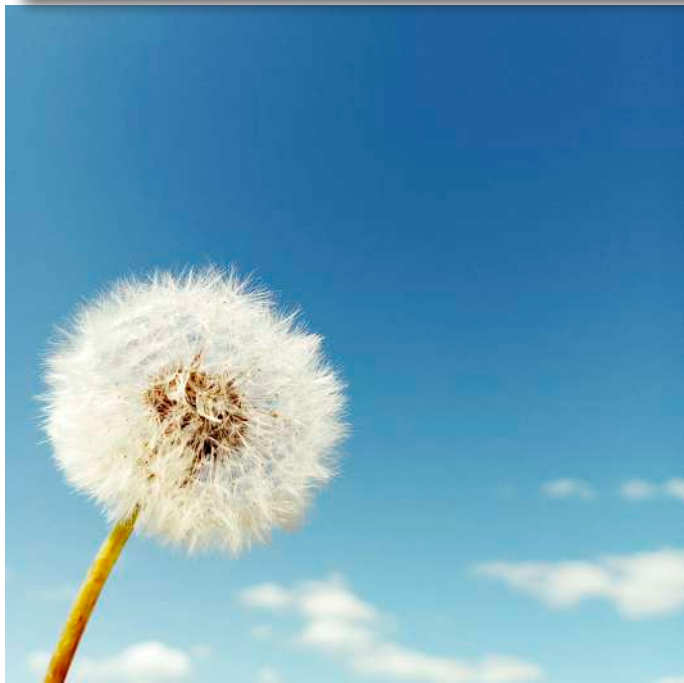
Где воздух небо и солнце и нет вайфая! Первые несколько дней да, чувствуешь себя потерянной, а потом приходит умиротворение, звуки, чистый воздух!

Погружаешься в неспешный ритм деревенской жизни, замедляешься, и начинаешь ценить простые радости. Жизнь деревенская не сахар и не мёд, но живут в ней счастливые люди!

Только здесь начинаешь переосмыслить ценности, понимаешь, что действительно важно в жизни, а что является второстепенным, обретаешь спокойствие и гармонию. Очень люблю Лето, загорелое лицо сынульки, где появляются веснушки, росу на траве, тёплый летний дождь, запах полыни.

Вот вам мой рецепт счастья!

Летние фотонаблюдения Фатимы Хазыровой размещены на следующем фоторазвороте

**Фото
Фатимы Хазыровой,
г. Мегион**

тателями, и слушателями, и во время посещения спектакля, от которого, по признанию самих поэтов, их «пробирали мурашки от восторга», во второй день встреч литераторы с радостью делились с учениками самых разных классов из четвертой и девятой общеобразовательных школ города.

Так Людмила Николаевна Елистратова познакомила десятиклассников из МОУ СОШ №4 с поэтическим творчеством своего сына Егора, в память о котором она издала книгу стихов «Вкус жизни». Поэзия молодого человека оказалась понятной и весьма близкой для старшеклассников.

Анжелика Бивол как обычно оказалась очень востребована младшеклассниками и провела даже две встречи с третьеклассниками из МОУ СОШ №4. Она познакомила ребят с героем не только вышедшей два года назад книгой «Хрумс», но и другим замечательным персонажем своих рассказов – домовёнком Кастрюлькиным. Книжка о нём вышла летом этого года и заняла третье место в областном конкурсе «Книга года» в номинации «Детская и юношеская литература». Итоги года подводились значительно позже прошедших встреч, поэтому от чистого сердца поздравляем нашу замечательную сказочницу сегодня.

Встреча с одиннадцатиклассниками и семиклассниками Маргариты Сладковой и автора этих строк прошла в МОУ СОШ №9. Такое сочетание возрастов не помешало говорить о важнейшем в этой жизни – о бережном отношении к Слову, об ответственности за него, ну и о прекрасном способе жизни – творчестве.

Встречи в Мегионе группы «Север» стали традиционными, и новые, наверняка, взаимно порадуют и читателей, и поэтов.

Татьяна Юргенсон

